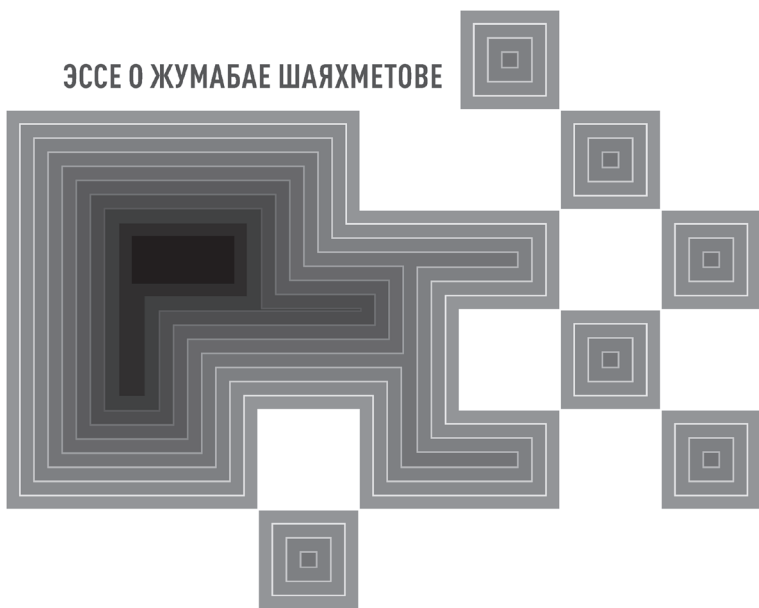

АЙДАР ШАЯХМЕТОВ

РЕКОНСТРУКЦИЯ СМЫСЛА

ЭССЕ О ЖУМАБАЕ ШАЯХМЕТОВЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
FOLIANT

Нур-Султан
2021

УДК 94 (574)
ББК 63.3 (5Қаз)
ШЗ2

Ш 32   **Шаяхметов А.Р.**

Реконструкция смысла : Эссе о Жұмабае Шаяхметове /
Айдар Шаяхметов. — Нур-Султан: Фолиант, 2021. — 216 стр.

ISBN 978-601-338-876-2

В эссе А. Р. Шаяхметова, более тридцати лет проработавшего в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке и ее европейском отделении в Женеве (1978–2014 годы), предпринимается попытка осмысления недавнего советского прошлого на примере жизненного пути его деда Жумабая Шаяхметова, который на протяжении 16 лет находился в руководстве Казахской Советской Социалистической Республики на постах сначала третьего (1938–1939 годы), потом второго (1939–1946 годы) и, наконец, первого (1946–1954 годы) секретаря ЦК Компартии Казахстана. В ситуации, когда все, что связано с этим периодом, продолжает вызывать в обществе ожесточенные споры, глубокий и непредвзятый анализ событий того времени помог бы современному человеку самостоятельно оценить: чего же там было больше — плюсов или минусов? Ответ на этот вопрос автор предлагает искать с учетом глобального контекста и напрашивающихся исторических параллелей.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, в том числе на тех, кто только вступает в зрелую жизнь и у кого есть внутренняя потребность, желание и время самим искать и находить ответы на другие принципиально важные вопросы: кто мы, откуда мы, где мы сейчас находимся и куда — и с кем — движемся?

По мнению автора, являющегося заслуженным работником дипломатической службы Республики Казахстан, это поможет осуществить своего рода реконструкцию смысла того, ради чего должны ставиться цели развития и устанавливаться национальные приоритеты.

УДК 94 (574)
ББК 63.3 (5Қаз)

ISBN 978-601-338-876-2

© Шаяхметов А.Р. 2021
© Издательство «Фолиант», 2021

*Посвящается моему отцу Равилю Шаяхметову,
в непрекращающемся внутреннем диалоге
с которым написано это эссе*

Об авторе

Айдар Шаяхметов, человек с необычной биографией, более 30 лет находился в шаге от главной сцены многосторонней дипломатии. На ней играли свои партии сменявшие друг друга видные политические деятели и разворачивались поистине исторические события, в том числе связанные с появлением и утверждением на ней независимого Казахстана. Но при этом он неизменно оставался в тени.

Судьба предоставляла ему шансы выйти к рампе, но всякий раз ему удавалось устоять перед соблазном. Отклонить после немалых раздумий, сомнений и терзаний заманчивые предложения ему помогал передаваемый в семье из поколения в поколение наказ: «Не лезьте в политику! Выбирайте жизнь обычного человека».

Об этом, опираясь на собственный жизненный опыт, просил своих детей и внуков на склоне лет Жумабай Шаяхметов, ставший в 1946 году первым этническим казахом на посту руководителя Казахской Советской Социалистической Республики. Ему было в ту пору всего 43 года, а за плечами уже имелся 7-летний опыт работы в качестве «дублера» — в должности второго секретаря ЦК Компартии республики — в тяжелый предвоенный период и в годы не какой-то

виртуальной, а очень даже реальной и кровавой мировой войны.

В 1950–1954 годы он возглавлял одну из двух палат советского парламента в качестве Председателя Совета Национальностей Верховного Совета СССР (третьего созыва).

Жумабай Шаяхметов входил в сталинскую команду, как сейчас выразились бы, топ-менеджеров СССР, сумевшую не только привести страну к победе над грозным врагом, подмявшим под себя всю Европу, но и обеспечить создание в рекордные сроки того фундамента, на котором до сих пор держится весь инфраструктурный каркас и, в значительной мере, духовный базис постсоветского пространства. Цена, заплаченная за это, была неимоверно высокой.

Искренне поверивший еще в юношеском возрасте в смысл назревших политических и социально-экономических преобразований, поднявшийся на властный Олимп в самом расцвете сил и так много для своей земли сделавший, он ушел из жизни 20 лет спустя тяжело болевшим стариком, испившим горькую чашу разочарования, унижения и забвения, но не изменившим своим принципам и сохранившим человеческое достоинство.

Читателю в виде полемического эссе предлагаются размышления внука над судьбой деда, убеждениями, которые мотивировали людей тогда, когда во всем мире был невиданный запрос на социальные перемены, и идеями, которые овладели современниками сегодня, когда прежний мир безвозвратно уходит.

Рассуждая о связи между линией собственной жизни и историей недавнего прошлого, автор задается вопросами: имелись ли в ту пору реальные альтернативы пройденному пути, неизбежны ли мировоззренческие и межпоколенческие разрывы и сохранились ли еще точки сборки смыслов, способных окрылять и объединять людей и укреплять в них уверенность в завтрашнем дне?

* * * * *

Слова благодарности от автора

Выражаю искреннюю признательность Мурату Сарсембаеву за то, что он делает ради сохранения памяти о тех, чьи дела не должны быть забыты, и ради восстановления исторической справедливости. Нас с ним объединяет любовь к своим корням и чувство благодарности нашим отцам, дедам и прадедам.

«Если я видел дальше других, то лишь потому, что стоял на плечах гигантов». Эти слова, произнесенные Исааком Ньютоном почти 350 лет назад, приходят на память, когда думаешь о предках, которым мы обязаны отдавать должное, и о великом значении преемственности.

Вместо предисловия

Меня сейчас все чаще спрашивают: «А почему Вы ничего не пишете о своем деде Жумабае Шаяхметове, так много сделавшем для своего народа? Почему не проявляете настойчивость и не добиваетесь увековечивания его памяти? Почему, в конце концов, не делитесь собственной неординарной историей, в которой можно найти столь много поучительного?».

На такие вопросы у меня еще недавно был наготове ответ: мы с братьями, воспитанные в системе координат, где до сих пор в почете личная скромность, всегда исходили из того, что время рано или поздно само расставит все по своим местам. Так считал и наш отец.

Более того, мы в семье принципиально отказывались и отказываемся мериться размерами тщеславия и участвовать в выяснении — у мемориальных досок или на кладбищах — вопроса о том, чей предок знатнее и достойнее. В конце концов, это решать обществу, если ему, вообще, до этого сейчас есть дело.

Для нас же всегда была гораздо важнее честная — пусть неоднозначная — оценка того, что реально было сделано дедом для республики в непростой для нее период, когда наши предшественники, с одной стороны, поднимались над собой и демонстрировали величие своих свершений и силу духа, а с другой — оступались, допускали ошибки или капитулировали перед извечными людскими пороками и слабостями, такими как гордыня, злоба и зависть.

Вердикт в отношении любого политического деятеля прошлого должны выносить, все-таки, историки, положив на чаши весов весь позитив и весь негатив и проведя профессиональный и добросовестный анализ проверенных не по одному источнику фактов. Причем не на идеологизированной, а на строго научной основе.

Хотя умом понимаю: исследователи сегодня полностью зависят от грантов и грантодателей, а известный тезис о том, что «история — это политика, опрокинутая в прошлое», никому убедительно опровергнуть, на мой взгляд, пока не удалось.

Всегда старался следовать доброму совету «Если можешь не писать, не пиши». И это мне удавалось. В последнее время, однако, стал замечать за собой, что мне, с одной стороны, все сильнее мешает какая-то общая невнятность в том, что касается отношения к недавнему советскому прошлому. С другой — стала тяготить неотрефлексированность многих принципиально важных моментов, прежде всего внутри самого себя. Наконец, главное: невозможно стало не замечать все более откровенные попытки отвлечь внимание от проблем сегодняшнего дня и любыми средствами политизировать историю через ее фальсификацию и очернить тех, кто ее творил, в первую очередь, в советский период.

Поэтому захотелось кое-какие моменты проговорить вслух. Хотя бы для своих детей и внуков. Приближающееся 120-летие со дня рождения Жумабая Шаяхметова, которое мы в семье отметим 30 августа 2022 года, на фоне 30-летия с начала процесса независимого государственного строительства хороший повод сделать это именно сейчас.

Текст решил написать в стиле полемического эссе, поскольку он позволяет выразить свои соображения и суждения, не претендуя на исчерпывающий или определяющий характер своих трактовок, и поскольку ему свойственны образность, подвижность ассоциаций и афористичность. Кроме того, он

допускает некоторую доверительную откровенность и разговорную интонацию.

Хочется высказаться на эту тему достаточно развернуто и без недомолвок, но избежать при этом создания какого-то картонного образа деда как некоего Светлого Всадника на Белом Коне, словно проецируемого как в лазерном шоу из мрака трагического прошлого. Этим страдают книги и воспоминания отпрысков многих видных деятелей. Неслучайно историки и архивисты относят такого рода тексты к жанру «детской литературы».

Хочется уйти и от употребления плакатных клише и слов, ставших сегодня «токсичными».

Больше всего не хочется скатиться к назидательности, которая нередко появляется у тех, кто, отстаивая свою правоту, пытается поучать, приводя в подтверждение своих доводов очевидные, казалось бы, истины.

Многие «истины», кстати, буду ставить под сомнение, руководствуясь верным, на мой взгляд, афоризмом: «Сомнение есть вестибюль, через который вы должны пройти, прежде чем попадёте в храм мудрости»¹.

Я, например, сомневаюсь в оправданности предлагаемого некоторыми идеологами подхода к прочтению нашего прошлого, который схематично выглядит на сегодняшний день так: локомотив казахской истории стартует из Золотой орды, летит через славные годы Казахского ханства, слегка тормозит на полустанке под названием «Алаш», потом проносится со стыдливо зашторенными окнами через советский период, громяхая на его ухабах и неровных стыках, и триумфально врывается в 1991 год.

Сомневаюсь я и в глубокой продуманности тезиса, который еще 10 лет назад так любили озвучивать некоторые политики, в том числе на самых разных международных форумах. Со-

---

¹ Чарльз Калейб Колтон (англ. Charles Caleb Colton, 1777—1832) — английский писатель, священник и коллекционер произведений искусства.

гласно их трактовке, молодой стране от Советского Союза досталось весьма незавидное наследство. Это и однобокая экономика, ориентированная на поставку сырья и обслуживание военно-промышленного комплекса. И две зоны экологических катастроф — Семипалатинский ядерный испытательный полигон и усыхающее Аральское море. И многонациональное и мультиконфессиональное общество с большим потенциалом конфликтов на этнической, религиозной и идеологической почве.

Во многом так оно и было, но при этом страна с самого начала располагала и тем, о чем другие не могли и мечтать: и огромной территорией, которую чудом удалось сохранить нашим предкам, и редкой щедростью недр, и несметным богатством в виде солидного человеческого капитала, и реальным «единством в многообразии». А также уникальными объектами, связанными с индустрией, агробизнесом и даже космосом.

В этой связи вспоминается, что еще в 1993 году большая статья о Казахстане во влиятельной в бизнес-сообществе газете «Файнэншл таймс» начиналась со слов: «Экономические перспективы Казахстана, располагающего некоторыми из наиболее значительных в мире запасов нефти, газа и полезных ископаемых, выглядят предпочтительнее, чем у большинства бывших советских республик. Если только эта центральноазиатская республика сама не наломает дров, ей суждено стать богатой»².

Без реконструкции недавнего прошлого посредством его осмысления и анализа реальных альтернатив выбранному пути не обойтись. Я попытаюсь сделать это для себя на близком мне примере — через прослеживание судьбы своего деда. Постараюсь собрать заново мозаику, которую в свое время рассыпали. Намеренно.

---

² *Kazakhs move slowly to negotiate deals that will unlock their riches*. Financial Times, 8 April 1993.

Моя задача состоит не в том, чтобы, выступив в качестве самоназначенного адвоката Жумабая Шаяхметова, убедить себя и других в его правоте. Опираясь теми фактами, которые мне известны, я хочу извлечь из его и своей жизни уроки, которые помогли бы детям и внукам не потерять верные ориентиры при поиске образа будущего.

А этот поиск никогда не прекратится, как бы пафосно и высокопарно все это ни звучало. И цена ошибки тоже будет высокой, потому что и сегодня, как и тогда, мир, увы, балансирует на грани.

Попытаюсь сделать так, чтобы мои рассуждения о деде и его времени не приняли форму новонаписанного жития какого-то святого. Но при этом постараюсь развенчать собирательный образ злодея, который методично конструировался все эти годы усилиями тех, кто стоял на иных мировоззренческих позициях и кому неизбежно возникающие в этом контексте аллюзии, сравнения и параллели невыгодны.

Я, впрочем, прекрасно отдаю себе отчет в том, что та часть моего высказывания, которая относится к оценке личности и деятельности Жумабая Шаяхметова, у многих может вызвать скептическое отношение. Дескать, чего еще можно было ожидать от любящего внука? Но я оцениваю не столько его, сколько его время. И без любви, как известно, правды не бывает.

Допускаю также, что в нынешней атмосфере все более обнажающейся идейной поляризации и крайней нетерпимости к иной точке зрения, когда человека без всяких церемоний вынуждают вписываться либо в одну, либо в другую матрицу, некоторые люди сразу же поспешат наклеить ярлык и другим моим наблюдениям и суждениям, поскольку либо, все-таки, сочтут их неоригинальными и вторичными, либо непременно найдут в них маркеры ставшей им чуждой системы ценностей.

Чтобы читателю было понятнее, на какой базе строятся мои рассуждения и умозаключения, мне, и в самом деле, стоит начать с рассказа о себе, тем более что в нем, так уже получилось, многое будет перекликаться как с темой деда, так и с историей страны.

I. С берегов Иртыша к берегам Лемана

Линия жизни прочертилась у меня нестандартно. Моя профессиональная карьера началась в 23 года в далеком 1978 году в самый разгар холодной войны. И прямо в ее эпицентре — в штаб-квартире Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке. В Секретариате ООН я получил первую в своей жизни зарплату. Формально моим боссом был генсек ООН Курт Вальдхайм, а фактически — Олег Александрович Трояновский, Постоянный представитель СССР при ООН.

На 14-м этаже небоскреба на Ист-Ривер я проработал в общей сложности более четверти века. Говорю в общей сложности, потому что в промежутке между двумя длительными командировками в 1983–1985 годы был сотрудником центрального аппарата МИД СССР, по линии которого направлялся на ооновские форумы, после чего меня опять позвали в Нью-Йорк. В 2007 году был переведен в Отделение ООН в Женеве, которому отдано вот уже почти 15 лет. Там я в последние годы до выхода в отставку руководил лингвистической службой в составе 350 профессионалов из самых разных стран мира, обеспечивавших на 6 официальных языках ООН функционирование этого важнейшего центра многосторонней дипломатии. Он располагается в историческом Дворце Наций на берегу Женевского озера, известного также под названием Леман.

Мои знания и опыт востребованы в ООН до сих пор, хотя формально на действительной службе я уже не нахожусь.

24 октября 2013 года, в День ООН, меня в числе других ветеранов этой главной межгосударственной организации наградили памятной золотой медалью за 30-летнюю безупречную службу на благо Объединенных Наций. Знаменательно, что вместо дежурной фразы «Примите мои поздравления», которую обычно произносит вручающий ее заместитель Генерального секретаря, я услышал столь родные для себя слова «Құтты болсын, Айдеке!»

Да, мне, действительно, выпала честь получить эту почетную награду из рук своего земляка Касым-Жомарта Токаева, который завершал тогда свою деятельность в качестве заместителя Генерального секретаря и Генерального директора Отделения ООН в Женеве и уже готовился к возвращению на Родину.

Наблюдая за тем, в какую сторону эволюционирует мир в целом и эта межправительственная организация в частности, я понимаю, что мой жизненный путь — на редкость линейный по нынешним меркам — повторить уже вряд ли возможно. Особенно в сегодняшних условиях, когда человеку предлагается менять в течение жизни не просто места работы, но и профессии. Один человек, знакомый с моей биографией, даже пошутил на этот счет: «Твой кейс можно было бы разбирать на эйчаровском семинаре, которые проводят коучи по карьерному росту и развитию лидерских компетенций, или положить в основу сценария фильма в классическом жанре “История успеха” для последующей экранизации».

И в самом деле, получилось вполне хрестоматийно — как раньше в японской корпорации с системой пожизненного найма, при которой молодой человек приходит на должность сначала посыльного, а на пенсию уходит с поста председателя совета директоров. Или как в армии, когда рядовой, получая очередные звания, заканчивает службу генералом. В моем случае это был путь от младшего сотрудника категории спе-

циалистов до директора и руководителя крупного ооновского подразделения.

Чтобы подняться по иерархической лестнице в ООН еще выше, мне нужно было бы из профессионала превратиться в политического назначенца, которого пролоббировало собственное правительство и поддержали его союзники.

В силу специфики ооновской кадровой политики даже на моем уровне мне очень помогли, в том числе и при переводе в Европу, признание моих деловых качеств, доверие и поддержка со стороны государства в лице Касым-Жомарта Токаева, которому я за все это благодарен. Как благодарен и стране за государственные награды, за присвоение звания Заслуженного работника дипломатической службы РК. Мощную помощь ей я, впрочем, оказывал не в ожидании похвалы, а по зову сердца.

Оглядываясь на пройденный путь, вижу, что, действительно, все получилось последовательно и поступательно.

Первые 16 лет жизни прошли в Восточном Казахстане, в Усть-Каменогорске, где простым инженером на очень непростом Ульбинском металлургическом заводе многие годы верой и правдой трудился отец. На улицах, во дворах и на самодельных хоккейных коробках с теплотой вспоминаемого города детства, где Ульба впадает в Иртыш, проходила моя социализация, познавалась суровая правда бытия и выковывался мужской характер. В единственной в городе спецшколе я уже со второго класса стал изучать по общесоюзной программе английский язык, что позже и определило выбор профессии.

Расширению кругозора и общему развитию способствовали довольно частые поездки с братьями на летние каникулы в Москву, где мы навещали находившегося на лечении деда. Останавливались у него в служебной квартире Казпредства, которое располагалось тогда в районе Арбата в Трубниковском переулке в доме № 10. Но чаще жили у своего дяди — Газиза Дугашева, известного в Казахстане и в СССР дирижера, кото-

рый в разные годы работал с ведущими оркестрами страны. В 1951–1959 годы он был дирижером Большого театра. Я помню, как он брал меня маленьким мальчиком на репетиции и как я, сидя в оркестровой яме главной сцены страны, перелистывал ноты для арфистки, подававшей мне знак кивком головы.

Последние два класса средней школы заканчивал в Алма-Ате, куда с думой о будущем детей в 1970 году перевелся отец. Переезд стал возможным благодаря Димашу Ахметовичу Кунаеву, помнившему его еще с детских лет. В память о Жумабае Шаяхметове, который в свое время способствовал его выдвижению на руководящую работу, но который все эти годы оставался в зоне официального забвения, Кунаев помог в этой жизненной ситуации и с работой, и с квартирой.

Наш десятый класс стал в 1972 году первым выпуском 120-й школы, которую закончили потом мои братья Ринат и Ноэль. Через эту только что открывшуюся школу и тех, кто в ней в то время учился и преподавал, во многом происходило мое ускоренное погружение в неповторимую атмосферу редкой красоты города, сразу ставшего родным. Мне и моим школьным товарищам тогда повезло: у нас была возможность всеми своими фибрами ощущать на себе ту удивительную химическую реакцию, которая происходит, когда человек, нашедший свое призвание, в нужный момент оказывается на своем месте. С благодарностью вспоминаю выдающегося директора Гизеллу Михайловну Бровар, с которой наша семья — как, впрочем, и многие в городе — поддерживает связь до сих пор. А Владимир Григорьевич Ронкин, талантливо и искрометно преподававший мою любимую историю, годы спустя уже в Нью-Йорке был какое-то время Учителем и Наставником уже у моих детей.

Определяющую роль в моей судьбе сыграл дед. Так получилось, что мне единственному в семье довелось воспользоваться системой выделения для Казахстана мест в ведущих вузах СССР, которую в свое время «пробил» в Москве Жума-

бай Шаяхметов, много сделавший для укрепления кадрового потенциала республики.

Сдав вступительные экзамены в алма-атинском институте, который он открывал, я поступил в 1972 году по республиканской разнарядке на переводческий факультет Московского института иностранных языков им. Мориса Тореза.

Десятилетия спустя, когда в числе других администраторов ООН я стал отвечать за подготовку кандидатов из разных стран мира на лингвистические посты в ооновских структурах и начал сравнивать учебные программы и нагрузку лучших университетов и колледжей Европы, Азии и Америки, я осознал, что московский институт был в ту пору лучшей лингвистической школой не только в СССР, но и в мире. Говорю это без преувеличения.

Получив на самом старте фору благодаря фамилии деда, в Москве я мог потом рассчитывать только на себя.

На переводческом факультете меня не очень-то и ждали, поскольку надеялись, видимо, отдать зарезервированное за Казахстаном место кому-то из москвичей, не попавших в списки зачисленных в престижный вуз. Меня тут же с пристрастием протестировали на кафедре грамматики (с применением, видимо в целях оказания психологического давления, песочных часов, отмерявших 60 секунд) и вынесли неутешительное для меня заключение: предъявляемым требованиям не отвечает. Декан факультета — интеллигентнейший и импозантный мужчина с внешностью итальянского баритона (Юрий Волков, как я впоследствии узнал, был супругом великой оперной певицы Ирины Архиповой) — подошел потом ко мне с вопросом: «Молодой человек, я слышал, что Вы собираетесь вернуться в Алма-Ату?». Я сделал вид, что намека не понял, но был, как говорится, выбит из седла.

Судьба распорядилась таким образом, что как раз в эти дни в коридорах института я встретил будущую супругу — свою любимую и верную Акмарал, москвичку с пятилетнего воз-

раста, учившуюся на педагогическом факультете. (И, кстати, как потом выяснилось, соседку по подъезду Ирины Архиповой). Она стала моим близким другом, советчиком, ангелом-хранителем и нравственным компасом.

Акмарал сейчас это с возмущением и категорически отрицает, но тогда после нашего поистине судьбоносного знакомства и первого робкого разговора я, контуженный ее красотой и умом и придавленный стрессом от осознания собственной неадекватности, вынес для себя в сухом остатке главный смысл ее тактичных слов. Он сводился к тому, что учиться надо хорошо и что нужно постараться никого не подвести. Она могла так сказать, а я имел все основания именно так истолковать ее слова: накануне в Алма-Ату был вынужден вернуться после первого курса поступивший по такой же разнарядке на тот же факультет сын известного и уважаемого в Казахстане человека.

Я же считал, что просто не имею права разочаровывать своих родителей, поскольку знал, сколько любви и сил они в меня вложили и какой ценой давалось им мое командирование на выучку в Москву. Отец оставался инженером, но теперь уже в Институте металлургии Академии наук, где зарабатывали меньше, чем на «почтовом ящике» союзного подчинения в Усть-Каменогорске. Мама, всю жизнь просидевшая дома и занимавшаяся воспитанием троих сыновей, вышла на работу только после переезда в Алма-Ату. Получала символическую зарплату лаборанта на Геологической выставке, но была просто счастлива от возможности общения в коллективе. Дома оставались два моих младших брата, которые требовали к себе внимания. Однако родители пошли даже на то, чтобы ценой существенного урезания семейного бюджета снимать в Москве для меня комнату. Боялись, что жизнь в общежитии учебе способствовать не будет.

Свою роль сыграло и то, что хорошая знакомая дяди Газиза, которая сдавала комнату многим землякам, учившимся в разные годы в Московской консерватории, любила мою маму

и обещала ей взять на постой одного из ее сыновей, если он будет учиться в столице. Анна Альбертовна, величавая дама с аристократическими манерами, за которые мои друзья прозвали ее «Графиней», окружила меня любовью и заботой.

Несколько лет я спал на той же продавленной тахте, на которой до меня спали наши известнейшие композиторы Мукан Тулебаев, а позже Еркегали Рахмадиев. Когда я уезжал на занятия в институт на Остоженке (тогда эта улица называлась Метростроевской), Анна Альбертовна приглашала к себе студентку консерватории Ризвангуль, дочь не менее известного композитора Куддуса Кужамьярова, чтобы та могла порепетировать в мое отсутствие на трофейном немецком пианино, которое стояло в моей комнате. Когда я был дома, Ризвангуль ездила к Тихону Хренникову и занималась в кабинете многолетнего руководителя Союза композиторов СССР. Такими были тогда человеческие отношения.

Так получилось, что фильм Михаила Казакова «Покровские ворота» по пьесе Леонида Зорина я впервые посмотрел через много лет после его выхода на экраны. Он поразил меня тем, сколько до боли мне знакомого в нем было отражено. В Костике узнал себя, в его тетушке Алисе Витальевне — Анну Альбертовну. Такая же коммунальная квартира с тем же допотопным аппаратом в коридоре на стене, по которому Анна Альбертовна принимала для меня «месседжи». Такие же беспокойные соседи по коммуналке.

Разница была лишь в том, что квартира была не на Покровских воротах, а на Ленинградском проспекте у гостиницы «Советская». И я не так порхал по жизни, как Костик, а чаще часами сидел в своей комнате за учебниками и словарями. Зато рядом с Покровскими воротами на Чистых прудах жили Дугашевы, у которых мы гостили в детстве почти каждое лето и к которым я уже студентом приходил по уикендам, чтобы погреться у их семейного очага. А напротив их дома было Казпредство (нынешнее здание Посольства Казахстана), куда мне

пару раз приходились обращаться за бронью на алма-атинский рейс, когда в кассах Аэрофлота кончались билеты. Валентина Ивановна, секретарша Постпреда Атамбаева, с которой меня познакомил отец и которая помнила деда, входила в мое положение и выручала меня.

Не был уверен, что стоит так подробно об этом рассказывать, но получается, что в жизни так много было хитрых и причудливых переплетений судеб разных, казалось бы, людей.

Уже после того как мы с Акмарал решили пожениться и я познакомился с ее родителями, выяснилось, что Жумабай Шаяхметов сыграл определяющую роль и в судьбе моей будущей тещи — Гульжамили Жумабековны Нурбековой. В 1947 году, когда специальная комиссия не хотела принимать ее по молодости лет на учебу в Республиканскую партийную школу при ЦК КПК, несмотря на наличие рекомендации Южно-Казахстанского обкома, она сумела попасть на прием к первому секретарю ЦК, и дед, поверивший в ее потенциал, дал указание подготовить решение о ее зачислении, которое круто поменяло ее жизнь.

В 1948 году письмо на имя Жумабая Шаяхметова с просьбой о направлении на учебу в Московскую консерваторию написали Газиз Дугашев и Мукан Тулебаев. Учеба у лучших педагогов страны дала обоим путевку в творческую жизнь. Как все в этих историях закольцовывается!

Сидя за письменным столом, за которым творил Мукан Тулебаев, я, естественно, ни о чем таком глубоком не думал. Был занят выполнением домашних заданий, подготовкой к экзаменам. Учиться было тяжело, но невероятно интересно. В Институте им. Мориса Тореза тогда преподавали истинные корифеи — авторы известных учебников и словарей, которые болели за свою профессию. После распада страны многие из них уехали в лучшие университеты мира.

На кафедрах было немало носителей языка. Например, среди преподавателей испанского были так называемые «дети

войны» (*los niños de la guerra*), вывезенные в конце 1930-х годов из Испании после закончившегося там гражданского конфликта. К нам приходили делиться опытом профессионалы высочайшего класса. Навсегда запомнился блистательный Виктор Суходрев, который работал на встречах в верхах с английским языком и охотно делился с нами секретами профессии.

Благодаря склонности к языкам, которую, похоже, я унаследовал от деда, и ежедневному труду уже на третьем курсе я, по отзывам преподавателей, смотрелся лучше многих ребят, которые пришли в институт с хорошим знанием языка, прожив с родителями за границей определенное время.

После того как в 1973 году Брежнев и Никсон подписали целый пакет советско-американских соглашений, в том числе по студенческим обменам, наш институт стал посылать лучших студентов на стажировку в университет штата Нью-Йорк в городе Олбани. Кафедра перевода вынесла рекомендацию о моем направлении на такую стажировку после третьего курса в 1975 году. Меня, впрочем, из списка в последний момент исключили, чему я и не удивился, поскольку за место для своего чада в группе из 10 человек состязались известные в Москве фамилии. Когда же бумаги на группу ушли «наверх», оттуда пришло указание меня в список вернуть.

Эта была одна из тех ситуаций, когда Фортуна — казалось бы, вопреки всему — мне благоволила, особенно когда выступала в облиции высоких и невидимых инстанций, решавших узловые вопросы моей карьеры. У меня было только одно объяснение: на меня в дополнение к моим личным качествам могла еще работать фамилия деда. На это, кстати, тайно надеялся мой отец, который сделал для меня в свое время максимум того, что мог, получив заветное место в институте.

Эту мою версию косвенно подтвердил в 2014 году на моих проводах на пенсию в Представительстве Казахстана при Отделении ООН в Женеве ветеран советской и российской

дипломатии Эдуард Викторович Кудрявцев, который в 1950-х годах работал на Старой площади. В своем тосте, обращаясь к моим гостям, среди которых было немало видных дипломатов, включая нынешнего посла России в Казахстане Алексея Николаевича Бородавкина, он сказал, что Жумабай Шаяхметов оставил о себе хорошую память в аппарате ЦК, где его ценили и уважали за умение вести себя с достоинством, но без чванства, и за внимательное отношение даже к молодым сотрудникам.

Таким образом, Америку я открыл для себя в 20 лет. Это сейчас учеба за рубежом — дело обыденное. Тогда же это было огромным событием и для непосредственных участников, и для обеих сторон. Та стажировка мне многое дала.

Американцы встречали нас тепло, ответственно и на весьма высоком уровне. Можно сказать, нам показали Страну Возможностей, пригласив войти в нее через парадную. Сегодня кое-кто мог бы толковать это — и, наверное, небезосновательно — как пример применения «мягкой силы» с дальним прицелом: превратить нас если не в агентов своего влияния, то, как минимум, в симпатизантов.

Мы проучились там всего один семестр — с середины августа и до начала рождественских каникул, но за эти четыре месяца многое посмотрели и еще больше познали. Во всяком случае посмотрели гораздо больше, чем получилось потом увидеть за 4 года первой командировки в Нью-Йорк, начавшейся три года спустя.

Каждые выходные нас возили по разным городам и весям, чтобы продемонстрировать все преимущества американского образа жизни. Организовали в Вашингтоне экскурсию по Белому дому, хозяином которого тогда был Джеральд Форд, в сенате США дали посидеть на галерее вице-президента в качестве личных гостей Нельсона Рокфеллера, на Капитолийском холме устроили встречу с конгрессменами, показывали тот флигель отеля «Уотергейт», где произошли события, при-

ведшие к импичменту президента Никсона, в избирательном штабе демократической партии на севере штата Нью-Йорк во время праймериз предоставили возможность послушать прожжённых политтехнологов, которые цинично рассказывали нам о том, что при наличии денег и хорошо смазанной партийной машины они могут провести в дамки любого кандидата, особо подчеркнув слово «любого». Кстати, с тех пор я стал интересоваться инженерией общественного согласия.

Во время поездок по стране мы жили в семьях американцев, желавших принять у себя советских стажеров.

Нас провезли по объектам еще существовавшего тогда в стране реального сектора экономики: показывали сборку турбин для электростанций на заводе «Дженерал электрик» (GE) в Скенектеди, водили по цехам предприятия «Интернешнл бизнес машинз» (IBM) в Кингстоне, где собирали диковинные для той поры персональные компьютеры. Знакомили с интеллектуальной элитой: возили в Гарвардский университет и Массачусетский технологический институт (M.I.T.) в Бостоне, где мы встречались со студентами и профессорами этих центров научной мысли.

Среди прочего, нам организовали посещение самой престижной военной академии США в Вест-Пойнте, расположенной в одном из живописнейших мест долины Гудзона. Комплекс зданий очень похож на школу Хогвартс из фильмов про Гарри Поттера. Нас принимали кадеты, изучавшие русский язык. Потом был совместный ужин с потенциальными противниками в грандиозном зале столовой в готическом стиле на 4 500 мест. Блюда подавали официанты в белоснежных перчатках из числа первокурсников. Молодые кадеты за нашим столом, прежде чем обратиться к нам с вопросами, испрашивали на это разрешение у своих «дедов». Мы же глядели на все это с некоторым изумлением и про себя думали: «А ведь нас в инязе учат тому, как вас, ребята, допрашивать». Действительно, у себя на военной кафедре мы получили военно-

учетную специальность «Военный переводчик» (ВУС 2003), в обязанность которого входил и допрос военнопленного. А воинскую присягу мы после сборов под Наро-Фоминском принимали в Кантемировской дивизии.

Привожу здесь все эти детали только для того, чтобы были понятны чувства, меня охватившие, когда почти тридцать лет спустя я приехал в Вест-Пойнт опять. На этот раз на церемонию выпуска 2004 года по приглашению первого казахстанца, закончившего эту элитную кузницу военных кадров. Если бы в 1975 году мне об этом кто-нибудь сказал, мог бы я в это поверить?

Но на стажировке главным было, все-таки, ежедневное общение со сверстниками и преподавателями, т. е. глубокое погружение в языковую среду. Та поездка способствовала ломке многих стереотипов, позволила снять внутри себя психологический барьер и во многом помогла поверить в свои силы. В голове стали намечаться очертания общего — крайне неоднозначного — контекста жизни и у нас, и у них.

На последнем курсе института в моей траектории могло произойти существенное отклонение, когда в числе других пятикурсников с испанским языком в качестве второго иностранного я был включен в группу, которую за оставшиеся до конца учебного года четыре месяца нужно было срочно перепрофилировать в «португальцев» и направить потом в распоряжение министерства обороны СССР.

Если бы я в этой группе остался, мне, похоже, пришлось бы немного поучаствовать потом в боевых действиях в Анголе или Мозамбике, бывших африканских колониях Португалии. Или в Эфиопии — как моему приятелю-однокурснику Виктору Гусеву, будущему известному спортивному комментатору российского Первого канала, с которым мы подружились на стажировке в Олбани.

Однако почти одновременно с этим в ректорате было принято решение о моем направлении после окончания института

на Курсы переводчиков ООН, о которых стоит рассказать подробнее.

Они были созданы в 1960 году под эгидой МИД СССР на базе Института им. Мориса Тореза и финансировались Секретариатом ООН. Вступительные и выпускные экзамены устраивала кадровая ооновская комиссия из Нью-Йорка. Ежегодно на Курсы, где были собраны лучшие в те годы преподавательские силы страны, отбирались 25 слушателей из числа выпускников институтов иностранных языков Москвы, Киева и Минска, а также МГИМО и МГУ.

Помимо чисто ооновского перевода нам ударными дозами давали предметы, которые были призваны заполнить лакуны в нашем советском образовании: Библия и Коран, мифология, американская масс-культура, теории антикоммунизма, основы экономики, социологии, демографии т. п.

После успешного окончания интенсивной девятимесячной программы в моем арсенале были: умение отвечать на любые неудобные по тем временам вопросы иностранцев и три из шести официальных языков ООН — английский, испанский и русский. Годы спустя уже в Женеве к ним добавится французский.

Не лишним будет заметить, что основателем и первым директором Курсов была небезызвестная Зоя Зарубина, родившаяся в семье советского разведчика Василия Зарубина. Ее отчим легендарный Наум Эйтингон был одним из разработчиков операции по ликвидации Троцкого. Сама служила в разведке, работала на Тегеранской, Ялтинской и Потсдамской конференциях, на Нюрнбергском процессе, занималась переводом секретных материалов в рамках Атомного проекта. Когда я поступил на Курсы, их возглавлял уже другой ветеран разведки — любимый всеми «ЮрСтеп» (Юрий Степанович Жемчужников). В этом месте у кого-то может возникнуть впечатление, что и я сам к спецслужбам имел отношение, но

это не так, хотя среди слушателей кадровые офицеры, действительно, были.

По распределению я попал в Секретариат ООН в Нью-Йорке. Как потом я прочитал у Михаила Ивановича Исиналиева, министра иностранных дел Казахстана в период 1981–1989 годов, из-за проводившейся в ту пору кадровой политики казахстанцы, даже окончившие МГИМО или Дипломатическую академию, направлялись на работу, как правило, в страны Африки и Азии. Буквально единицы работали в развитых странах и в международных организациях³.

Моя специальность переводчика-референта со знанием трех рабочих языков ООН помогла мне попасть сразу в ее головной офис. Эта работа была тогда, пожалуй, пределом мечтаний в нашей профессии, поскольку давала возможность увидеть мир, открывала доступ к информации, которого не было у среднестатистического человека, и, к тому же, хорошо оплачивалась.

За 33 года ооновской карьеры мне пришлось пропустить через себя тысячи документов, отражавших эволюцию проблем, которые фигурировали на разных этапах в повестке дня ооновских органов. Если в конце 1970-х годов доминировали такие международные темы, как разоружение и нераспространение ядерного оружия, апартеид и деколонизация, израильско-палестинский конфликт и установление нового международного экономического порядка, то потом их вытеснили права человека и гуманитарные вопросы, цели устойчивого развития и климат, глобализация и многочисленные миротворческие операции из-за войн на Ближнем Востоке, в Африке, Юго-Западной Азии, бывшей Югославии и ближнем зарубежье.

Довелось поработать в редакционном комитете Конвенции ООН по морскому праву, на Конференции ООН по разору-

---

³ Исиналиев М. *Штрихи к портретам*. — Алматы, «Санат», 1999. — С. 170.

жению в Женеве и на сессиях Комиссии международного права. Актуальными сейчас вопросами «зеленой экономики» вплотную занимался на Конференции по новым и возобновляемым источникам энергии в Найроби еще в 1981 году. Она закончилась тогда ничем, так как в ту пору мир до этой темы еще не созрел. Удалось поработать и в Казахстане — на Конференции министров транспорта по транзиту в 2003 году и на выездной сессии Контртеррористического комитета Совета Безопасности ООН в 2004 году. Представлял своих коллег на координационном совещании в Евросоюзе в Брюсселе в 2014 году.

Взгляд изнутри на многие мировые события позволил сформировать с годами незамутненное видение мира и трезвое отношение ко многим мифам, создаваемым СМИ в общественном сознании.

Сегодня мало кто помнит, например, что те же США до последнего саботировали принятие в ООН резолюций, осуждавших расизм и апартеид в ЮАР. Это не помешало потом Биллу Клинтону и последующим президентам США «прислониться» к мировой славе Нельсона Манделы, хотя этот бывший узник, а впоследствии лауреат Нобелевской премии и его партия Африканский национальный конгресс еще долго оставались у американцев в списках «террористов».

Когда в апреле 1982 года между Аргентиной и Великобританией разразилась так называемая «Фолклендская война» за две британские заморские территории у самых берегов Аргентины, мне пришлось почти 2 месяца просидеть в «передовом эшелоне» Совбеза ООН. В этой комнате, примыкавшей к залу, где проводились конфиденциальные консультации между членами Совета, вместе с коллегами из других языковых служб мне довелось заниматься обработкой сводок военных ведомств обеих стран для делегаций этого органа, отслеживавших напряженную ситуацию вокруг спорных Фолклендских островов в режиме реального времени. Тот

конфликт дал возможность увидеть большую разницу между реальными событиями, происходившими «на суше и на море», и их освещением в мировых СМИ. Кстати, аргентинцы называют эти территории «Мальвинскими островами», но весь мир пользуется названием, на котором настаивают англичане.

Воочию убедиться в нечистоплотности кухни, на которой порой готовились «блюда» международной дипломатии, позволила многолетняя работа с конфиденциальными документами Комитета Совета Безопасности по санкциям в отношении Ирака, учрежденного резолюцией 661 (1990). Этот орган, в котором доминировали делегации США и Великобритании, решал, какие компании могут торговать иракской нефтью после войны в Персидском заливе и поставлять голодавшему населению Ирака продовольствие. Вся эта достаточно коррупционная схема «Нефть в обмен на продовольствие», в которой «откаты» были неотъемлемой ее частью, была выстроена с одной целью: отсечь возможных конкурентов и давать контракты только тем, кто был аффилирован с коалицией, начавшей войну с Саддамом Хуссейном. Но по CNN давали иную картинку: международное сообщество решает благородную гуманитарную задачу. Потом уже, правда, мелким шрифтом в какой-то заметке в газете было признано, что многие виды поставлявшегося в обмен на нефть продовольствия были непригодными к употреблению.

Позже на примере правозащитного механизма ООН, в центре которого находится Совет по правам человека, мне стало видно изнутри то, как работает социальная инженерия. Процедура так называемого «Универсального периодического обзора», в ходе которого все государства — члены ООН каждые три года отчитываются перед международным сообществом о выполнении своих правозащитных обязательств, до боли напоминает разбор персонального дела коммуниста на заседании партбюро. Ключевым элементом являются критические замечания и рекомендации других делегаций и представителей

неправительственных организаций. Многие из них, прежде всего касающиеся традиционных ценностей, института семьи и прав ЛГБТ, вступают в явный конфликт с архетипом большинства наций. Некоторые государства пытаются сопротивляться, но, как говорится, вода камень точит.

Работа в ооновских структурах в Бангкоке, Вене, Женеве, Найроби, Нью-Йорке и Риме и возможность тесного — и часто неформального — общения с представителями самых разных стран позволяла видеть, что называется, «обратную сторону Луны», т. е. изнанку некоторых крупных событий.

Вспоминается эпизод из 1999 года, связанный с моим участием — на неформальной основе — в переговорах американских и российских меценатов об условиях спонсорской поддержки некой программы культурных обменов. Один из американских инвесторов, с которым мы были знакомы, попросил меня помочь ему с языком на тот случай, если официального перевода ему не будет хватать. Мы сидели не за столом переговорщиков, а во втором ряду среди экспертов и консультантов, поэтому имели возможность тихо между собой переговариваться. В какой-то момент мой знакомый заскучал и стал мне рассказывать, кто есть кто в зале. Показав на одного российского благотворителя, представлявшего «Альфа-Банк», он рассказал его подноготную, а потом добавил: «Кстати, его банк был в числе тех, кого мы в 1998 году предупредили о дефолте». Потом показал на людей, сидевших на американской стороне стола, и произнес с важным видом: «А вот эти работают на команду, которая готовит генерала Лебеда к президентским выборам 2000 года».

Некоторые публичные персоны, появляющиеся на экранах в информационных программах, мне довольно близко знакомы, поэтому какие-то новости я воспринимаю по-своему.

Когда после 2014 года резко обострились отношения между Россией и Украиной, я не без боли в сердце наблюдал по телевидению за тем, как остро пикировались в Совете Без-

опасности ООН российский постпред Василий Небензя и его украинский визави Владимир Ельченко, как резко комментировал по западным телеканалам Константин Елисеев, замглавы администрации президента Порошенко, слова российского министра иностранных дел Сергея Лаврова. Не оставалось никаких сомнений в том, что между представителями двух некогда братских республик пролегла глубокая пропасть.

А я вспоминал, как вместе со всеми с ними выходил в Нью-Йорке на футбольное поле, нередко в одной команде, как мы приходили друг другу на помощь в игровых ситуациях, как весело и непринужденно проводили после этого «третий тайм» в баре за одним большим столом.

Когда меня просят вспомнить событие, которое запомнилось больше всего, я начинаю долго думать, поскольку за годы работы в городе, который, по крайней мере тогда, был эпицентром международной жизни, памятных моментов было немало.

Вспоминается, среди прочего, одна дата — 11 сентября 2001 года, когда были атакованы Всемирный торговый центр в Нью-Йорке и Пентагон в Вашингтоне. В то утро после некоторой неразберихи мы были эвакуированы из здания ООН, т. к. предполагалось, что и оно может оказаться в числе вероятных мишеней. Об этом дне много написано. Соглашусь с теми, кому он напомнил голливудский фильм-катастрофу. Вот только дым над Ground Zero, который был виден из окна нашей квартиры на Манхеттене, говорил о том, что все это происходит в действительности. В город, который на несколько дней закрыли, вошли армейские части и национальная гвардия.

Но уже на следующий день Совет Безопасности ООН решил показать всему миру, что этот центр координации и согласования действий международного сообщества ситуацию контролирует и что государства-члены полны решимости продемонстрировать свою солидарность с Америкой. Было созвано его экстренное заседание с минимально возможным

числом участников и сотрудников вспомогательных служб. Вызвали только по одному опытному переводчику от каждого языка. С русским выбор пал на меня. Помню, как пробирался через затянутую дымом с пожараща Первую авеню через армейские и полицейские блокпосты и самосвалы с песком. Опять казалось, что находишься на съемках очередного блокбастера, что в Нью-Йорке не было редкостью.

Из сотен резолюций Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи ООН, которые за годы работы вышли в свет в моей редакции, особо врезалась в память, пожалуй, одна — резолюция 1368 (2001) Совета Безопасности от 12 сентября 2001 года.

Когда я об этом иногда думаю или когда вижу фотографии не существующих уже башен-близнецов, я вспоминаю другое — светлое и яркое — событие. Оно всплывает в памяти словно из другой жизни, и ему в этом году исполнится 40 лет.

Перед взором возникают висевшие в ноябре 1981 года в огромном лобби второй башни Всемирного торгового центра прекрасные плакаты работы известнейшего казахстанского графика Евгения Сидоркина с изображением красных батыров на золотом фоне из его серии «Алпамыс», анонсировавшие развернутую там выставку произведений искусства, ремесел и фотографий «Казахстан в Нью-Йорке»⁴. Эта была самая представительная на тот момент выставка в истории культурных взаимоотношений Казахстана и США.

Ее презентация 16 ноября 1981 года сопровождалась дневным концертом мастеров искусств республики. Более «звездной» делегации мне видеть не доводилось. Перед посетителями экспозиции пели Бибигуль Тулегенова, Ермек Серкебаев, Алибек Днишев, Капаш Кулышева. Танцевали Раушан Байсеитова, Рамазан Бапов, Зарема Кастеева и Гульжан Талпакова. Своим виртуозным исполнением казахских

---

⁴ *Kazakhstan in New York. An exhibit of art, craft and photography. Lobby of Two World Trade Center, November 16th—November 20th, 1981, including entertainment by Kazakhstan performers at 12 Noon, November 16.*

куюев и произведений западной классики поражал домбрист Каршыга Ахмедьяров. Зрители с восторгом принимали игру на кобызе Галины Токтыбаевой. Свои стихи читал Олжас Сулейменов.

Вечером того дня мне выпала честь вести эту же программу в ООН, где в концертном зале при библиотеке Дага Хаммаршельда зрители отдали должное таланту этих великих деятелей искусства. Разве можно такое забыть? Тем более, остались на память сделанные мною любительские снимки, запечатлевшие тот исторический визит.

Почти двадцать лет спустя в мае 2002 года мне довелось организовывать, а потом вести в этом же зале концерт нашей выдающейся пианистки Жании Аубакировой, которая поразила взыскательных слушателей своим исполнением этюдов Рахманинова и ноктюрнов Шопена. Я испытывал большую гордость за свою страну.

Возвращаясь к концерту 1981 года, с улыбкой вспоминаю хороший урок казахского протокола и церемониала, который преподал мне тогда глава представительной делегации Жакен Калиевич Калиев, председатель президиума Казахского общества дружбы и культурных связей с зарубежными странами. На состоявшемся после концерта большом приеме в ООН он по-отечески сделал мне выговор: «Айдар, тебе надо было бы всю нашу большую делегацию пригласить к себе домой на бешбармак. Мы, понятное дело, вынуждены были бы отказаться, но зато нам было бы так приятно получить от тебя такое приглашение!». Моя Акмарал, которую я уговорил приехать на концерт и прием с огромным трудом, поскольку ей пришлось оставить подруге грудного ребенка (наша дочка родилась дней за 10 до этого), смотрела на нас широко открытыми глазами.

В те годы все советские сотрудники направлялись в секретариаты международных организаций по так называемому «договору о прикомандировании» (secondment agreement)

между МИД СССР и Секретариатом ООН. По его условиям, международная организация предлагала советским сотрудникам не постоянный, т. е. пожизненный, контракт, на котором работали представители всех остальных стран, а срочный контракт в среднем на 5 лет. По его истечении МИД был обязан вернуть сотрудника трудоустроить. То есть была система ротации кадров.

В Секретариате ООН прекрасно знали, что советские граждане оставались по внутренней линии в подчинении посла СССР и приравнивались и по рангу, и по зарплате к сотрудникам советских загранучреждений. В нем закрывали глаза и на то, что разницу в размере денежного вознаграждения они сдавали в бухгалтерию Постоянного представительства на 67-й стрит. Эта была двойная жизнь, по этим негласным правилам играли граждане всех соцстран, и в ООН с этим мирились, потому что таков был тогда баланс сил.

Все советские ооновцы обязаны были помогать Постоянному представительству страны собирать и анализировать информацию для МИД СССР и других ведомств. Экономисты помогали экономической референтуре Постпредства, юристы — правовой и т. д.

Меня определили в только что созданную «китайскую референтуру», которую возглавлял тогда известный китаист Ришат Шарафутдинович Кудашев, командированный в Нью-Йорк из Международного отдела ЦК КПСС. Это был весьма эрудированный и продвинутый по тем временам человек, умевший мыслить за пределами условного квадрата. Его задача была на месте мониторить, обобщать и анализировать события, связанные с розыгрышем американцами «китайской карты» после исторических встреч Киссинджера и Никсона с Чжоу Эньлаем и Мао Цзэдуном и начавшимся в те же годы в Китае «правым поворотом». Я и еще пара сотрудников помогали Кудашеву отслеживать нужные сведения в огромном море информации и готовить докладные записки для Москвы.

Для меня это стало хорошей школой в плане приобретения навыков аналитической работы.

Приходилось заниматься и другими важными темами. В марте 1979 года в Пенсильвании на АЭС «Три-Майл-Айленд», произошла авария, связанная с расплавлением значительной части активной зоны реактора. Она могла стать «первым Чернобылем». Мы с коллегами перелопатили огромные объемы технической информации, которую ждали советские специалисты. Надеюсь, что наш труд не пропал даром.

Существенным элементом нашей внутренней жизни было участие в общественной работе по линии партийной организации, как бы странно и диковато это сейчас ни выглядело.

Сегодня, когда люди со мной знакомятся, а потом узнают, что я был направлен на работу в Америку еще в конце 1970-х годов, некоторые начинают понимающе кивать головой: «Ну понятно, по линии КГБ!» Как я уже говорил, агентом я не был, но членом КПСС был. В цитадель капитализма в долгосрочную командировку тогда беспартийных и неженатых не направляли. Исключением была Служба русских письменных переводов в ООН в составе более 50 человек, из которых человек 15 были комсомольцами.

Годы спустя, когда мы с одной американской коллегой-директрисой, перешедшей на работу в ООН из госдепа, обсуждали сходства и различия советского и американского подходов к кадровой политике, выяснилось, что общих моментов было гораздо больше. И у нас, и у них, чтобы сделать карьеру, кроме «корочки» престижного вуза надо было принадлежать к «ордену меченосцев». У нас он назывался КПСС или ВЛКСМ. У них выбор был гораздо шире — тайные студенческие общества «Череп и кости», «Волчья голова», «Свиток и ключ» и т. д. Мы боялись испортить свою характеристику, а они еще и кредитную историю в банке. О своих контактах с вероятным противником и мы, и они обязаны были докладывать офицеру

безопасности. К слову сказать, сейчас у них этот режим стал на порядок строже.

В Постоянном представительстве СССР при ООН в Нью-Йорке действовал партком с освобожденным секретарем, которого присылали из Международного отдела ЦК. Когда под конец перестройки все внутри стало шататься, первичным парторганизациям разрешили избирать секретарем партбюро не тех, кого рекомендовала Старая площадь, а тех, кого хотел «народ». Так, сам того не желая, в 1990 году я возглавил крупнейшую в Нью-Йорке первичную партийную организацию, поскольку пользовался среди коллег авторитетом и доверием.

Кстати, на последнюю отчетно-перевыборную конференцию в том же году к нам приезжал Дмитрий Лисоволик, заведующий сектором США Международного отдела ЦК. Через год мы прочитали в газетах, что вслед за управляющим делами ЦК Николаем Кручиной он шагнул из окна своей московской квартиры, когда полным ходом шел поиск «золота партии».

К тому времени руководство Представительства попросило меня в духе гласности и открытости войти в состав еще и Совета персонала ООН, являвшегося профсоюзом этой организации, где советские граждане раньше представлены не были. В СССР к своему логическому концу приближалась перестройка, и в ООН происходили в связи с этим серьезные события.

Летом 1990 года три гражданина КНР, уволенных из ООН де-факто за неподчинение внутренним китайским инструкциям, успешно оспорили практику «прикомандирования» и ротации в Административном трибунале ООН, который, почувствовав в воздухе «ветер перемен», принял решение, обязывавшее Генсека восстановить их на работе и дать им постоянный контракт. С чем Генсек согласился, после чего газеты вышли с заголовками об «историческом решении» и о «моральной победе».

У нас на работе — как, впрочем, и в стране — все шло вразнос. Наши комсомольцы отважно перестали «сдаваться», проводили жаркие собрания, на которых принимали решения, осуждавшие «порочную практику вычетов из зарплаты и принудительной ротации». После этого переводили текст решения комсомольского собрания на английский язык и направляли его по факсу прямо в административную канцелярию Переса де Куэльяра.

В этой ситуации мне пришлось взять с собой трех наиболее уважаемых в коллективе коллег и прийти с ними к Постоянному представителю Советского Союза. На мне, условно говоря, были две шляпы — секретаря партбюро «проблемной» парторганизации и советского представителя в Совете персонала. Постпредом тогда был Юлий Михайлович Воронцов, человек мудрый, проницательный и много повидавший. Он прекрасно понимал, что прежнюю систему уже не сохранить. Тем не менее мы более часа обсуждали с ним практические детали «развода по обоюдному согласию» и ухода переводческой братии «на вольные хлеба».

Как я потом понял, руководство Секретариата ждало результатов этой встречи. Когда оно узнало о позиции Воронцова, маховик заработал. Буквально через несколько дней я в составе делегации Совета персонала участвовал во встрече с заместителем Генерального секретаря Визнером, который сразу же спросил меня: «Господин Шаяхметов, если мы предложим Вашим коллегам постоянные контракты, сколько из них, по Вашему мнению, примет это предложение?». Зная настроения в нашем коллективе, я посоветовал исходить из того, что подавляющее большинство захочет продолжить свою службу на благо международного сообщества, учитывая, что для любого профессионала-лингвиста это высокая честь и привилегия. В этот момент я услышал, как помощница Визнера, держа перед собой наше штатное расписание, стала шептать ему: «Это значит, сэр, первая

вакансия в Службе русских письменных переводов возникнет лишь в 2003 году».

Так я стал невольным участником драматических событий, приведших к закрытию через какое-то время легендарных Курсов переводчиков ООН, которые открыли мне и моим коллегам дорогу к высокой цели. Они нужны были Секретариату, пока действовала система ротации.

После получения постоянных контрактов, за которым вскоре последовало исчезновение с политической карты мира страны, давшей нам образование и возможность работать в таком престижном месте, у некоторых моих коллег, похоже, внутренняя «перестройка» привела к тому, что они решили начать с «чистого листа» во всем, в том числе, произведя «обнуление» в семейной жизни. Появились брошенные жены и дети, которые оказались в отчаянном положении. Кто-то из этих несчастных женщин по советской привычке стал жаловаться на мужа по месту его работы.

Поскольку я продолжал быть представителем в Совете персонала ООН, меня не раз привлекали к участию в конфиденциальных согласительных процедурах. Помню один случай, когда после обсуждения одной тупиковой ситуации мы остались в комнате вдвоем с американским адвокатом Линнет Каннингом, которая была тогда юрисконсультком Совета персонала. Она долго смотрела в одну точку перед собой, потом, в сердцах швырнув ручку на стол, сказала: «Слушай, как жаль, что у вас нет больше партбюро! Теперь на этих козлов управы не найти».

Анализируя пройденный путь, понимаю, что мог бы спокойно жить своей жизнью, занимаясь любимым ремеслом, и в щадящем режиме дотянуть до пенсии, постепенно сбрасывая обороты. Вместо этого, не согласный с тем, в какую сторону и как реформируют конференционные службы ООН, я в последние годы ввязался в схватку и благодаря поверившим в меня коллегам смог выйти на административный уровень,

где сейчас востребованы менеджеры-универсалы, а профильные специалисты, как я, только мешают делу, поскольку сразу видят «дырки» и нестыковки в предлагаемых планах и задают на совещаниях неудобные вопросы. Словом, на финишной прямой вместо прогулки по тенистой аллее я выбрал себе проезд по американским горкам. О чем не сожалею.

В числе прочих дел, которыми пришлось заниматься, была и тема смены поколений в переводческих службах. В 2011–2014 годах я принимал активное участие в осуществлении целого ряда программ в ООН, призванных обеспечить наличие квалифицированных кандидатов на занятие появляющихся вакансий. В последние годы отвечал за контакты с университетами Испании, Франции и России. Ничего, что приближалось бы по уровню к нашим прежним Курсам на базе Института им. Мориса Тореза, найти не удавалось. Что касается России, то более или менее удачную программу удалось выстроить в Санкт-Петербургской высшей школе перевода при РГПУ им. Герцена, куда меня в числе других коллег из Нью-Йорка, Вены и Женевы потом приглашали давать мастер-классы.

Перед выходом в отставку в конце 2014 года в качестве представителя Департамента по делам Генеральной Ассамблеи и конференционному управлению Секретариата ООН я приезжал в Москву на совещание в Информационном центре ООН, где, в числе прочих вопросов, обсуждались пути обеспечения притока свежей крови в ООН. Посетил МГУ и МГИМО, где теперь готовят переводчиков. Но с чувством особого волнения побывал в своей альма-матер — МГПИИЯ им. Мориса Тореза, который заканчивали многие истинные самородки и корифеи переводческого дела, долгие годы работавшие на высшем уровне. Сейчас это заведение именуется Московским государственным лингвистическим университетом (МГЛУ).

Меня принимали как положено принимать заморского гостя: водили по аудиториям, делились успехами и планами на будущее, устроили презентацию современных технических

средств, используемых в обучении иностранным языкам. Ректор угощала чаем и интересовалась путями налаживания взаимодействия с международными организациями. Потом собрали студентов и преподавателей в актовом зале, где я рассказывал о том, что надо делать и какие навыки приобретать, чтобы успешно сдать конкурсные экзамены в ООН.

Глядя со сцены в зал, где когда-то сидел и сам, слушая, затаив дыхание, того же Виктора Суходрева, я вдруг вспомнил приведенную выше шутку приятеля и осознал, что ситуация, действительно, в чем-то походит на то, как заканчивается во многих фильмах сюжетная линия: провинциал-аутсайдер, приехавший покорять столицу, попадает сначала в тяжелую ситуацию, встречает на пути свою единственную, которая становится его надежной опорой на всю жизнь, сквозь тернии пробивает себе путь вперед и в конце с триумфом возвращается туда, где его в свое время захотели отвергнуть.

В тот момент до меня дошло и то, что за все годы существования переводческого факультета никто из его выпускников не поднимался в лингвистической иерархии ООН на такой уровень, которого удалось достичь мне. Несомненно, это была моя маленькая личная победа. Но в тот момент, почему-то, преобладало чувство грусти. Я понимал, что ушедшее уже не вернуть и что МГЛУ, в котором теперь, среди прочего, есть институты международных отношений и социально-политических наук, международного права и правосудия, гуманитарных, прикладных и информационных наук, свое главное конкурентное преимущество безвозвратно утратил.

Труд переводчика, как правило, в тени, но это по сути творчество. Чтобы адекватно что-то перевести, ты обязан вникнуть в существо вопроса и, используя минимум языковых средств, обеспечить аутентичность. Скажем, ежегодно на повестку дня той же Генеральной Ассамблеи выносилось порядка 170 вопросов, и во многие из них я вник достаточно хорошо. Просто жизнь заставила. За все эти годы я переработал тонны

словесной руды, пропустил через себя тысячи резолюций, докладов и нот на самые разные темы. Сильный переводчик обязан обладать практически энциклопедическими знаниями. Он просто вынужден иметь кругозор выше среднего и обо всем иметь хотя бы какое-то представление.

Меня всегда несколько коробят заявления о том, что кто-то знает тот или иной язык «в совершенстве». После десятилетий работы в качестве профессионального лингвиста могу со всей ответственностью утверждать, что в совершенстве не знаю ни казахский, ни русский, ни английский, ни испанский, ни французский языки. Могу лишь повторить за Сократом: *Scio me nihil scire* («Я знаю только то, что я ничего не знаю»). В некоторых источниках это выражение встречается в чуть изменённой форме — «Чем больше я знаю, тем больше я понимаю, что ничего не знаю» или «Я знаю только то, что ничего не знаю, но другие не знают и этого». Это, действительно, так, потому что всякий раз, когда ты поднимаешься, как тебе кажется, на вершину, перед тобой открываются новые горизонты, другие смыслы и иные символы.

Это, безусловно, относится к знанию не только языков, но и всего остального, включая вопросы истории, религии, философии. Поэтому свои рефлексии я всегда проверяю на оселке сомнений.

Меня иногда спрашивали о том, возникало ли когда-нибудь желание уйти из переводчиков? Ведь эта профессия на наших просторах не котируется: там ценятся гораздо более престижные занятия и позиции. Да, я видел, что у некоторых людей, выросших в культуре почитания рангов, степеней и званий, при знакомстве на лице читалось некоторое разочарование моим статусом. На это я всегда смотрел спокойно.

В этой связи вспоминаю довольно поучительную историю, которая произошла со мной в марте 1988 года в резиденции Представителя США при ООН в гостинице «Уолдорф Астория». Американская делегация только что сдала председа-

ство в Совете Безопасности и устроила прием для делегаций в Совете и сотрудников Секретариата, помогавших ей в работе. Гостей принимал генерал-лейтенант Вернон Уолтерс, которого Рональд Рейган назначил главой американской миссии в ООН. Он был фигурой колоритной как в буквальном, так и в переносном смысле. Этот высоченный грузный мужчина с копной седых волос заполнял собой любое пространство. Не имея высшего образования, но зная несколько иностранных языков (испанский, итальянский, немецкий, португальский, французский), он сделал во время войны хорошую карьеру в армии и дослужился потом в разведке до заместителя директора ЦРУ при Никсоне.

На приеме, услышав, как я общался со своим коллегой Кириллом Сперанским по-русски, он, бросив остальных гостей, с нами разговорился, а узнав, что мы оба редакторы, т. е. переводчики, надолго с нами «застрял». Он стал с жаром вспоминать разные переводческие истории из своей жизни и связанные с этим байки, потом, увлекшись, даже повел нас в примыкавшие к залу приемов личные апартаменты, чтобы показать висевшие на стенах карты метрополитенов разных городов мира, которые он коллекционировал всю жизнь. Когда мы втроем вернулись к гостям, сотрудники американского протокола были в панике: без внимания хозяина в зале маялись послы и другие почетные гости. А генерал Уолтерс продолжал сыпать именами своих знакомых-переводчиков: Бережков, Трояновский, Суходрев. Его от нас буквально оттащили, но он успел крикнуть нам на прощание: «Rebyata, good people come from perevodchiks!» («Ребята, хорошие люди выходят из переводчиков!»).

Годы спустя я рассказал об этом эпизоде Касым-Жомарту Токаеву, который усмехнулся и сказал с присущим ему чувством юмора: «Ну ты же понимаешь, что бывших разведчиков не бывает: он просто по привычке решил вас вербануть».

Говоря о статусе, не могу не вспомнить посла другого государства — Постоянного представителя Израиля при ООН Йехуду Ланкри, который дал любопытную трактовку моей фамилии. Мы оказались с ним в 2000 году в одной группе на языковых курсах Секретариата, когда я пробовал добавить в свой арсенал арабский язык. Йехуда родился в Марокко, откуда ребенком уехал в Израиль. Почему он решил начать изучать арабский с нуля как все, мы в группе понять не могли, поскольку он уже на нем бойко изъяснялся и даже напевал песни на арабском. Когда он впервые услышал, а потом прочитал мою фамилию Shayakhmetov, он торжественно объявил всей группе: «Друзья! Поздравляю! Среди нас находится настоящий шейх!» На наш немой вопрос он ответил: «Ну как же! Отбрасываем русское окончание «ов», получаем «Шаяхмет», что на самом деле трансформированное «шейх Ахмет» — Sheikh Akhmet!». После этого он меня называл только «шейхом» и обращался ко мне с подчеркнутой почтительностью.

У меня в жизни были возможности попробовать изменить траекторию своей карьеры или даже вывести ее на иную орбиту.

Первый такой шанс представился в июле 1990 года, когда я попал в поле зрения Нурсултана Абишевича Назарбаева, приехавшего в США с рабочим визитом в качестве Президента Казахской ССР. В Советском Союзе к этому времени к своей развязке шли центробежные процессы, и Казахстан искал пути, по которым он пойдет в новой истории. Президент встречался в разных городах страны с представителями американской администрации, законодателями и деловыми кругами, и в частности с руководством «Шеврона», с которым уже тогда предварительно обговаривалось распределение квот.

Хотя у него был очень плотный график, нашлось время, чтобы побеседовать и со мной. Задав мне несколько вопросов, Президент сказал: «У тебя здесь интересная работа, но если она тебе надоест, давай ко мне. Ты же видишь, какие дела мы

затеваем». Потом спросил про знание казахского языка. Увидев, что я замялся, он с озорством на меня посмотрел и с обезоруживающей прямоотой сказал: «Ну тогда мои тебя съедят!».

Так получилось, что среди сопровождавших Президента лиц помимо подававшего большие надежды уже тогда Ерлана Идрисова, с которым мы потом крепко сдружились, была пара известных в стране агашек. Поэтому я живо представил себе то, с кем и с чем в повседневной жизни пришлось бы иметь дело.

Несколько дней после этого я находился под огромным впечатлением от состоявшейся встречи. До этого не случилось попадать в энергетическое поле человека, обладавшего столь мощным зарядом харизмы и таким магнетизмом. Храню визитную карточку, которую Нурсултан Абишевич вручил мне в аэропорту Кеннеди, откуда делегация улетала домой обычным рейсом. На ней кроме титула Президента Казахской ССР было еще указано: «Первый секретарь ЦК Компартии Казахстана, член ЦК КПСС, Народный депутат СССР», т. е., кроме первой, в ней были указаны все те позиции, которые в свое время занимал мой дед, только тогда народные депутаты назывались депутатами Верховного Совета СССР.

В аэропорту делегацию Казахстана из официальных лиц провожал заместитель Постоянного представителя СССР при ООН Александр Алексеевич Развин, который за 5 лет до этого был моим непосредственным начальником в МИД СССР. Президент произвел неизгладимое впечатление и на него. Когда делегация ушла на посадку, он сказал, обращаясь ко мне: «Вот, Айдар, кому, по идее, надо было бы возглавлять сейчас нашу страну».

Эту мысль в те годы озвучивали многие, кто переживал за то, что происходило в Советском Союзе, и кто понимал уже тогда, какие риски были заложены в набиравшие силу процессы. Потом случилось то, что случилось, и многие риски обернулись серьезнейшими проблемами.

Неожиданным образом к этой теме получилось вернуться в июне 1997 года, когда Президент прибыл на специальную сессию Генеральной Ассамблеи по проблеме окружающей среды, ставшую важным этапом на пути к заключению впоследствии Парижского соглашения по климату. На тот форум съехались все мировые лидеры. Россию представлял Черномырдин, поскольку Ельцин уже тогда был не в форме. Я помню, как краснели россияне, работавшие в то время в Нью-Йорке, когда российский лидер позволял себе очередную выходку. В первый день работы сессии один из крупных чинов из россиян Александр Константинович Титов, зная, что я могу встречаться с казахской делегацией, сказал мне: «Если будет возможность, спроси у Нурсултана Абишевича: когда он соберет нас всех и возьмет под свое крыло? Невозможно более терпеть весь этот срам!».

Позднее в салоне для делегатов каким-то непостижимым образом вышло так, что я на минуту оказался наедине с Президентом, ожидавшим встречи с очередным визави. Вспомнив про своего коллегу, я взял и озвучил его вопрос. Нурсултан Абишевич устало на меня посмотрел и сказал: «Одно время такие мысли были, но потом все внутри перегорело. Пусть лучше твой коллега ответит на вопрос: 12 июня 1990 года они провозгласили независимость от кого?».

Где-то через три года после той встречи тогдашний министр иностранных дел Ерлан Идрисов по поручению Президента сделал мне вполне конкретное предложение: уйти из Секретариата ООН и возглавить Постоянное представительство страны в Нью-Йорке.

О таком можно было бы только мечтать, тем более что мне представлялось, что был бы на своем месте и с ответственным поручением справился бы. Тем не менее попросил время, чтобы подумать. Внутри происходила мучительная борьба противоречивых чувств. В итоге, взвесив все за и против, я был вынужден от этого предложения отказаться. С искренней признательностью за оказываемое доверие.

Я вспомнил о том, что говорил своим детям Жумабай Шаяхметов: «Не лезьте в политику! Выбирайте жизнь обычного человека». Дед знал, о чем говорил. Он искренне верил в то, что делал, себя не щадил и работал на пределе физических возможностей. Неизвестно, как сложилась бы его судьба, если бы он остался простым учителем в ауле. Или если бы ему позволили закончить персидское отделение факультета международной торговли Московского института востоковедения им. Н. Нариманова, откуда его после успешного окончания первого курса в 1933 году отозвали в распоряжение ЦК ВКП(б). Может быть, прожил бы более спокойную и размеренную жизнь и был бы по-настоящему счастлив?

Уже упоминавшийся мною Газиз Дугашев, который дважды за свою жизнь принимал приглашения возглавить Театр оперы и балета им. Абая в Алма-Ате, тоже давал мне в свое время советы на этот счет, словно предчувствуя, что похожий выбор может встать и передо мной. Опираясь на собственный опыт, он мне говорил: «Будут уговаривать — не соглашайся. Оставайся независимым. Запомни, выражение “Нет пророка в своем отечестве” люди придумали неспроста».

На банкете по случаю моего 50-летия в 2004 году в одном из ресторанов на Манхэттене мой хороший товарищ Ержан Казыханов, ставший к тому времени Постоянным представителем Казахстана при ООН, свой тост начал с шутки: «Ай-дару каким-то образом удалось убедить руководство в том, что больше всего пользы он приносит, находясь на дальних подступах к Родине». Шутку эту мои гости оценили, но долю истины в ней я, признаюсь без ложной скромности, нахожу.

При том что мне очень хотелось попробовать свои силы на представительском уровне, я хорошо понимал также и то, что внешняя политика любого государства выстраивается не только через дипломатов, но и по иным каналам: через диаспору, через деловые круги, через своих граждан, работающих в важных международных структурах.

Казахская диаспора с той же армянской сравниться не могла: ее представители волею судеб не вышли в американском обществе на сколько-нибудь значимые позиции. Не было наших соотечественников в то время и в крупных корпорациях. В структурах ООН в Нью-Йорке на более или менее высокой должности работал в то время только я.

Многие годы мы с Акмарал, специально не ставя перед собой эту цель, естественным образом проецировали позитивное представление о Казахстане, поэтому, когда по кинотеатрам мира зашагал Борат, у многих людей в разных странах, где нам довелось за это время побывать, была от этого персонажа эффективная прививка.

Бросая ретроспективный взгляд на бурные события тех лет, я вижу в становлении страны на арене ООН и свою скромную лепту.

В своих воспоминаниях⁵ Акмарал Хайдаровна Арыстанбекова, командированная в Нью-Йорк после демонтажа СССР в конце 1991 года для подготовки вступления страны в члены ООН и возглавившая потом Постоянное представительство страны, упоминает меня в связи с одной кризисной ситуацией. Она возникла за считанные дни до исторического заседания Генеральной Ассамблеи, которое было назначено на 2 марта 1992 года. После него на флагштоке перед комплексом ООН предстояло поднять флаг нашей страны.

Несмотря на напоминания, МИД Казахстана, переживавший в ту пору процесс организационного становления, не прислал вовремя подробное описание государственного флага и его цветное изображение, без чего протокольная служба ООН не могла изготовить флаг к дате торжественной церемонии. Видя все это, я на свой страх и риск принял решение изъять из соответствующего тома Большой советской энциклопедии в библиотеке Дага Хаммаршельда картинку с описанием

---

⁵ Арыстанбекова А.Х. *Объединенные Нации и Казахстан*. – Алматы: Дайк-Пресс, 2002. – С. 57.

флага Казахской ССР, т. к. нынешний флаг тогда еще не был утвержден.

Мне то время запомнилось не только этим «актом вандализма», по поводу которого до сих пор испытываю некоторые угрызения совести. Поскольку Акмарал Хайдаровна приехала в Нью-Йорк одна, без дипломатов и вспомогательного персонала, ей нужно было время на то, чтобы сориентироваться. Немалую помощь ей оказывали российские дипломаты во главе с послом Юлием Михайловичем Воронцовым, но работы было слишком много. Я стал тоже активно, но не светясь, оказывать ей посильную помощь, что, строго говоря, было нарушением клятвы, которую сотрудники ООН дают Генеральному секретарю. По Уставу мы были обязаны работать только на него и не получать указания от своих правительств.

Но мне очень хотелось, чтобы моя страна с первых же дней коммуницировала с международным сообществом на хорошем языке и на профессиональном уровне с соблюдением всех установленных норм и обычаев. Когда все это есть в наличии, то это обычно никто и не замечает, поскольку воспринимается как должное. Бросаются в глаза и потом запоминаются, как правило, «косяки» и нестыковки, а этим как раз и страдали в то время многие документы бывших советских республик, чьи делегации начинали работать в ООН буквально «с колес». У Казахстана их не было.

Закончив свой рабочий день в Секретариате, я часто приезжал по вечерам в маленький офис Акмарал Хайдаровны в здании Постоянного представительства России на 67-й стрит. Разбирал корреспонденцию, составлял ответные послания, переводил необходимые документы. А интерес к Казахстану уже тогда был огромным. На имя Арыстанбековой валом пошли письма от принимающей страны, от делегаций государств — членов организации, от бизнесменов, желавших выйти на новый рынок.

Вместе с Акмарал Хайдаровной пережил незабываемые мгновения, когда сидел рядом на заседании Совета Безопасности 23 января 1992 года, принявшего историческое решение утвердить рекомендацию о приеме нашей страны в члены ООН. Был я и в зале Генеральной Ассамблеи во время ее выступления 2 марта того же года, в котором она от имени Президента, правительства и народа Казахстана выразила международному сообществу признательность за утвержденное решение принять страну в члены этой универсальной организации.

Состоявшуюся после этого церемонию поднятия нашего флага, а также флагов семи других бывших советских республик и Сан-Марино мне даже удалось заснять для потомков на любительскую видеокамеру. Потом мы вышли с Арыстанбековой на Первую авеню, где нас обступили представители казахской общины и выходцы из других бывших республик. Были там и аксакалы-казахи, в основном из туркестанского легиона, оказавшиеся на Западе после Второй мировой войны и побоявшиеся после этого вернуться в родные аулы. У многих в глазах стояли слезы. Такое не забывается. У меня есть кадры, на которых Акмарал Хайдаровна объясняет некоторым аксакалам причины, по которым на флагштоке реял флаг Казахской ССР с серпом и молотом.

Глядя на этот стяг, я вспомнил Михаила Ивановича Исиналиева, который за 10 лет до этого в 1982 году представлял Казахстан в составе делегации СССР на тридцать седьмой сессии Генеральной Ассамблеи. Министр иностранных дел Казахской ССР прилетел спецрейсом с А. А. Громыко в конце сентября, когда мы с Акмарал и детьми жили, если так можно выразиться, «на чемоданах»: завершался четырехлетний срок моей первой командировки. Тем не менее, несмотря на его загруженность и наши сборы, удалось принять его дома, где мы всегда стремились чтить добрые традиции казахского гостеприимства.

Наш гость был искренне рад встрече с нами. Как он разился, ему было крайне приятно, что внук Жумабая Шаяхметова достойно продолжает известную фамилию на ответственном участке работы в такой сложной заграничке, как Нью-Йорк. Для нас с супругой визит известного земляка стал большим событием. Мы много говорили на самые разные темы, но могли ли мы тогда мечтать о том, что флаг республики будет спустя 10 лет развеваться на флагштоке ООН?

Мне выпала редкая возможность вблизи наблюдать за процессом становления нашей страны на международной арене. Не могу не отметить, что с первых своих шагов Казахстан заявил о себе как об амбициозном игроке, которому с той поры удавалось держать высокую планку, даже в ситуациях, когда приходилось выступать, образно выражаясь, не совсем в своей весовой категории.

Посчастливилось вплотную поработать с замечательными людьми и настоящими профессионалами, которые с честью представляли страну на дипломатическом фронте. Со многими дружу до сих пор.

Невозможно забыть первый состав дипломатов казахской миссии, приехавших на подмогу Постоянному представителю в мае 1992 года. Всеми уважаемый Маке (Мурат Хамзиневич Сыздыков), Ерлан Идрисов, Мурат Смагулов прибыли спецбортом, доставившим Президента и его делегацию, которых принимал в Белом доме Джордж Буш-старший.

Мы жили тогда одной большой семьей. Подружились жены, хорошо общались дети. Казахская компания в дипломатической колонии бывших советских республик, которые по инерции держались еще вместе, стала настоящим магнитом.

Мадина Джарбусынова и Ержан Казыханов, Кайрат Абуseitов и Аманжол Жанкулиев, Мухтар Тлеуберди и Жанар Айтжанова — эти фамилии всем известны, и с каждым из них связано немало памятного. Называю только руководителей миссий в Нью-Йорке и Женеве, но сколько славных земляков,

им помогавших, посчастливилось узнать и оценить каждого по достоинству!

Мне, считаю, повезло в том, что многие годы была возможность наблюдать — с близкого расстояния — за тем, как профессионально представлял Казахстан на главных площадках международной дипломатии Касым-Жомарт Токаев. И с каким уважением относились к нему представители других стран.

С ним я впервые встретился в 1995 году в Нью-Йорке, куда он прибыл в ранге министра иностранных дел Казахстана и где позже часто бывал с визитами. Довелось близко с ним познакомиться и потом не раз общаться. Я участвовал в работе над английскими текстами его всегда содержательных выступлений на самых разных форумах. Он сам оттачивал формулировки и до последнего вносил в свои тексты какие-то изменения и дополнения. В такие моменты я вспоминал ситуации, когда в числе других коллег меня привлекали к переводу выступлений А. А. Громыко на сессиях Генеральной Ассамблеи. Закончив работу, мы тогда знали, что его помощники будут вплоть до самого выступления подкидывать нам поправки.

Не раз слушал заявления Касым-Жомарта Токаева от имени государства в зале Генеральной Ассамблеи. Наблюдал за тем, как продуманно работал он со своими визави в кулуарах и на «полях» основных форумов, где нередко и выковываются реальные внешнеполитические успехи.

Я сразу проникся к нему уважением и симпатией и всегда гордился тем, что страну столь достойно представляет политик такого калибра. Ко всему прочему, еще и интересный и любознательный собеседник с широчайшим кругозором и тонким чувством юмора. И просто порядочный человек. Импонировало то, что он не выносил спеси и показухи и что личная скромность и демократичность в нем органично уживались с требовательностью и нетерпимостью к непрофессионализму.

Еще я видел и то, что за внешней невозмутимостью и заведной выдержкой скрывается остро переживающая за дело

натура, которая все принимает близко к сердцу. Ему была безразлична судьба тех, с кем он пересекался по жизни, пусть даже много лет назад, и он всегда был готов — без всякой саморекламы — прийти на выручку.

Я уже работал в Женеве, когда систему ООН буквально всколыхнуло известие о том, что Пан Ги Мун, подыскивая достойного кандидата на пост руководителя второго по значимости центра многосторонней дипломатии, остановил свой выбор на представителе Казахстана. Для многих это стало полной неожиданностью.

Не будем скрывать: нам нередко свойственно недооценивать своих и, напротив, переоценивать достоинства чужих, особенно представителей, так сказать, более «цивилизованных» и «продвинутых» стран. Я же на своем жизненном пути довольно часто сталкивался с ситуациями, когда за внешним лоском, вальяжным красноречием и дипломом знаменитого на весь мир университета скрывалась посредственность со всеми пятьюдесятью оттенками серого.

Лично зная Касым-Жомарта Токаева и его отношение к делу, я не сомневался, что с возложенными на него новыми обязанностями он с честью справится. Хотя, признаюсь, волновался, ведь руководить надо было многотысячным многонациональным коллективом профессионалов-международников, причем в тот самый период, когда вся система ООН — и женевское отделение тоже — переживала болезненный процесс реформирования. Причем эта работа требовала не только того, чтобы заседать в президиумах и выступать с высокой трибуны по заранее заготовленному тексту. Такое тоже было: достаточно вспомнить женевские переговоры по Сирии, оказавшиеся тогда в центре внимания всего мира.

Нужно было еще иметь вес, знания и мужество, чтобы приходиться на встречи с огромным бурлящим коллективом и отвечать — без переводчика — на очень непростые вопросы, затрагивающие не только важнейшие аспекты деятельности организации, но и судьбы сотрудников и их семьи. И находить

оптимальные решения. Нужно было разруливать ситуации с менеджерами высшего звена, где всегда происходит сшибка интересов самых разных стран, нужно было уметь находить баланс в отношениях между штаб-квартирой в Нью-Йорке и отделением в Женеве, налаживая при этом доверительные отношения и с принимающей стороной — властями Женевы и правительством Швейцарии в Берне.

В свое время мне довелось готовить английскую версию⁶ книги Токаева «Преодоление», которая вызвала живой интерес у тех, кто профессионально интересуется международной проблематикой. «Преодоление» — это рассказанная от первого лица история о том, как происходило становление личности, как развивались заложенные свыше лидерские качества и как последовательно и логично шло восхождение наверх.

Помнится, что это очень емкое и многозначное слово в названии мне после долгих раздумий пришлось перевести на английский выражением *meeting the challenge* (дословно: отвечая на вызовы). И, действительно, на мой взгляд, история Касым-Жомарта Токаева это история о том, как честный, ответственный и обязательный человек отвечает на все новые и новые вызовы.

В Женеве его до сих пор вспоминают с теплотой. Он оставил свой след, внося конкретный вклад в модернизацию имеющего историческую ценность комплекса Дворца Наций, подлинным украшением которого стал многофункциональный «Казахский зал». Этот объект был реконструирован по его инициативе при финансовой поддержке нашей страны и оснащен самым современным мультимедийным оборудованием.

Многие из тех, кто проработал тогда рядом с Касым-Жомартом Токаевым, до сих подходят ко мне и говорят, что многому у него научились.

---

⁶ Kassymzhomart Tokaev. *Meeting the Challenge. Memoirs by Kazakhstan's Foreign Minister*. Global Scholarly Publications, 2004.

II. Раскидистое семейное древо

Начав рассказ о себе с берегов Иртыша, я, сам того не ожидая, причалил к «Акорде» у берегов Ишима. Хочу закончить его, вернувшись, все-таки, к истокам.

В 1925 году в Петропавловске Жумабай Шаяхметов встречает девушку Майнур. Любовь с первого взгляда оказывается настолько сильной, что юноша не смирится с возражениями родителей невесты против брака и просто похищает ее. Что было вполне в духе времени. Спустя два дня родительское благословение было получено.

С тех пор Жумабай и Майнур не расставались. У них родилось семеро детей — пятеро сыновей и две дочери. Родившаяся первой дочь и двое сыновей умерли в младенческом возрасте. В 1941 году они усыновили трехлетнего украинского мальчика Володю Малько, родители которого погибли при бомбежке Харькова. Владимир Жумабаевич Шаяхметов стал полноправным членом семьи, в паспорте записал себя казахом и хорошо говорил по-казахски. Так семья Шаяхметовых стала насчитывать пятерых детей — сыновей Равиля, Ноэля, Таргына и Володю и дочь Алму.

Все дети Жумабая и Майнур выросли хорошими, порядочными и скромными людьми. Никто из них на руководящую работу не пошел.

Папин средний брат Ноэль, медик по образованию, работал судмедэкспертом, а потом увлекся антропологической реконструкцией. Стал учеником известного антрополога Михаила Герасимова, который по изобретенной им методике восста-

новления черт лица по черепу создал образы многих исторических личностей, наиболее известной из которых был царь Иван Грозный. Наиболее заметными авторскими работами Ноэля Жумабаевича стали антропологическая реконструкция древнего уйсунa и поэта-бунтаря Махамбета Утемисова. В 1971 году он уехал в Москву, где до выхода на пенсию в 2009 году трудился в Онкологическом центре РАМН им. Н. Н. Блохина.

Алма, любимица Жумабая и Майнур, окончила геолого-географический факультет Казахского государственного университета, вышла замуж за скромного парня Хамита Хисматулина, выпускника геологоразведочного факультета Горно-металлургического института, и до самой пенсии работала в Институте географии Академии наук Казахской ССР: сначала старшим лаборантом, младшим научным сотрудником, потом ученым секретарем. Они с мужем воспитали троих замечательных детей, прожили душа в душу 55 лет и ушли друг за другом в один год.

Жизнь обычного человека выбрал и приемный сын Жумабая и Майнур. После окончания школы Владимир Шаяхметов пошел работать на АЗТМ формовщиком, где встретил свою супругу Анну, с которой они потом решили поехать на всесоюзную ударную комсомольскую стройку туда, где возводилась Усть-Илимская ГЭС. Впоследствии работал главным инженером Щучинского межрайгаза. Погиб в автокатастрофе в возрасте 36 лет.

Непросто сложилась судьба у самого младшего в семье — Таргына, который появился на свет в 1946 году и был долгожданным ребенком. Из-за перенесенного в трехлетнем возрасте менингита в тяжелой форме и возникших после этого серьезных осложнений ему нелегко давались учеба в школе, которую из-за переездов приходилось часто менять, и социализация. Когда ему было 10 лет, его отец был уже практически инвалидом, а в 20 лет он остался без родителей. Пошел рабо-

тать токарем на оборонном заводе в Москве, а потом, желая доказать другим и себе, что и в его жизни есть место для подвига, уехал по комсомольской путевке на Север и много лет работал на шахтах Воркуты в зоне вечной мерзлоты. Там он окончательно подорвал свое здоровье. Таргын Жумабаевич умер в 60 лет.

Как бы парадоксально и непостижимо это сейчас ни звучало, но получается, что своим появлением на свет я и мои родные братья, Ринат и Ноэль, обязаны бдительной ВКП(б) в лице второго человека в партии Георгия Маленкова, который в 1950 году позвонил Жумабаю Шаяхметову и настоятельным образом рекомендовал не допускать брака старшего сына Равиля и дочери «врага народа». Вина Кульмай состояла только в том, что она родилась в семье богатого астраханского купца-рыбопромышленника, который был репрессирован. Такой союз мог бросить тень на первого руководителя республики.

Молодым, которые познакомились во время учебы в Казахском горно-металлургическом институте, пришлось подчиниться, хотя к концу года на свет появился их сын. Кульмай уехала трудиться на Актюбинский завод ферросплавов, Равиль отправился в Усть-Каменогорск на работу по специальности «инженер-металлург», а мальчика дед взял под свою опеку. Видимо, чувствуя свою вину, он до последнего дня четверть своей пенсии отправлял на его содержание.

Пробую поставить себя на место отца. На место Кульмай. Каково им было? Не могу себе даже представить. Щемит сердце.

В те годы был популярен снятый во время войны в целях подъема патриотизма фильм «Георгий Саакадзе» про славного полководца, который возглавил в XVII веке борьбу за объединение Грузии. Среди персонажей была принцесса Тинатин в исполнении грузинской актрисы-красавицы Медеи Джапаридзе. Отец как-то признался в компании, что эта актриса ему нравится. Однажды утром он ехал в автобусе на

смену в компании своих друзей-заводчан, один из которых в какой-то момент ткнул его в бок и сказал: «Вон, Равиль, стоит твоя Тинатин».

Это была наша мама, приехавшая в город всего на несколько дней навестить своего отца. Розалия Бикулова, ставшая Шаяхметовой, осталась там на долгие годы, хотя всем сердцем рвалась всегда быть поближе к старшей сестре Раузе, которая следовала по стране за своим мужем-дирижером. А тот руководил оркестрами оперных театров в Алма-Ате, Москве, Киеве, Минске, опять в Алма-Ате, потом опять в Москве.

Мы с братьями вспоминаем свое усть-каменогорское детство с теплой ностальгией. За 400 км от нас на Семипалатинском полигоне ухали, оказывается, ядерные взрывы, в том числе наземные, в черте города чадили многочисленные предприятия цветной металлургии, в магазинах в начале 1960-х бывали иногда перебои с продуктами, а мы жили себе в счастливом неведении, дружили, запускали голубей, гоняли шайбу или футбольный мяч, пока в темноте можно было еще различить их контуры, и верили в светлое завтра. Радостно сбегались под окно соседа, выставлявшего на подоконник приемник, по которому Левитан объявлял об очередном успешном старте с Байконура, а потом неслись купаться на Иртыш, Ульбу или Протоку.

Наша мама всю себя посвятила детям, которые не знали, ни что такое детский сад или группа продленного дня, ни что такое пионерский лагерь. Когда она предложила мне пойти в музыкальную школу, то к моей подготовке подошла исключительно серьезно. Почему-то решила, что 6-летний мальчик на прослушивании у местных педагогов должен уметь продемонстрировать знание сюжета главных классических опер и напеть наиболее известные мужские арии из них. Кое-что из того багажа у меня сохранилось в памяти до сих пор.

На наш вопрос, чем занимаются у них на Ульбинском металлургическом заводе, отец всегда с юмором отвечал: они

производят железные кровати с панцирными сетками. На самом деле, на этом сверхсекретном объекте ковались важнейшие компоненты ракетно-ядерного щита Советского Союза. Пользовавшийся большим уважением среди коллег, Равиль Жумабаевич возглавлял одно из наиболее высокотехнологичных производств, на котором было внедрено более 60 его открытий и рационализаторских предложений. Как потом мы узнали, УМЗ был одним из крупнейших в мире производителей урановой, бериллиевой и танталовой продукции. Завод выпускал металлы стратегического назначения для космических кораблей, луноходов, баллистических ракет, атомных подводных лодок.

Когда в 1992 году, наконец-то, появилась возможность пригласить к себе родителей, мы постарались показать им в США основные достопримечательности. В вашингтонском музее авиации я подвел отца к советской ракете SS-20, которой долгое время пугали американского обывателя. Он подошел к ней, похлопал по корпусу и признался, наконец, что на «Ульбинке» приложили в свое время руку и к этому «изделию».

Наш отец, поразительно эрудированный человек, не по одному разу исколесивший страны мира вдоль и поперек, но лишь в своем воображении, и знавший по книгам о них, казалось, больше тех, кто в них жил, за рубеж выехал только один раз — по моему приглашению. Виной тому во многом был его статус «невыездного» из-за работы на режимном объекте. Отец всегда был вынужден из-за нее «шифроваться».

Каково же было мое изумление, когда в 1994 году я увидел по CNN кадры, запечатлевшие заключительную стадию до этого строго засекреченной операции «Сапфир». В рамках этого проекта со складов УМЗ тремя бортами ВВС США на объект «Оук-Ридж» в штате Теннесси было вывезено порядка 600 кг оружейного урана-235. Казахстану нужно было срочно решать проблему его безопасного хранения.

Так об «Ульбинке» узнал весь мир. Сегодня это — флагман Казатомпрома и место, где создан Банк низкообогащенного урана Международного агентства по атомной энергии.

Отец беззаветно любил всех своих четырех сыновей и гордился ими. Его бажа Газиз Дугашев, у которого были две прекрасные дочери, нередко слышал от него обидное слово «бракодел», но не сердился.

Себя Равиль Шаяхметов называл де Тревилем, капитаном королевских мушкетеров из знаменитого романа Александра Дюма, поскольку под его началом была отважная четверка отчаянных сердец. Он горько шутил, что, если отец д'Артаньяна, отправляя сына в Париж, мог дать тому коня, пятнадцать экю и добрые советы, то он мог снабдить нас только советом: «Поддерживайте ради себя и ваших близких честь вашего имени, которое с достоинством носили ваши предки».

Он тяжело переживал из-за того, что Жумабая Шаяхметова оболгали, предали и вычеркнули из официальной истории свои же. Он до последнего верил в то, что справедливость в конечном счете восторжествует. Не раз говорил мне: «Недрузи отца все равно проиграли. Они ему завидуют. Его уже нет, но его здоровое семя проросло в его детях, внуках и правнуках. И из памяти людей его не вычеркнуть».

Ни он, ни его братья, ни сестра про своего знаменитого отца ничего не написали, чему найдется немало объяснений. А уж у старшего сына Жумабая Шаяхметова было что сказать. Глядя на то, в какую сторону развернулась ситуация в развалившейся стране, он лишь горько качал головой. А потом с печальной улыбкой мне говорил: «Ты же меня знаешь, сынок. Я был и остаюсь ортодоксальным марксистом». Иногда добавлял с присущим ему парадоксальным юмором свою сакраментальную фразу: «Положение настолько серьезно, что волноваться нет никакого смысла».

Над письменным столом в моем кабинете на видном месте висит любимая черно-белая фотография улыбающихся мамы

и папы в домашнем интерьере. Их, увы, уже давно нет с нами, но они продолжают жить в наших сердцах — и на этом снимке, сделанном папиным другом Иосифом Будневичем. Как-то раз, выкроив время в своем плотном графике президентского хроникера, он взял и нагрязнул на чай к родителям-пенсионерам. Я люблю подолгу смотреть на этот талантливо выполненный в тот вечер правдивый двойной портрет. Он словно пропущен через призму большого художника. И через сердце искреннего и неравнодушного человека.

В связи с этим снимком вспоминается достаточно курьезный эпизод, произошедший в ходе одного из первых официальных визитов Н. А. Назарбаева в штаб-квартиру ООН в Нью-Йорке в начале 90-х годов. В зале, где должна была пройти его пресс-конференция, собрались члены делегации Казахстана, сотрудники Постпредства страны, репортеры из президентского пула, сотрудники Секретариата ООН, зарубежные журналисты. Кто-то из членов нашей делегации подвел меня к Иосифу Львовичу, стоявшему в центре с камерой Nikon на изготовку, и представил меня ему: «Иосиф, познакомься! Это наша гордость — Айдар Шаяхметов, единственный казах в ООН, который работает в Секретариате в Нью-Йорке вот уже более 10 лет!»

Иосиф Львович хитро на меня посмотрел, а потом, положив руку мне на плечо, с улыбкой произнес, обращаясь к тем, кто вокруг нас собрался: «А этого молодого человека я прекрасно помню, когда он был еще мальчишкой. Ведь я снимал его отца и, конечно, деда, первого секретаря ЦК Компартии Казахстана!».

Надо ли говорить, как я был рад видеть Иосифа Будневича в тот момент. В нашей семье его хорошо знали, ценили и уважали. Он дружил с отцом. И когда тот был сыном первого лица в республике, и когда вел жизнь простого советского инженера.

Меня часто называют старшим внуком Жумабая Шаяхметова, поскольку не все знают, что на самом деле старший

внук жил под другой фамилией — Космухамбетов. Ее носила Кульмай, которая назвала сына Александром в честь великого полководца Македонского. Отец хотел дать ему имя Булат. В итоге пришли к компромиссу: в свидетельстве о рождении запишут имя Александр, а в семье его будут называть Булатом. Ему единственному из нас довелось подолгу жить с дедом, который в нем души не чаял и уделял ему много внимания. Булат даже внешне и манерами больше нас всех походил на Жумабая.

Булат — словно подтверждая смысл, заложенный в этом имени, — единственный из нас пошел по стопам отца. Окончил Казахский политехнический институт, стал известным ученым-металлургом, доктором технических наук, академиком Международной академии минеральных ресурсов, заместителем директора по научной работе и заведующим лабораторией ГНПОПЭ «Казмеханобр».

В непростые 1990-е годы, когда практически вся страна нырнула в рыночное море и редко кто продолжал заниматься наукой всерьез, Булат был в числе тех, благодаря кому научная часть «Казмеханобра» не только в значительной мере сохранила научные кадры и материальные активы, но и расширила сферу деятельности, связанной с металлургией, обогащением и экологией.

Он во многом предвосхитил разработки, которые ведутся сейчас во всем мире в ответ на растущий спрос на «зеленые» технологии в контексте устойчивого развития. Я за свою жизнь отредактировал в ООН тысячи программных и просто рабочих документов по этой теме и видел, что политики ее за последние десятилетия, к сожалению, просто «заболтали».

На деле в том же секторе металлургии и обогащения инерция мышления и конфликт интересов образуют мощный заклон на пути реализации действительно прорывных идей, которые могут обеспечивать баланс между рентабельностью и необходимостью в интересах извлечения прибыли выходить

на высокие коэффициенты добычи полезных компонентов, с одной стороны, и задачами экологически рационального развития с думой о грядущих поколениях — с другой.

Мой старший брат воплотил своё видение в нескольких гидрометаллургических технологиях, последняя из которых закрывает сразу несколько потребностей современной индустрии и, насколько мне известно, до сих пор не имеет мировых аналогов. Эта технология, не требующая строительства крупных объектов и значительных капиталовложений, позволяет извлекать из руды до 99% полезных компонентов, таких как золото, серебро, медь, цинк, свинец, вольфрам, молибден, и др., что одновременно повышает коэффициент эффективности производства и снижает количество отходов, как твёрдых, так и летучих, тем самым снимая с производителя затраты на промышленные отвалы, а с природы и людей — потенциальную опасность, которую представляют собой загрязнённые земли.

Тем не менее Булату пришлось потратить немало времени и сил, прежде чем нашелся обладавший видением и реальными возможностями серьёзный инвестор, который разглядел потенциал новой технологии, хорошо представлял себе перспективы ее внедрения в Казахстане и поверил в талантливого ученого.

Когда работа закипела и проект был на самом взлете, судьба приготовила брату тяжкое испытание в виде коварного недуга, от которого никакой вакцины не придумано.

У нас с ним не было общего детства, поскольку росли в разных городах, но в качестве некой компенсации злой рок подарил нам четыре месяца тесного общения в конце 2013 года, когда он приехал на лечение в клинику под Женовой. От него ни на минуту не отходила его любящая супруга Таня, его преданный друг и мудрый советчик. Рядом была любимая дочь, его гордость и надежда.

Мы с ним часами говорили о жизни, о детстве, об отце, о деде, о котором он вспоминал с большой теплотой и про

которого мы узнали от него много для себя нового. Эти беседы помогли нам открыться друг другу, понять, что мы с ним не только одной крови, но и в одной системе ценностей. Единомышленники...

Говорят, что истинный характер человека проявляется и проверяется в каких-то нестандартных и стрессовых ситуациях. Например, внешне сдержанный и стремящийся до последнего уходить от конфликтов человек на спортивной площадке вдруг превращается в азартного искателя авантюры, склонного к силовым решениям. Это, кстати, про меня. А невротик, любящий истерить по любому поводу, за рулем машины неожиданно становится образцом хладнокровия. И наоборот. Глядя на своего старшего брата, я осознал, что по-настоящему человек проявляет себя, когда приближается Момент Истины, когда биологические часы запускают обратный отсчет.

Булат с Таней и мы с Акмарал видели, что, несмотря на все усилия онкологов одной из лучших швейцарских клиник, где лечатся президенты, шейхи и звезды мирового кинематографа, болезнь, увы, побеждала. В тот момент брат предстал в моих глазах человеком, который воспринял страшный приговор с достоинством и выдержкой стойка. Не было ни стенаний, ни причитаний, ни жалоб на судьбу, ни угнетающей депрессии. Он излучал хладнокровное спокойствие и даже пытался приободрить нас, призывая смотреть на мир философски. Как-то с удивлением поделился с нами своим открытием: он уходит от нас на том же возрастном рубеже, на котором не стало деда.

В последние недели я видел в нем лишь боль за то, что он оставляет родной очаг в лице супруги и дочери, ставших центром его Вселенной, досаду по поводу того, что любимое дело не доведено до конца, и признательность деловому партнеру, который в искреннем стремлении помочь ему выйти победителем в борьбе с болезнью не остановился ни перед какими затратами.

Мы в семье очень благодарны этому человеку, который разрушил все стереотипы о том, что в современном мире бизнеса с его волчьими законами нет больше места проявлениям человечности.

Я, Ринат и Ноэль появились на свет, когда дед уже не занимал высокие посты и тяжело болел. Мы жили далеко друг от друга и не так часто виделись. Он не успел одарить нас своим душевным теплом, но, впрочем, дал нам нечто большее: каким-то образом вложил в каждого из нас тот стержень, без которого сегодня так легко согнуться и сломаться.

Мой средний брат Ринат младше меня всего на полтора года. Мы росли вместе и до сих пор остаемся на одной волне. Он филолог по образованию. Окончил КазГУ им. Кирова и Институт русского языка им. Пушкина в Москве, преподавал в Казахском политехническом институте. Много лет проработал в банковской системе, где прошел путь от менеджера до управляющего директора в банках Казахстана и России. Считается одним из пионеров HR-менеджмента в Казахстане, многие годы является председателем HR Клуба банков Алматы. Сыграл важнейшую роль в становлении ОАО ТехаKaBank, который по многим бизнес-параметрам долгие годы задавал тон в банковском секторе страны и потом был куплен Сбербанком. В том казахско-американском банке он отвечал за кадровые вопросы, брендинг и внешние связи. Его часто приглашали читать на разных площадках курсы по лидерству, развитию карьеры и корпоративной культуре.

Ринат на редкость увлекающаяся натура, интересуется самыми разными сферами деятельности и умудряется двигаться параллельно сразу по нескольким направлениям.

Последние двадцать лет он по собственной инициативе создает своего рода банк данных о родном городе. С рюкзаком за плечами, блокнотом и фотокамерой он может часами ходить по Алматы и фиксировать памятные места, многие из которых становятся, увы, уходящей натурой. В последнее время

в этом ему помогают сын и уже внучка. Многие запечатленные им исторические постройки и укромные уголки города уже исчезли. А у него в запасниках ждут своего часа не только снимки «косых домов», жилкомбинатов, но и записи бесед со старожилами и жильцами исторических зданий.

В нашей семье он и следопыт, и летописец в одном лице. Ринат формирует архив семьи Шаяхметовых, в который входят документы и фотографии детей Жумабая Шаяхметова. Еще работая в банке, он выкраивал время на то, чтобы обзванивать по телефону представителей известных фамилий и записывать сведения, которыми те с ним охотно делились. Часто все бросал, покупал что-нибудь к чаю и ехал на квартиру к известным в стране аксакалам, передавал им фотографии и переснятые для них интересные материалы. И беседовал. Старики были рады видеть внука Жумабая Шаяхметова, были по-человечески признательны ему за внимание и ценили интерес к себе.

У Рината есть уникальные снимки и записи бесед с известнейшими в стране политиками, учеными, мастерами искусства и общественными деятелями: Абдухалыковым, Абисатовым, Баглановой, Балмухановым, Бигельдиновым, Зимановым, Серкебаевым, Чокиным, Юсуповым.

В течение нескольких лет по собственной инициативе ездил в Москву, где работал в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ), Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), Российском государственном архиве кинофотодокументов (РГАКФД). Везде собирал материалы о деде и его эпохе. Встречался с людьми, работавшими при нем в партийных и советских органах Казахстана.

Во время многочисленных поездок по городам Казахстана по банковской линии проводил полевую работу, встречался с работниками местных областных архивов и краеведческих музеев.

В Усть-Каменогорске и Экибастузе сфотографировал места жительства Георгия Маленкова, сосланного Хрущевым в Казахстан, где он проживал с женой и старшей дочерью. Ринат записал воспоминания местных жителей-старожилов. Эти фотографии и записи вошли в книгу воспоминаний старшего сына Маленкова Андрея, изданную в 2019 году в Оренбурге.

Как я уже отмечал, будучи натурой страстной, Ринат мог одновременно продвигать и другие свои интересы. Он состоял в переписке с самыми разными людьми, жившими в самых разных уголках мира. Тут он был вынужден прибегать к моим услугам. Я часто злился на него за то, что он в моем представлении докучал людям. Но каково же бывало мое удивление, когда на его письма, составленные по-английски в моей редакции, приходили ответы: от Пауло Коэльо, от Дэвида Рокфеллера, от мэра Ливерпуля, от битловского менеджера Нила Аспиналла, от адвокатов Йоко Оно. Последние три корреспондента были задействованы моим неугомонным средним братом, когда он загорелся идеей установки в городе памятника любимым битлам.

Как раз в это время мы занимались подготовкой к 100-летию деда. Приходилось обращаться в разные инстанции. Я кипятился, считая идею памятника несвоевременной, и кричал брату в трубку: «С кем вы, мастера культуры? С Джоном Ленноном или с Жумабаем Шаяхметовым? Определитесь!». А сейчас эта композиция на Кок-Тобе в исполнении скульптора Эдуарда Казаряна одно из любимых мест горожан.

Все эти годы Ринат представляет нашу семью на историческом фронте. Активно сотрудничает с Институтом истории и этнологии им. Ч. Валиханова, с Архивом Президента РК, с ведущими историками и исследователями.

Во время своей поездки в 2019 году в Шербакульский район Омской области Ринат взял в месте расположения аула Жандай, где родился дед, немного земли и сухих трав, чтобы потом вместе с близкими родственниками рассыпать эту землю с семенами трав с его малой родины на его могиле на Цен-

тральном кладбище Алматы. В том же году в Историческом архиве Омской области был открыт личный фонд Жумабая Шаяхметова.

Настоящее эссе я писал в мысленном диалоге с отцом, но свои реальные очертания оно обретало в полемике с Ринатом. Он был добрым советчиком и, что немаловажно, источником объективной критики, которая мне очень помогла. Значительную часть документов и фотографий я смог здесь использовать только благодаря тому, что он предоставил мне все свои материалы, которые собирал годами. Я безмерно признателен ему за поднесенные «снаряды».

Мой младший брат Ноэль, всеобщий любимец, из всех из нас персоне самая узнаваемая. Как сейчас принято говорить, медийная. Окончил естественно-географический факультет Казахского педагогического института им. Абая. С детства любит птиц, профессионально в них разбирается, потому что в душе страстный орнитолог. Собирается написать книгу о птицах Алматы с оригинальными иллюстрациями.

Важной частью мира Нелика стала музыка, которая органично сопровождает его по жизни. Вообще, надо сказать, что музыкой — самой разной — был всегда наполнен наш дом. Очень хорошо и часто пели в кругу семьи мама с папой. Мама любила неаполитанские песни, папе особенно удавались арии из популярных опер. Но самым коронным номером в его репертуаре была ария Айдары «Айттым сәлем, каламқас» из оперы «Абай». Никогда не забуду то, с каким чувством он спел эту трогательную партию на нашей свадьбе, посвятив ее Акмарал.

В орбите семьи всегда было много известных имен, составивших славу нашего искусства. Все это не могло не повлиять на моего младшего брата. Но я не без гордости вспоминаю, что человеком, показавшим ему первые три аккорда на гитаре еще в Усть-Каменогорске, был я. *The rest is history*: как говорится, остальное всем известно. Несколько лет Ноэль проработал проректором Алматинской консерватории.

Мой младший брат, все-таки, больше известен как журналист и как человек, стоявший у истоков радиовещания независимого Казахстана. Работал на многих популярных радиостанциях, проходил практику на «Немецкой Волне» и «Голосе Америки». Любимая многими передача «Музыка нашего поколения» за многие годы выхода в эфир буквально выросла в культурную ткань города. А написанные им некогда оптимистичные джинглы для радио «РИК» пошли в народ. От многих людей слышал, что его эфиры люди ждали, поскольку помогали заряжаться хорошим настроением.

Его талант и самоотдача были признаны и благодарной аудиторией, и коллегами по цеху. Он является академиком Академии журналистики Республики Казахстан и четыре раза становился лауреатом премии «Алтын жулдыз». В числе его наград и премия им. Ануарбека Байжамбаева «За творческий поиск и мастерство».

Однако в полной мере его профессиональные и личные качества проявились и заиграли новыми гранями на телевидении и на платформе видеохостинга YouTube. «Алматинские истории с Ноэлем Шаяхметовым», выходящие на телеканале «Алматы» и доступные через Интернет людям в самых разных уголках планеты, стали настоящим событием. Не думаю, что такая моя оценка является преувеличением. Этот цикл передач стал не только гимном городу и признанием ему в любви, но и данью памяти тем, кто создавал его неповторимую ауру.

Ноэлю передан редкий талант, которым был щедро одарен наш отец. Я имею в виду умение дружить, способность располагать к себе людей и доброжелательность. Я люблю ходить с ним по улицам Алматы, зная, что через каждые два квартала его кто-нибудь обязательно остановит и радостно обнимет. Кажется, что его все знают. И что он всех знает. То же самое происходило и с отцом. Для всех для нас Алматы стал родным городом, где столько близких тебе по духу людей.

Главным достоинством его передач я считаю ту доверительность, которая присутствует в каждом выпуске. Нет ни рисовки, ни фальши, и это сейчас как поток свежего воздуха.

Собеседники Ноэля искренне делятся воспоминаниями о своих родителях, близких, знакомых, соседях. Может быть, слишком много ностальгии, комплиментарности или сентиментальности? Мне это не мешает. Люди говорят как о знакомых событиях, так и о малозначительных, на первый взгляд, эпизодах, но все вместе это складывается в удивительно цельную картину нашей недавней жизни с легко узнаваемыми приметами времени.

К некоторым передачам подключается Ринат, когда нужно обогатить материал фактами и историческими ссылками. Эти программы являются хорошим наглядным пособием для любого человека, который интересуется историей города и судьбой тех, кто в нем жил и творил.

* * * * *

Подводя итог рассказу о себе и своих близких, прихожу к выводу, который не может не вселять в меня оптимизм.

Согласно семейному преданию, отраженному в нашем шежере, род Жумабая Шаяхметова восходит к Атыгаю. Генеалогическая линия прочерчивается так: Атыгай — Багыс — Серкеш — Назар — Токтамыс — Жандай — Алтыаяк — Досан — Бектемир — Шаяхмет — Жумабай.

Своими корнями наше семейное древо уходит в священную для казахов землю Омбы, где когда-то правил Токтамыс-би. Землю эту питают своими живительными силами воды родного нашему сердцу Иртыша. Генеалогическая родословная древом на всех языках называется неслучайно: ее принципы подчиняются основополагающему закону природы — высокий ствол с пышной кроной может существовать только благодаря мощной корневой системе.

Смотрю на своих родных и близких и вижу: вместе со своими детьми, внуками и правнуками они представляют собой абсолютно здоровые и крепкие ответвления от семейного древа. А оно не только мощное, но и раскидистое. Потомки Жумабая Шаяхметова живут, учатся или работают сейчас буквально по всему миру — в Казахстане, России, Китае, Германии, Канаде, США и Швейцарии.

Они живут своими заботами и радостями, тревогами и надеждами. Как все. При этом не теряют друг друга из виду, оставаясь крепкой и сплочённой семьей, где принято чтить традиции, заложенные в нас нашими родителями, и пестовать самых юных с искренней верой в мудрость афоризма «Могучие дубы вырастают из крошечных желудей».

В природе такое древо жить не сможет, если корень гнилой, а ствол внутри превратился в труху.

III. «Отмененный» Жумабай Шаяхметов

Обращаясь теперь к личности деда, отмечу, что до недавнего времени о нем либо умалчивали, либо говорили вскользь, перемежая правду и вымысел, либо распространяли заведомо ложные сведения. Публикации и материалы, в которых предпринимались попытки дать более или менее цельное представление об этом политическом деятеле, время от времени появлялись, но налицо общий тренд к тому, чтобы советский период особенно не высвечивать.

В связи с тем, что происходит в эти дни в США и во многих других западных странах, все заговорили сейчас о так называемой cancel culture — «культуре отмены», которую называют еще «культурой запрета», «культурой обнуления» или «культурой исключения». Все это — современные формы остракизма.

Простого и непростого смертного банят в соцсетях или пытаются лишить социального или профессионального статуса за его или ее поведение, высказывания, взгляды. Фигуру историческую или публичную норовят стереть из памяти или подвергнуть всеобщему осуждению. Компаниям и фирмам, которые, по мнению апологетов этой культуры, делают что-то предосудительное, объявляют бойкот.

С неофундаменталистами, кто эту культуру насаждает, спорить нельзя: они вне критики, поскольку истина ведома только им.

В нашей семье о «культуре отмены» знают не понаслышке. Поэтому в условиях, с одной стороны, информационной

блокады, а с другой — все более частых информационных манипуляций, когда подлинный исторический факт практически невозможно отличить от подлога, особенно если фальшивка грамотно сработана и широко и технологично растиражирована, возникает необходимость способствовать в меру сил распространению подлинных архивных материалов и документальных свидетельств о Жумабае Шаяхметове, его соратниках и их нелегком времени.

Эти первоисточники должны быть доступны, чтобы любой, кто интересуется конкретно этой исторической личностью и связанным с нею советским периодом в истории Казахстана, мог с ними ознакомиться и, пропустив через себя приведенные в них факты, попробовать найти почерпнутым сведениям верное место в картине мира, которая складывается в уме каждого человека. В идеале это полотно должно быть цельным и полностью освещенным, чтобы были видны все цвета, оттенки и нюансы, а не фрагментарным, одномерным, чёрно-белым и проявленным только с какого-то одного угла.

В ситуации, когда все, что связано с советским прошлым, продолжает вызывать ожесточенные споры между людьми, его глубокий и непредвзятый анализ помог бы современному человеку самостоятельно оценить: чего же там было больше — плюсов или минусов? Как это сделали в свое время китайцы, которые не повелись на чужие мнения и суждения, а решили сами для себя раз и навсегда, что в деятельности того же Мао Цзэдуна было 70 процентов правильного и 30 процентов ошибок. И двинулись вперед, а не назад.

Такой подход оправдан, потому что ни одну личность в истории как-то однозначно оценить нельзя в принципе, ведь самой природой повсюду заложен дуализм: у всего в этом мире есть две стороны.

Это важно, в первую очередь, для тех, кто только вступает в зрелую жизнь и у кого есть внутренняя потребность, желание

и время самим искать и находить ответы на такие, казалось бы, очевидные и одновременно с этим непростые вопросы: кто мы, откуда мы, где мы сейчас находимся и куда — и с кем — движемся? Без ответа на эти вопросы поиски национальной идентичности и установление национальных приоритетов будут провисать в воздухе.

Постановка таких вопросов неизбежно заставляет задумываться и о том, а как действовали бы мы сами, окажись в суровых условиях совершенно иной эпохи?

В конце всех этих исканий важно спуститься в практическую плоскость и спросить себя: способны ли мы, осмыслив очерченный исторический период и выявив в нем как явные недостатки, так и очевидный конструктив, с одной стороны, проделать работу над ошибками, чтобы больше их не повторять, а с другой — взять оттуда все, что может сделать жизнь лучше? Кстати, как раз такой алгоритм действий прописан во всех современных учебниках по менеджменту/администрированию.

В канун 100-летия со дня рождения Жумабая Шаяхметова в номере «Казахстанской правды» от 28 августа 2002 года была опубликована моя статья, которую я озаглавил тогда — намеренно несколько пафосно — «Воссоздавая историю ради потомков». Я исходил из того, что история, по праву считающаяся учительницей жизни, — это не просто фактологическое перечисление в хронологическом порядке событий прошлого, а их толкование с определенного ракурса смыслов, ценностей и мотиваций дня сегодняшнего, но обязательно со встраиванием в глобальный контекст.

В той статье, возможно несколько наивно, но, во всяком случае, в духе исторического оптимизма, столь характерном для людей моего поколения, я выразил надежду на то, что общество, прожившее к тому моменту в условиях независимости более 10 лет, будет в состоянии взвешенно и трезво проанализировать свое недавнее прошлое и дать объективную

оценку своим бывшим лидерам, включая моего деда, имя которого на долгие годы было намеренно предано забвению. Хотя факты — вещь упрямая: оно и без нас вписано в летопись XX века, хотя и не некоторые или нет.

Действительно, речь шла о политическом лидере казахстанцев, на протяжении 16 лет с полной отдачей работавшем в высших эшелонах власти СССР в предвоенные годы и сыгравшем немалую роль в обеспечении реальной весомости вклада Казахстана в общую победу над фашизмом во Второй мировой войне. Под его непосредственным руководством уже в послевоенный период было продолжено наращивание индустриально-аграрного потенциала Казахстана, развивалась социальная сфера, открывались новые научные, учебные и культурные центры.

Небольшой, но удивительный с точки зрения сегодняшнего дня штрих к его портрету, говорящий о том, какую роль смыслы и ценности играли тогда в системе приоритетов. В самый разгар кровопролитнейшей войны на уничтожение, обострившей все мыслимые кризисные явления в обществе, Жумабай Шаяхметов вместе со своими соратниками добился открытия в Алма-Ате высшего учебного заведения для девушек-казашек с преподаванием всех предметов на родном языке, с полным пансионом и даже оплатой путевых расходов, что имело большое значение для любой казахской семьи, решившей отпустить свою дочь на учебу в большой город в тяжелейшее для всех время. Сделал это не потому, что ему нужно было, как сейчас выразились бы, стать ньюсмейкером, пропиариться или поднять свой рейтинг, а просто из-за того, что он, реально понимая нужды и менталитет людей, думал на перспективу. И верил в победу

Тогда же, кстати, им была поддержана идея открытия в столице театра юного зрителя, хотя, строго говоря, у руководства республики были в тот конкретный момент времени

абсолютно все основания отложить столь доброе начинание до лучших времен.

Многое из того, что и поныне составляет инфраструктурный базис страны и чем она и по сей день могла бы по праву гордиться, включая, к примеру, ряд промышленных флагманов, до сих пор занимающих ведущие позиции на мировых рынках черных и цветных металлов и ядерного топлива, не соткалось каким-то чудесным образом из воздуха в 1991 году, а было построено общими усилиями в период работы Жумабая Шаяхметова на постах сначала третьего (1938–1939 годы), потом второго (1939–1946 годы) и, наконец, первого (1946–1954 годы) секретаря Компартии Казахстана.

Сегодняшние молодые люди живут своими делами и работами и по вполне понятным причинам не всегда ориентируются в реалиях того времени. Поэтому стоит пояснить: он был де-факто руководителем Казахской Советской Социалистической Республики в составе СССР при Иосифе Сталине, с мнением которого приходилось считаться тогда не только главам союзных республик, но и лидерам ведущих держав мира, в том числе, к слову, Франко Делано Рузвельту и Уинстону Черчиллю. Именно три эти государственных деятеля определили в середине прошлого века то мироустройство, принципы которого только сейчас пробуют подвергать ревизии.

Не стоит упускать из виду и то обстоятельство, что Жумабай Шаяхметов руководил Казахстаном в конце 1940-х и начале 1950-х годов, когда, по оценкам многих экономистов, в том числе западных, СССР входил в число стран с наиболее высокими темпами экономического роста — наряду с ФРГ, Японией, Францией, — опережая по этому показателю США и Великобританию. Косвенным подтверждением этого факта, который не все сегодня готовы принять на веру, несмотря на наличие в открытом доступе большого объема статистических выкладок на этот счет, является то, что в те годы Советский

Союз явно выигрывал у Соединенных Штатов космическую гонку.

С момента публикации той моей статьи прошло почти 20 лет, показавших, что задача, вынесенная в ее заголовок, за это время стала лишь еще более актуальной.

С одной стороны, имя Жумабая Шаяхметова обществу, вроде бы, вернули. О нем теперь можно прочесть — и в популярной биографической энциклопедии «Кто есть кто в Казахстане», и в составленном Институтом истории и этнологии им. Ч. Валиханова сборнике материалов «Великие имена Великой степи». К 100-летию со дня его рождения в Академии наук Республики Казахстан 5 сентября 2002 года была проведена научно-практическая конференция «Жумабай Шаяхметов: жизнь и деятельность» и вышел сборник воспоминаний. Публиковались отдельные книги и материалы, подготовленные, в частности, М. Аккозиным, Л. Ахметовой, Г. Галкиной, В. Григорьевым, З. Кабульдиновым, К. Мухаметкалиевым. Работа по этой теме продолжается и сегодня по линии Института истории и этнологии и Архива Президента Республики Казахстан.

С другой стороны, нельзя не заметить, что в нынешней ситуации усилия в этом направлении даются непросто. Достаточно вспомнить, что добро на проведение упомянутой выше конференции, на которой, по сути дела, произошла политическая реабилитация Жумабая Шаяхметова, было получено во многом только после вмешательства Касым-Жомарта Токаева, занимавшего в ту пору позицию Государственного секретаря—Министра иностранных дел. Однако ее уровень был опущен до регионального, а полная стенограмма выступлений готовится к публикации только сейчас.

Как мне видится, даже эти достаточно осторожные шаги в сторону непредвзятой оценки успехов, достигнутых республикой при деде, не совсем укладываются в вектор, все явственнее прослеживающийся в последние годы в сфере госу-

дарственной идеологии. Ей, понятное дело, надо обслуживать теперь круто взятый — неолиберальный по своей сути — курс на борьбу с социальным иждивенчеством и абсолютизацию законов и ценностей рынка, а также роли и интересов иностранного инвестора.

Это, кстати, косвенно подтверждается тем, что отныне эффективность работы диппредставительств страны оценивается по критериям успеха в привлечении прямых иностранных инвестиций, а Международный финансовый центр «Астана» функционирует на базе английского общего права с привлечением судей-иностранцев.

Как бы то ни было, факт остается фактом: к проблеме замалчивания роли видных деятелей и реальных — и до сих пор осязаемых людьми — достижений советского времени добавилась гораздо более фундаментальная проблема открытого очернения всего «Советского проекта» и демонизации тех, кто его реализовывал.

К числу деятелей того периода, которыми, как выясняется, казахстанцам не стоит больше гордиться, некоторые предлагают относить теперь и такого лидера, как Динмухамед Кунаев.

Есть люди, которым не близок и живший в совершенно иную эпоху Абай с его неллицеприятными суждениями в отношении известных черт национального характера и неуместными, на их взгляд, словами назидания.

Все эти примеры являются конкретными проявлениями насаждаемой повсюду «культуры отмены», а она, в свою очередь, вытекает из другого относительно нового явления, которое называется по-разному, но означает одно и то же. «Культура пробуждения» или «вокизм» (woke culture, wokeism или wokism) — это, по сути, новая западная религия.

Кстати, в Казахстане ее под определенным углом на время засветили во флешмобе под брендом «Мен ояндым». На Западе официальная публичная презентация этой новой веры

состоялась после убийства в Миннеаполисе 25 мая 2020 года Джорджа Флойда и появления второго дыхания у движения BLM («Жизни черных имеют значение»).

«Пробудившиеся», «проснувшиеся» или «очнувшиеся» вдруг увидели окружающий их мир через одну общую для всех линзу: оказывается, в мире есть угнетатели и угнетенные. Линия водораздела проходит через расу, пол и гендерную идентичность. Играя на лучших чувствах людей, таких как сострадание и стремление к справедливости, адепты новой веры ставят вопрос ребром: теперь наша очередь обладать властью и контролем.

Все эти явления сплелись между собой таким причудливым образом, что в итоге с каждым новым днем появляются все новые параллели, которые можно проводить между СССР, проклинаемым многими до сих пор, и США, до сих пор воспеваемыми ими же.

Последние годы я все это чувствовал, но не удосуживался свои ощущения систематизировать так, как это сделал Виктор Дейвис Хэнсон, историк из Гуверовского института войны, революции и мира при Стэнфордском университете, который в статье «Происходит ли советизация американцев»⁷ насчитал целых 10 таких параллелей. На них имеет смысл остановиться подробнее.

Согласно этому аналитику, в СССР идеологическая индоктринация пронизывала все стороны жизни: чтобы сделать карьеру, нужно было советский строй воспевать. В Штатах, где новой верой стала «культура пробуждения», карьеристам нужно теперь громко и убедительно говорить о том, что страна поражена системным расизмом, не предъявляя при этом никаких доказательств.

---

⁷ *Are Americans Becoming Sovietized?* By Victor Davis Hanson, The Mercury News, May 6th, 2021.

URL: <https://www.mercurynews.com/2021/05/07/hanson-10-symptoms-showing-americans-are-becoming-sovietized/> (дата обращения: 07.05.21).

В Советском Союзе, по оценкам Хэнсона, произошло сращивание СМИ с государством, где «Правда» транслировала официально утвержденную ложь, а журналисты озвучивали партийные тезисы. То же самое наблюдается и в США, где, по результатам одного гарвардского обследования, более 90 процентов сообщений о первых 100 днях президентства Трампа по основным телеканалам имели как по команде негативную окраску.

Советское государство с его системой тотальной слежки для вычисления инакомыслящих использовало аппаратчиков и своих лакеев. В США Хэнсон видит признаки того же. Не так давно прошла информация о том, что в министерстве обороны проводится проверка послужного состава на предмет выявления экстремистски настроенных или неблагонадежных элементов. Почтовая служба США недавно признала, что использует специальные цифровые программы для отслеживания постов американцев в социальных сетях, а министерство национальной безопасности привлекает к этому частные сыскные фирмы.

Цель советской системы образования состояла не в просвещении молодежи, а в ее индоктринации. В США университеты лихорадочно набирают сейчас администраторов по вопросам многообразия, перед которыми как перед хорошими комиссарами поставлена задача следить за тем, чтобы не было отклонений от генеральной линии. А она проста: порочной Америке нужно признаться в своих грехах, извиниться за содеянное и отказаться от прошлого.

Советским Союзом рулила купавшаяся в привилегиях элита, которая не испытывала на себе ограничения насаждавшейся ею же радикальной идеологии. В Штатах «очнувшиеся» миллиардеры из Силиконовой долины прибегают к социалистической риторике, но живут при этом по-королевски. Руководители «Кока-колы» или «Дельта эйрлайнз», которые отчитывают американцев за скупость и прижимистость, за-

рабатывают миллионы в год. Активистов «пробудившихся», среди которых автор называет Опру Уинфри, ЛеБрона Джеймса, Марка Цукербергера и чету Обамы, объединяет одно: их огромные поместья и многомиллионные состояния. Если избранные из числа старой советской номенклатуры имели дачи на черноморском побережье, то самые крикливые «революционеры» Америки предпочитают жить в Мартас-Винъярд, Беверли-Хиллз, Монтеcito или Малибу.

«Совки» освоили искусство навешивания всем ярлыков троцкизма и переписывания прошлого с целью фабрикации настоящего, но чем отличаются сейчас в этом плане американцы, сваливающие статуи, оскверняющие мемориалы, запрещающие книги и насаждающие «культуру отмены»?

В СССР была создана атмосфера страха, а «стукачи» вознаграждались за то, что помогали сводить под корень всех потенциальных «врагов народа». Автор статьи справедливо задается вопросом: с каких пор американцы стали побуждать сослуживцев к тому, чтобы те «закладывали» коллег, ляпнувших что-то не то в частном разговоре? Почему тысячи и тысячи людей заняты сегодня тем, что рыщут по просторам Интернета в поисках политически некорректных высказываний, которые мог позволить себе их конкурент в далеком прошлом? Почему появились сейчас, как по Оруэллу, новые «мыслепреступники», чья вина заключается в «расизме», выражающемся сегодня в отношении к проблемам климата, иммиграции и вакцинации?

В стране Советов органы прокуратуры и суды были поставлены на службу идеологии. А в Америке вопрос о том, возникнут ли у вас какие-либо юридические последствия, зависит от того, где и во имя чего вы творите беспорядки. Политически корректные города, где нелегалы не преследуются за нарушения иммиграционного законодательства, нарушают закон безнаказанно. А присяжные живут в страхе от того,

что за «неверный» вердикт их личности могут быть преданы огласке, а их самих станут травить. ЦРУ и ФБР становятся таким же орудием на службе господствующей идеологии, каким был КГБ.

В СССР премии раздавались за «правильные» советские мысли. В современной Америке Пулитцеровская премия, «Эмми», «Гремми», «Тони» и «Оскары» совсем необязательно присуждаются теперь за лучшую работу года. Чаще всего эти призы достаются наиболее политически корректным представителям наиболее «пробудившихся».

Наконец, как отмечает Хэнсон, в Советском Союзе не стеснялись душировать свободу. Наоборот, там гордились тем, что государство выступает поборником равенства, защитником интересов неимущих и врагом всяких привилегий, поэтому оно имело право терминировать любого, кого пожелает, и положить конец всему, чему захочет. «Пробудившиеся» в этом отношении не отстают: они таким же образом отстаивают свое право контролировать мысли других, принудительно их перевоспитывать, заставляя давать написанные под копирку признательные показания, в приказном порядке вынуждать каяться и отменять культуру под тем предлогом, что «коренная трансформация» давно назрела.

Продолжая мысль этого исследователя, добавлю, что из всех этих явлений вытекают и требования запретить, среди прочего, классическую музыку, потому что ее сочинили белые мужчины для белой элиты. Отсюда и судорожные усилия «Уолт Дисней Компани» переделать концовку аттракциона «Белоснежка и Семь Гномов», поскольку «хэппи энд» в виде поцелуя Прекрасного принца, возвращающего к жизни Белоснежку, отныне считается нарушением права на ее физическую неприкосновенность. Поцеловал он ее без «осознанного и ясно выраженного согласия». А это сейчас табу. Балет П. И. Чайковского «Спящая красавица», таким образом, попадает под

двойной запрет: написан белым мужчиной с политически некорректным финалом.

Иными словами, прежний мир сейчас многим мешает, поэтому по нему бьют каждый день из всех орудий. Кто бьет? Небольшевики? Или неохунвейбины?

IV. Приглашение к квесту

Что касается отношения в Казахстане к советскому прошлому, то меня — как и многих — не может не тревожить то, что все громче, в том числе и в парламенте страны, заявляют о себе силы, которые, не решаясь подвергать критике настоящее и не имея четкого видения будущего, всю свою неумную энергию привычно обрушивают на прошлое с целью его окончательного сноса, видя в нем первопричины всех сегодняшних язв.

В разы преувеличивая цифры, манипулируя ими и нередко в открытую вбрасывая откровенные фейки, борцы с прошлым без всякого стеснения спекулируют на гнев, который не могут не вызывать у людей мрачные страницы советской истории, прежде всего связанные с болезненной ломкой старых устоев, принудительной коллективизацией и страшным голодом, не имеющими оправдания репрессиями, актами волюнтаризма, ядерными испытаниями и рукотворными катастрофами на территории республики.

При этом они не желают признать очевидное: при всех этих немыслимых издержках общество выстояло в самой страшной войне на истребление, сумело — за какие-то 30 лет мирной жизни — уйти от архаики и совершило по сути головокружительный прыжок в модерн.

Если вспомнить мыслителей конца XIX и начала XX веков, активнейший поиск рецепта создания Нового Человека шел тогда во многих странах. В ходе этих мучительных исканий люди потом пролили немало крови.

Что касается «кремлевских мечтателей», которые во многих социальных начинаниях, включая, среди прочего, эмансипацию женщин, запрет расовой дискриминации, бесплатное (и, как впоследствии выяснилось, качественное) образование с реально работавшими социальными лифтами и бесплатную медицину с упором на профилактику болезней, обогнали свое время, то ими была предпринята еще более дерзкая попытка, которую им не простили, — сделать ставку на сильные стороны человека, на его разум, на стремление развиваться и тянуться вверх, а не на его слабости, обусловленные животными — вернее биологическими — инстинктами.

Одержимые этой идеей, люди, чаще всего, двигались по неизведанной территории методом проб и ошибок. Запомнились только ошибки.

Мне в свое время понравился предложенный кем-то образ: авторы грандиозного исторического эксперимента, поставленного в ответ на реально ощущавшийся в большинстве стран запрос на социальную справедливость, были подобны группе безумцев-энтузиастов, которые в условиях Средневековья сумели построить и запустить космический корабль. Этот корабль чудом поднялся в атмосферу и даже продержался там какое-то время, но потом, все-таки, рухнул вниз под действием не преодолимых пока Сил Гравитации.

Впрочем, для многих сегодня все это — не аргументы, а исторический тупик, в котором они ментально пребывают до сих пор, хотя на дворе, вроде бы, свободный рынок. Чтобы выбраться из этого многократно проклятого ими закоулка на широкую и светлую магистраль, они предлагают людям совершить увлекательный квест по хорошо известной уже «дорожной карте» со всеми полагающимися для постсоветских стран остановками: декоммунизация, десоветизация, десталинизация, деруссификация. Путь этот не новый. По нему кто-то уже прошел, а кто-то еще идет.

Понимают ли те, кто озвучивают такого рода программу действий, что они таким образом бьют по элементам несущих конструкций, на которых едва держится хрупкое межнациональное согласие? Не это ли согласие до недавнего времени предлагалось считать своего рода «брендом» страны? Официально согласие и единство до сих пор провозглашаются тем фактором, который создает стране известный запас прочности, а этническое и культурное многообразие относят к ее стратегическому ресурсу.

Остатки советского менталитета, который, по мнению таких людей, тянет общество назад, они считают необходимым безжалостно вырезать — как аппендикс. Поэтому требуют объявить преступниками тех, кто устанавливал советскую власть, и признать героями их оппонентов, настаивают на запрете советской символики и форсируют реабилитацию фашистских коллаборационистов.

Особое внимание в их «дорожной карте» уделено поиску точек разлома, нанося все новые и новые удары по которым можно еще мельче дробить общество.

Найдена наиболее болезненная из них — реальные трагедии, вызванные голодом. Они намерены политизировать их и далее в расчете на то, что, если тезис о преднамеренной политике геноцида сработал на Украине, он может и должен сработать и в Казахстане.

«Пробудившиеся» ратуют за радикальное решение другого чувствительного вопроса — языкового, правда, не договаривают пока, что их конечная цель — демонтаж «лаборатории дружбы народов» и формирование моноэтнической государственности. В любом случае, они не могут не понимать, какой здесь заложен потенциал для дальнейшей фрагментации общества в его нынешней конфигурации. А также для обострения отношений с соседом, с которым страна связана не только общей историей и иницированными ею самой в свое время интеграционными

проектами, но и наиболее протяженной в мире сухопутной границей.

К сожалению, в этом им помогают своими безответственными выкриками «торпеды» от политики и в самой России. В этой связи одна надежда на то, что люди по обе стороны границы не забудут слова мудрого Урхо Калева Кекконена, четверть века руководившего Финляндией. Он в свое время изрек: «Не ищи друзей далеко, а врагов близко».

Соседи могут ошибаться, тогда их нужно поправлять. И нужно помогать им определяться в экзистенциальных, бытийных вопросах, помогать, в первую очередь, своим позитивным примером.

На фоне очернения советского прошлого идеализируются и мифологизируются те, кто выступал в качестве альтернативы большевикам, в частности лидеры движения «Алаш», которым казахский социум, действительно, многим обязан, в немалой степени сохранением нации в ее нынешних географических границах. Значение этого трудно переоценить.

Алихан Букейханов, Ахмет Байтурсынов, Халел Габбасов, Миржакип Дулатов, Магжан Жумабаев и другие видные носители либерально-демократических ценностей болели за казахский народ и искренне желали ему лучшей доли. В этом у меня никаких сомнений нет.

Декларировавшаяся ими политическая платформа не может не впечатлять своей продвинутостью даже сегодня. Там было все: казахская государственность, сохранение национальной самобытности, примат казахского языка, установление парламентско-президентской формы правления со сменяемостью власти, введение прогрессивного налога, задействование всего арсенала прав человека, включая право на честные выборы и свободу слова, предоставление земли тем, кто на ней работает, и налаживание равноправных и добрососедских отношений с Россией, которая, впрочем, не была для движения «Алаш» ориентиром.

Ставка делалась на процветающие страны Запада. Лидеры не скрывали, что в качестве политической модели ими была избрана Япония.

Сегодняшние сторонники этих идей, осуждая и обличая советский строй, горячо доказывают, что реальная, а не прозрачная альтернатива пройденному тяжелому пути была. В их изложении она очевидна.

Если бы взяли за образец японскую модель, то тогда смогли бы создать независимое, демократическое и светское государство, в котором за последние 100 лет сменилось бы уже 25 президентов.

Обязательно получилось бы осуществить модернизацию при сохранении национальной идентичности и войти в число ведущих экономик мира.

При таком сценарии численность населения составляла бы сейчас не 18, а 50–60 млн. человек, поскольку непременно удалось бы избежать голода, репрессий и прочих ужасов тоталитаризма.

Наконец, в качестве вишенки на гипотетическом торте: казахское государство смогло бы собрать все тюркские народы в одну суперструктуру — Туркестан — и даже войти в таком виде в Европейский союз.

Кое-кто из авторов такого сценария, правда, считает нужным, все-таки, оговориться: все это можно было бы осуществить, если бы не три «но»: если бы не географическое положение, если бы не исторические обстоятельства XX века и если бы не авторитарическое окружение.

Сегодняшним молодым людям, которые с интересом слушают передачи и подкасты, где активно «прокачивается» тема очевидных плюсов японской парадигмы, хочется посоветовать не упускать при этом из виду и возможные минусы, упрямо выпирающие из новейшей истории Японии.

Нужно вспомнить, что Японию из ее самоизоляции в середине XIX века фактически пинками вынесли США, кото-

рые прибегли для этого к «дипломатии канонерок». Иными словами, американцы приплыли к острову, держа в руках большую дубину, и сделали японцам предложение, от которого те не смогли отказаться. Нацию вытолкали на стезю вестернизации, но при этом оставили в рамках жесткой социальной дисциплины.

И вот тут меня начинают одолевать сомнения. Смогли бы вольные степняки подчиниться таким порядкам?

Победа Японии в войне с Россией 1904–1905 годов, которую любят приводить в качестве поучительного примера, была бы вряд ли возможна, если бы международные финансисты не опробовали тогда впервые простую, но весьма эффективную двухходовку: перекрыли ненавистному царскому режиму «кредитный кислород» и параллельно буквально накачали Японию военными займами⁸. Что потребовали бы они от Казахстана в обеспечение кредитов, которые ему обязательно понадобились бы для модернизации в условиях кочевого уклада?

Если бы лидеры «Алаш» смогли закрыть глаза на то, что Япония вместе с ведущими европейскими странами поддержала в 1918 году Колчака, который приказал распустить «алашскую» автономию, а ее вожаков расстрелять, и пошли на тесный союз с этой страной, на чьей стороне воевали бы казахи во Второй мировой войне, которая была неизбежна?

Смогли бы сохранить нейтралитет? Воевали бы на стороне России? Или вместе с Японией примкнули бы к государствам «оси»?

В этом случае можно было бы исключить вероятность того, что «Малыш» или «Толстяк» не прилетели бы на территорию Казахстана, вместо того чтобы взорваться в Хиросиме и Нагасаки?

---

⁸ Адлер Сайрус. *Джейкоб Генри Шифф. Гений финансового мира и главный спонсор русских революций* / Пер. с англ. Л. И. Игоревского. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2017. — С. 163, 167, 178.

Наконец, можно ли говорить о полноценности государственного суверенитета Японии в условиях функционирования на ее территории в последние семь десятилетий военных баз иностранного государства?

Если внимательно приглядеться к деятелям движения «Алаш», то можно увидеть, что они образовывали тончайший слой степной аристократии. Она была представлена яркой плеядой чингизидов, которые получили высшее образование в имперской России и начинали свой политический путь среди кадетов.

Действовать на местах им пришлось бы в бурном океане «кара-суйек», которые не всегда демонстрировали им свою лояльность. В казахских степях в то время не было высших учебных заведений, было всего несколько светских школ. Народ в основной массе был неграмотным. Не хватало ни управленцев, ни представителей правопорядка.

И здесь опять возникают сомнения и вопросы. В этих условиях хватило бы у лидеров, обогнавших, по общему признанию, свое время, терпения и выдержки?

Какими методами, с опорой на кого и с использованием какого ресурса стали бы они претворять в жизнь свою платформу?

Как поступили бы с переселенцами-славянами? Не захотелось бы одних насильно загнать в «светлое будущее», а других из него выдворить?

Возможно было бы тогда не прибегать к директивным методам руководства?

Если такие рычаги, все-таки, пришлось бы задействовать, то чем в таком случае они отличались бы от административно-командных методов, за которые до сих пор клянут коммунистов?

В условиях низкого уровня общей и политической грамотности и нехватки квалифицированных кадров реально было

бы обеспечить регулярную сменяемость власти, на которую так уповают критики авторитаризма?

Если бы тот же Алихан Букейханов, честно отработав на посту президента положенный по закону срок, почувствовал, что все его предначертания могут быть дезавуированы или не претворены в жизнь его преемниками, смирился ли бы он с этим, просто отойдя в сторону?

Осознав, что в противном случае все его замыслы могут пойти прахом, захотел бы он задержаться во власти, чтобы довести начатое дело до конца, как это сделали в свое время, в частности, Ататюрк, Франко Делано Рузвельт, Ли Куан Ю, некоторые руководители постсоветских стран? Собственно, это, кстати, собирается сделать сейчас Си Цзиньпин.

Диванные критики советского прошлого такие вопросы задавать себе не любят. Складывается впечатление, что они до сих пор искренне считают проекцией рая на Земле светлый образ заокеанского «града на холме» и всерьез полагают, что надежным гарантом безопасности и благополучия нации стали бы гипотетическое развертывание на территории страны базы НАТО или — в качестве альтернативы — создание в регионе пантюркского военно-стратегического блока.

Лица тех, кого эти силы отрядили на роль своих «фронтменов», обществу хорошо известны. Речь, как правило, идет о людях, которые родились в достаточно безмятежные годы брежневского застоя или позже, но которые при этом занимают гораздо более непримиримую позицию чем те, кто реально попал под жернова репрессивной машины. Это не может не наводить на некоторые мысли.

Смущает ли этих людей тот «успех», с которым сейчас катится по нарисованной по таким лекалам «дорожной карте» Украина? Не смущает. Более того, некоторые из них, одержимые поставленной перед ними задачей продвижения принципов «открытого общества», и не скрывают, что считают

срабатывание «майданных» сценариев в Армении, Грузии, Кыргызстане и на Украине свидетельством зрелости политической системы.

Люди, отстаивающие свое право на неугасимую ненависть к тем, кто «застрял в прошлом», и агрессивно пытающиеся формировать в обществе «продвинутую» повестку дня, либо не понимают, либо не желают признаться себе в том, что, даже если у них и получится превратить страну в форпост антикоммунизма и русофобии и провести тотальную и радикальную люстрацию ее населения, на этом путешествие по обозначенному маршруту ни для них, ни для общества в целом не закончится.

Как ясно показывает пример Венгрии или Польши, им вряд ли позволят вернуться «к корням» и жить потом на свой лад. Напротив, их заставят делать следующие принципиально важные остановки в поступательном «прогрессистском» движении.

Им в ультимативной форме будет предложено определиться — без всяких экивоков — в своем отношении к целому ряду других существенных вопросов. А для этого убедят, например, в необходимости расстаться с такой неактуальной уже любовью к семье как ячейке общества и совершенно несвоевременной преданностью отжившей свой век религии. Субкультура чайлдфри давно в тренде.

Уже невозможно не замечать того, что темпы эволюции сознания, направляемой по такой траектории, с каждым днем ускоряются. Например, в американских школах уже не приветствуются местоимения «он» и «она», поскольку их употребление свидетельствует о твоем узколобии и нетерпимости и может обижать все большее число учеников, которым, как выясняется, уже гораздо комфортнее, когда к ним обращаются, используя гендерно-нейтральное местоимение «они» (they) и его производные (them, their).

А что касается взрослых американцев, то упоминавшиеся выше комиссары по вопросам многообразия добились того, что во время собеседований с кандидатами на заполнение вакансий в государственных структурах и частных компаниях среди обязательных вопросов появился сегодня и вопрос о том, какие личные местоимения соискатель употребляет в своем повседневном общении. Те (чуть было не написал «тот»!), кто хотят получить работу, должны знать, как сейчас надо перешагивать через эту «растяжку», чтобы не подорваться.

Кстати, не удивлюсь, если в не столь уже и далеком будущем молодых казахов приучат к толерантности во всех формах и проявлениях, но при этом заставят стыдиться того, что их предки, к примеру, варварски резали согым, демонстрируя дремучую отсталость кочевого уклада и непонимание важности отказа от любых «вредных» практик, не согласующихся с целями «устойчивого» развития всего человечества. Боюсь, что «кокпар», традиционную казахскую борьбу всадников за улак (тушу козла), ждет судьба запрещенной в Испании корриды.

Иными словами, скоро хорошим тоном станет заказывать в каком-нибудь модном заведении не тарелочку казы, а какие-нибудь кексики из прессованных сверчков с добавлением для пущей привлекательности CBD (каннабидиола).

Даже если стране каким-то образом удастся от всех соседей отгородиться и начать самостоятельно жить на свой манер, к ней, все равно, придут и постучат.

Сильными игроками найдена новая схема, позволяющая диктовать свою волю, прикрываясь еще одним набором благородных идей и ценностей, выступать против которых, вроде бы, абсурдно. На авансцену вышел климат, вытеснив с нее права человека.

Если Казахстан вдруг замешкается с переходом от экономической модели, базирующейся на приватизации природной

ренты и зависимости от ископаемого топлива, к более затратной модели «зеленого развития», то его скорее рано, чем поздно призовут к ответу. Тем более что необъятные просторы страны многим не дают покоя.

Если в современном мире допустима гуманитарная интервенция, то почему нельзя предположить, что на каком-то этапе наиболее прогрессивная часть мирового сообщества, глядя на то, какой ущерб наносится на нашей территории «общему достоянию человечества», захочет вмешаться на том основании, что на наших просторах нарушаются права Пачамамы («матери-земли»)?

Косвенным указанием на вероятность такого сценария является активизация работы по увеличению у нас числа сторонников девочки по имени Грета Тунберг.

V. На фронтах Великой психоисторической

Сегодня все больше людей не видят в происходящем на идейном фронте никакой стихийности или спонтанности. Более того, для них очевидна определенная плановость, с которой на ежедневной основе осуществляются информационные вбросы, призванные вызвать нужный драматический эффект. А без этого обязательного эффекта эмоции человека не включаются. И на этих эмоциях умело играют.

Все это делается в рамках ужесточившейся в последние годы во всем мире, в первую очередь на постсоветском пространстве, интеллектуальной борьбы за смыслы, которую называют еще психоисторической войной.

Является ли все это каким-то новым явлением? Отнюдь нет.

Если обратиться к истории, то настоящую идеологическую войну, которая благодаря развитию книгопечатания стала тогда первой глобальной, развязали, блестяще провели и выиграли деятели Реформации — англичане, голландцы, немцы и французы-протестанты, желавшие ослабить могущество католической Испании. Империя Габсбургов их стараниями стала ассоциироваться с царством невежества, косности и мракобесия. И это о стране, где построена Альгамбра и откуда стартовала эпоха Великих географических открытий!

Позже к протестантам присоединились деятели эпохи Просвещения. Через «черную легенду» об Инквизиции был создан миф о Великом Инквизиторе как исадии ада, который был развит, в частности, Фридрихом Шиллером в «Дон Карлосе» и усилен Верди в одноименной опере, позже Эдгаром По,

Достоевским и, наконец, Умберто Эко. И лишь недавно исследователи, поработавшие с архивными материалами, а не с литературными произведениями, стали по крупицам восстанавливать истинную картину. Эдвард О'Брайен в своей работе «Новый взгляд на испанскую инквизицию»⁹ пишет:

«Например, фра Томас де Торквемада, Великий Инквизитор, само имя которого стало теперь символом беспощадной жестокости, на самом деле... сдержал непомерное рвение ранних инквизиторов во множестве областей, в том числе — смягчил пытки и ограничил их применение. Уолш полагает, что при Торквемаде пытки были никак не страшней, чем в американском полицейском участке 1930-х годов. Кроме того, за все пребывание Торквемады в должности Великого Инквизитора (1483–1498 гг.) по всей Испании перед различными трибуналами прошло 100 000 заключенных. Из этого числа казнено было менее двух процентов. В Барселоне с 1488 по 1498 гг. “казнен был один заключенный из 20” (всего — 23 человека). Нет, хотя на его счету все же от тысячи до полутора тысяч казненных, причем — обычным методом того времени, через сожжение, Торквемада — не то чудовище, которое рисует нам “черная легенда”».

По аналогичной схеме не без помощи все тех же английских джентльменов в общественном сознании был сформирован и образ Николло Макиавелли, имя которого стало нарицательным. Слово «макиавеллианский» на любом языке мира сегодня означает «что-то коварное, что-то от нас скрытое, что-то явно не в наших интересах. Какой-то неблагоприятный происк какой-то злой силы, исповедующей один главный принцип: цель оправдывает средства, и для ее достижения все они хороши»¹⁰.

⁹ URL: <https://www.ewtn.com/catholicism/library/new-look-at-the-spanish-inquisition-4091> (дата обращения: 11.05.21).

¹⁰ Багаев А.В. *Презумпция лжи*. 3-е изд. М.: Товарищество научных изданий КМК. 2019. — С. 16.

Главные претензии к Макиавелли касаются его «Государя», трактата чисто прикладного свойства, написанного с использованием примеров из международной дипломатической, политической и военной практики того времени. Ни один из этих примеров не был им выдуман. А это значит, что в своей известной теперь на весь мир книге «он не учил ни какому-то невиданному в его время коварству, ни неслыханному тогда злодейству. Он просто наставлял готовившегося к большой политике очередного юного Медичи: Вот как сегодня в реальном мире на практике управляют государством. Тебе в этом мире предстоит жить и править. Поэтому сии правила тебе непременно надлежит знать и соблюдать: иначе тебе и твоему народу наступит скорой и бесславный конец»¹¹.

Что касается уже нашей действительности, то психоисторическая война, как известно, проявляется в систематическом и долговременном воздействии на психосферу общества, избранного в качестве мишени, в основном на его властную и интеллектуальную элиты. И, конечно же, на молодежь, искреннее и естественное стремление которой к справедливости и переменам во все времена использовали сначала для ее радикализации, а потом для превращения в своего рода стенобитное орудие.

Сознание изо дня в день методично и весьма технологично обрабатывается. Используются ли для этого, как утверждают знающие люди, методы нейролингвистического программирования, мне судить трудно. Очевидно лишь то, что в ход пускаются проверенные временем законы профессионального маркетинга, которые были хорошо объяснены, в частности, Уолтером Липпманом, Эдвардом Бернейсом, Эдвардом Херманом и Ноамом Хомским. Ими уже давно и в доходчивой форме описаны принципы, техники и механизмы пропаганды, пиара, манипулирования общественным мнением и «производства согласия в обществе» в интересах заказчика.

---

¹¹ Там же. – С. 26.

В итоге получаем знакомый каждому результат, иллюстрируемый прозаичным примером из повседневной жизни: человек, вроде бы, и ознакомился со всеми не очень полезными для организма (мягко говоря) ингредиентами условной «Пепси-колы» и умом понимает, что химикат этот лучше бы не пить, но все равно послушно покупает или заказывает именно его, а не какой-нибудь «Сарыагаш», потому что ему внушили — новое поколение выбирает только «Пепси».

Если этот напиток уже не актуален, замените его баночкой Red Bull или другого энергетика. Суть явления не изменится.

Эффект усиливается в разы, если этому человеку еще и покажут по какому-нибудь бизнес-каналу, как всеми почитаемый Уоррен Баффет, этот «Волшебник Изумрудного Города» наших дней, во время интервью — ну прямо как простой смертный! — регулярно прикладывает к баночке вишневой «колы» (в акции которой им вложены десятки миллиардов долларов).

Здесь у кого-то может возникнуть ощущение, что на этих моих рассуждениях появляется легкий налет конспирологии. Не думаю, что сгущаю краски. В этой связи стоит обратить внимание на пресс-релиз министерства информации и общественного развития от 28 сентября 2020 года о запуске проекта по развитию у казахстанцев навыков прагматизма, поскольку в нем честно и откровенно описываются применяемые сейчас техники в стиле Бернейса.

По замыслу разработчиков упомянутого проекта, развитие такого положительного качества, как «прагматизм», аккумулирует в себе целый ряд рациональных навыков, которые позволят казахстанцам, будучи финансово стабильными, здоровыми, образованными и востребованными на рынке труда, реализовывать свой потенциал и быстро реагировать в условиях меняющегося мира, в частности, обеспечивать разумное потребление и распределение ресурсов, планировать семейный бюджет, высчитывать эффективную ставку по

кредиту, вести здоровый образ жизни, чтобы минимизировать траты на лечение, избегать ненужных расходов на помпезные тои и семейные торжества с большим числом приглашенных гостей.

Министерство поясняет, что «продвижение прагматизма в сознание масс будет осуществляться не директивно, а в ненавязчивой форме с использованием техник “системы подталкивания” NUDGE. Реализация предполагает широкий спектр воздействия на публику, включая видеоролики-лайфхаки, интервью, очерки и телепередачи об известных личностях, лекции и обучающие тренинги Открытого университета OpenU.kz, билборды, лозунги и слоганы»¹².

Английское слово «nudge» как раз и означает «подталкивание». Считается, что подталкивание к действию не менее эффективно, чем силовое принуждение к нему или прямолинейная рекомендация.

Иными словами, все делается по Бернейсу, который для манипулирования общественным мнением в пользу своих клиентов любил использовать авторитеты. Он говорил, что, если вы можете влиять на лидеров, независимо от того, осознают они это или нет, то вы автоматически влияете на группы людей, находящихся под их влиянием. Правда, в те годы Бернейс использовал свои техники для навязывания практик, которые сегодня признаны вредными.

В 1930-е годы он, например, стал архитектором культурного сдвига в американском сознании, когда по заказу табачных компаний сделал через привлечение медийных персон курение среди женщин не только нормой поведения, но и модным трендом. До этого оно считалось вульгарностью и чем-то недостойным для женщины. Миллионы повелись на слоган «Женщины! Боритесь с еще одним сексистским табу! Зажгите свой факел свободы!». Подключили врачей, которые дока-

---

¹² URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/qogam/press/news/details/103255?lang=ru> (дата обращения: 29.09.2020).

зывали, что никотин помогает пищеварению, способствует похудению, снимает стресс.

Для увеличения продаж бекона в стране, где население привыкло к легкому завтраку, состоявшему из кофе, булочки и апельсинового сока, Бернейс мобилизовал медицинское сообщество, многие представители которого стали утверждать, что плотный завтрак гораздо полезнее и что бекон и яичница должны стать основой ежедневного рациона.

Те, кто когда-нибудь начинал свой день в американском дайнере, знают, во что это в итоге вылилось. Подскочили продажи не только бекона и яиц, но и сосисок, ветчины, миксов для оладий, ингредиентов для молочных коктейлей и т. п. И, конечно, всех видов сахаров. В итоге и врачи не остались в накладе. Страдающих хроническим ожирением стало столько, что работой эскулапы были обеспечены на десятилетия вперед.

Возвращаясь к методам ведения психоисторической войны, хочу согласиться с теми аналитиками, которые говорят о том, что война такого рода ведется с целью перекодирования или переформатирования нашего сознания сразу на нескольких уровнях.

На самом простом — информационном — уровне мы становимся свидетелями откровенной фальсификации фактов.

Следующий уровень концептуальный — это когда фальсификация происходит на стадии их умелого пакетирования.

Высший же пилотаж демонстрируется на последнем — метафизическом или смысловом — уровне, когда человеку пытаются внедрить в сознание чуждые смыслы.

Когда, например, говорят, коллективизм и честь — это плохо, но индивидуализм и деньги — это хорошо. Когда изо дня в день внушается, что семейные ценности — это анахронизм, что сейчас важнее всего — свобода, самоидентификация и, главное, самореализация индивида, на откуп которому отдается решение всех вопросов, в том числе этики и морали.

Нам говорят, что в войне победителей быть не может, поэтому как все в итоге оказываются в проигрыше. День Победы — это уже не наш праздник, а ее знамя — всего лишь красная тряпка, которая дорога сердцу лишь «совкофилам», «ватникам» или «колорадам», превратившим Великую Викторию в шабаш «победобесия».

Критикуя тоталитаризм, эти люди демонстрируют при этом абсолютную нетерпимость к любому инакомыслию. В ход пускается испытанный пропагандистский прием — расчеловечивания оппонента. Долг настоящего казаха — ненавидеть «ватников» за то, что те от своих отцов и дедов не отказываются.

Происходит агрессивная дегероизация: не было никаких подвигов панфиловцев, Молдагуловой, Маметовой, Гастелло, Матросова, Космодемьянской. Войну выиграл «Генерал Мороз».

Впрочем, здесь нужно сразу оговориться: проблема эта гораздо шире, о чем я уже говорил выше в контексте агрессивно навязываемой «культуры отмены».

Чтобы показать, что она затрагивает сегодня не только постсоветские страны, приведу следующие слова:

«Вопреки всем законам общества и природы наших детей в школе учат ненавидеть свою страну и считать мужчин и женщин, которые ее построили, не героями, а злодеями. Радикальный взгляд на [...] историю — это паутина лжи, когда все вырывается из контекста, любые добродетели скрываются, любые мотивы перевираются, любые факты искажаются, а каждый недостаток преувеличивается, пока история не вымарывается, а прошлое не обезображивается до неузнаваемости»¹³.

---

¹³ Выступление Президента Дональда Трампа 4 июля 2020 года у Национального мемориала на горе Рашмор в Южной Дакоте по случаю Дня независимости США. URL:

<https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-south-dakotas-2020-mount-rushmore-fireworks-celebration-keystone-south-dakota/> (дата обращения: 20.11.2020).

Об этом в 2020 году к крайнему неудовольствию носителей леволиберальных ценностей и мейнстримных СМИ был вынужден заявить сорок пятый президент США Дональд Трамп, когда снаряды психоисторической войны стали рваться уже на заднем дворе американцев.

Мы видели в том году, как сносили памятники в Америке, как сносили памятники даже в Англии.

А ведь англичане всегда посмеивались над теми же русскими, которые ставили, а затем сваливали памятники сначала своим царям, потом коммунистическим вождям. Сами же они традиционно гордились тем, что умеют жить в мире со своей неоднозначной историей. Действительно, у них стоят пока памятники и кровожадному Генриху VIII, и религиозному фанатику-фундаменталисту Кромвеллю, и расисту Черчиллю, на совести которого, кстати, десятки тысяч погибших под Галлиполи в Первой мировой войне.

Правы, на мой взгляд, те, кто объясняют, что суть борьбы с памятниками — это борьба с памятью, а борьба с памятью — это борьба с сознанием, которое является сложнейшим и малоизученным феноменом.

Речь идет о попытке лишить людей их прошлого, т. е. лишить их исторической памяти, исторического и социального сознания как единого целого.

Задача — осуществить «жесткую перезагрузку» социальности, поскольку мир, который создается на наших глазах, не должен иметь корней, а людей нужно постоянно чем-то запугивать и расщеплять на атомы, чтобы они даже и не помышляли о консолидации и солидарности. Тогда ими проще управлять. Словом, уколоться... и забыться. И совсем не жалко, что при этом разрывается связь времен и связь поколений, нарушается логика развития, уничтожается культура.

Людей старшего возраста, у которых за годы выпавших на их долю немалых испытаний выработался некоторый иммунитет и которые не утратили еще способность сравнивать на-

стоящее с недавним прошлым, обрабатывать гораздо труднее. Поэтому их просто списывают со счетов как обреченную на естественное выбывание демографическую когорту. И терпеливо ждут того, когда это в конечном счете произойдет.

Ставка делается главным образом на тех, кто принадлежит к поколениям Y и Z. У этих молодых людей уже нет никаких эмоциональных привязок к СССР. Действительно, если верить статистике, больше половины сегодняшних жителей Казахстана составляют те, кто родился уже при независимости.

Приходится признавать, что сегодняшние дети формируются в клиповой культуре современного мира, когда человек воспринимает действительность не целостно, а как калейдоскоп стремительно сменяющих друг друга и, на первый взгляд, никак не связанных между собой разрозненных событий.

К тому же значительная часть людей ежедневно добровольно изолирует себя в «эхо-камере» социальных сетей, где участники окружают себя — благодаря хитро настроенным алгоритмам — голосами единомышленников и отсекают любые альтернативные точки зрения, что, с одной стороны, усиливает индивидуальную систему убеждений пользователя и его агрессивную нетерпимость к иным мнениям, но, с другой стороны, искажает общую картину действительности и повышает градус токсичной поляризации в обществе.

В этой связи не могу не вспомнить о том, что эпиграфом к своей книге «Общественное мнение»¹⁴ Уолтер Липпман выбрал известный фрагмент из «Государства» Платона с описанием пещеры узников, которые вынуждены всю жизнь наблюдать только тени, отбрасываемые на стены пещеры внешним миром, но не сам мир. Поскольку узники никогда не видели того, кто отбрасывает эти тени, они не в состоянии догадаться о существовании чего-то более реального, чем тени.

---

¹⁴ URL: https://mcocos.ru/static/books/Walter_Lippman.pdf (дата обращения: 07.05.21).

Многие сегодняшние идеологи, политехнологи, политологи и прочие «инженеры человеческих душ» следуют установке Липпмана, который доказывал, что современный гражданин просто не способен понимать сложный мир, ему не дано вникнуть в суть явлений, поскольку среднестатистический человек живет в плену собственных стереотипов и предрассудков. При чем никогда не будет на это способен. Образовывать граждан бессмысленно, нецелесообразно и нерентабельно.

Поэтому задача тех, кто правит, состоит не в том, чтобы выводить обитателей пещеры на свет истинного бытия, а в том, чтобы продолжать транслировать узникам в их пещеру эти блики и подобию с целью усиления эффекта иллюзорности их существования в мире теней и грез.

Когда я вижу сегодня человека, замороженно смотрящего в мерцающий экран своего смартфона, мне иногда кажется, что это мерцают чьи-то тени на стене условной пещеры, хотя человек может в этот момент сидеть за столиком кафе или лежать в шезлонге где-нибудь на Бали.

Только в таком случае современная демократия может быть управляемой. В ситуации, когда массы считаются невежественными, апатичными, иррациональными, инфантильными, обремененными предрассудками и не способными к осмыслению действительности, их антиподом, по Липпману, выступают элиты. Поэтому он говорит о демократии элит и важности работы фабрик по производству общественного мнения и общественного согласия. Но чем тогда навязывание демократическими элитами своего мнения, которое элегантно выдается за общественное, отличается от авторитаризма?

Не так давно мне попался на глаза любопытнейший доклад по Казахстану, подготовленный в 2019 году Королевским институтом международных отношений в Лондоне¹⁵. Этот

---

¹⁵ Доклад Chatham House/ноябрь 2019. *Казахстан: испытание «транзитом власти»*. URL: <https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/CHHJ8054-RUSSIAN-Kazakhstan-Report-FINAL.pdf> (дата обращения: 25.04.2021).

ведущий западный «мозговой центр», созданный в 1920 году, больше известен как «Чатем-Хаус», и преследует в высшей степени благородную цель — помогать правительствам и обществам строить устойчиво безопасный, процветающий и справедливый мир.

В разделе рекомендаций, среди прочего, записано:

«Необходимо приложить больше усилий для снижения способности внешних игроков формировать общественное мнение и манипулировать информационными каналами. Это должно быть сделано путем поддержки и повышения конкурентоспособности независимых средств массовой информации, как традиционных, так и цифровых, в частности СМИ на казахском языке. Излишнее влияние иностранных средств массовой информации, порой доставляющих фейковые новости, создает риски для правительства с точки зрения его собственной способности развивать гражданскую идентичность и способствует расколу в обществе»¹⁶.

Там также говорится о необходимости «активно противостоять кремлевской машине пропаганды, которая стремится дискредитировать западные ценности в глазах русскоязычных телезрителей в Казахстане»¹⁷.

Противостоять предлагается путем проведения «более целенаправленной, творческой и диверсифицированной стратегии общественной информации, включая создание новых возможностей для работы западных новостных и развлекательных каналов»¹⁸. Словом, чтобы бликов на стене пещеры было еще больше.

Примечательны выводы, к которым приходят авторитетные эксперты, приложившие руку к упомянутому исследованию. Отмечая, что Казахстану «мешает репутация недемократич-

---

¹⁶ Там же. — С. 141.

¹⁷ Там же. — С. 138.

¹⁸ Там же.

ного и коррумпированного государства, нарушающего права человека», из-за чего он «обычно находится в нижней трети большинства индексов по оценке состояния страны», они прямо говорят о том, что «Казахстан не особенно важен ни для ЕС, ни для США. Это вряд ли изменится, учитывая политические, экономические и географические реалии... Казахстану придется еще долго ждать паритетных отношений с Западом»¹⁹. Почему-то вспомнилась в связи с этим сакраментальная фраза «Денег нет, но вы держитесь!». И не смотрите русскоязычный контент!

---

¹⁹ Там же. — С. 136.

VI. Ложные аналогии?

Касаясь личности Жумабая Шаяхметова, отмечу, что на фоне упомянутых выше процессов в сфере государственной идеологии, многие из которых, как мне представляется, не всегда протекают в видимой части спектра, казахстанские историки и исследователи — даже при наличии таких, казалось бы, стимулов, как программа «Рухани Жаңғыру», — предпочитали до недавнего времени заплыв против течения не совершать, поэтому в «неперспективную» советскую тематику старались не погружаться. Под нее гонорары или гранты, тем более западные, не получишь, ведь сейчас запрос либо на батыров и ханов далекого прошлого, либо на теоретиков движения «Алаш», либо на более «актуальные» и востребованные темы, связанные с репрессиями, голодомором и геноцидом. Кстати, эти темы станут у нас еще более востребованными и «рентабельными» среди грантозависимых исследователей, политологов и журналистов, если по ним будут приняты соответствующие решения Конгрессом США или Европейским парламентом.

В этой связи хотел бы отметить, что одной из заметных работ по советскому периоду в истории республики был изданный еще в 2010 году Л. С. Ахметовой и В. К. Григорьевым небольшой по объему сборник очерков «Первые лица Казахстана в сталинскую эпоху»²⁰. Сами авторы отнесли его к жанру политической истории, однако по глубине анализа

---

²⁰ Ахметова Л.С., Григорьев В.К. *Первые лица Казахстана в сталинскую эпоху*. Учебное пособие. – Алматы, 2010. – 232 с.

он, на мой взгляд, представляет собой серьезное исследование, дающее представление о руководителях республики в период 1924–1953 годов.

В разделе «Жумабай Шаяхметов. Груз властной ноши выдержал» дан анализ драматических событий, в которые был вовлечен Жумабай Шаяхметов, в частности, достаточно подробно освещены его реакция на действия клеветников, инициировавших травлю Мухтара Ауэзова, Каныша Сатпаева и Ермухана Бекмаханова, а также его расхождения с Никитой Хрущевым по поводу подходов к программе освоения целинных и залежных земель.

В этом очерке исследователи отмечают, что «... Шаяхметов все годы своего пребывания на посту первого лица Казахстана поступал как патриот своей республики в те годы, когда начал стремительно формироваться ее новый культурный базовый компонент, когда этнос начал осознавать себя как нечто целое. Ведь именно тогда была заложена основа всего комплекса, ставшего позднее базой нынешней суверенности»²¹.

Для меня не стало никаким сюрпризом то, что этот сборник и, главное, такая оценка лидера казахских коммунистов быстро попали в зону внимания западных аналитиков, занимающихся мониторингом постсоветского мира, и вызвали у них раздражение и явное неприятие. Негативная реакция последовала практически мгновенно, если рассматривать ее в исторической перспективе, причем из одной из кузниц западной «прогрессивной» мысли — из Оксфорда, где Советским Казахстаном занимаются до-тошно и обстоятельно, препарируя изучаемый предмет вдоль и поперек с применением оптики с самой высокой разрешающей способностью.

В 2012 году профессор факультета истории Оксфордского университета Харун Йылмаз, являющийся еще и научным сотрудником Британской академии при Лондонском универ-

²¹ Там же. — С. 229–230.

ситете королевы Марии и считающийся крупным экспертом по Средней Азии, Кавказу и Украине, опубликовал большую аналитическую статью *History writing as agitation and propaganda: the Kazakh history book of 1943* («Историография как орудие агитации и пропаганды: Учебник казахской истории 1943 года»)²².

Автор, который хорошо известен в кругах архивистов и профессиональных историков в Казахстане²³, плотно поработал с огромным массивом архивных материалов, и его наблюдения и выводы заслуживают того, чтобы, пусть кратко, их здесь прокомментировать. Хотя бы потому, что те, кто курируют упомянутых выше «фронтменов», заряжаются идеологическим кислородом не только в Вашингтоне, Брюсселе, Лондоне, Варшаве, Вильнюсе или Киеве, но и у таких профессиональных интерпретаторов исторических процессов на территории бывшего СССР, как Харун Йылмаз.

Справедливо указывая на то, что с момента обретения независимости в 1991 году политические элиты бывших советских республик занимаются переписыванием своего советского прошлого, в результате чего где-то от него полностью отказываются как от колониального и репрессивного, а где-то — в той или иной степени — сохраняют ему приверженность и считают его частью своей истории, в зависимости от политической повестки конкретных действующих лиц, автор не без досады присоединяется к мнению других исследователей о том, что если, например, в Прибалтике антикоммунизм стал своего рода системообразующим мифом, то в Казахстане многие казахи-космополиты, которые, как правило, являются русскоязычными горожанами, проеци-

²² Harun Yilmaz (2012): *History writing as agitation and propaganda: the Kazakh history book of 1943*, Central Asian Survey, 31:4, 409–423. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/02634937.2012.738852>.

²³ В 2015 году в научно-теоретическом журнале Института истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова была опубликована его статья «Конструирование образов казахских национальных героев при Сталине». Отан Тарихы, №2 (70):73–100.

руют и представляют советское правление как масштабный модернизационный проект, принесший в казахские степи европейские идеи и культуру, правда, к сожалению, в условиях диктата тоталитарного государства²⁴.

В качестве примера профессор приводит вышеупомянутую книгу Л. С. Ахметовой и В. К. Григорьева, где особо отмечаются грандиозные преобразования, в результате которых устойчивой кочевой цивилизации уступили место основам современного индустриального общества, и, кроме того, дается ответ на критику связанных с этим огромных издержек в виде человеческих жизней путем приведения «похожих» примеров грандиозных преобразований которые сопровождалась гибелью большого числа людей, таких как Англия времен Кромвеля, Франция в наполеоновскую эпоху, Америка времен войны между Севером и Югом и Китай середины XX века²⁵.

Как и следовало ожидать, Харун Йылмаз с такого рода оценкой «Красного проекта» категорически не согласен, а приведенные выше исторические параллели считает крайне некорректными, поэтому неслучайно слово «похожих» у него заключено в кавычки. По его мнению, когда речь заходит об СССР, знак равенства с нравственно-этической точки зрения ставить нельзя.

Не раз с удивлением убеждался в том, что с критическим мышлением и в США, и в Европе — даже среди интеллектуалов — дело, как выясняется, обстоит неважно. Хотя нам всегда внушали, что там с детства учат именно ему.

Откуда же тогда берется подавляющее большинство поразительно зашоренных людей, которые мыслят строго по шаблону? Хотя у многих из них дипломы самых престижных университетов, которые так ценятся кадровиками по всему

²⁴ Harun Yilmaz (2012): *History writing as agitation and propaganda: the Kazakh history book of 1943*, Central Asian Survey, 31:4, p. 409. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/02634937.2012.738852>.

²⁵ Ахметова Л.С., Григорьев В.К. *Первые лица Казахстана в сталинскую эпоху*. Учебное пособие. — Алматы, 2010. — С. 4—5.

миру. Откуда же тогда столько откровенных конформистов, искренне верящих всему, что показывают ARD, BBC, CNN или TF1? Откуда же тогда столько людей, не без оснований опасющихся затрагивать сегодня некоторые темы или откровенно высказывать свое мнение, которое, не дай Бог, может оказаться неpolitкорректным и реально поставить крест на карьере?

Эти вопросы станут риторическими, если вспомнить о том, как работают «фабрики по производству согласия». В последнее время к ним добавились глобальные социальные сети, чьи «сусловы», вернее «марки цукербергеры» и «джеки дорси», добились такого уровня цензуры и самоцензуры, который никому на Старой площади и не снился.

Давно замечено: чтобы нужный «месседж» в отношении тех же советских реалий лучше и проще заходил на подкорку таких людей, в свое время были скроены удобные шаблоны в форме подкупающих своей доходчивостью парных семантических блоков-клише типа «большевики — упыри», «советский строй — ГУЛАГ», «коммунизм — фашизм».

С их помощью как в конструкторе LEGO можно легко построить нужный, как сейчас говорят, «нарратив», — особенно и не утруждая себя какими-либо объяснениями или подкреплением приводимых доводов конкретными фактами.

А заодно можно мгновенно установить, насколько «адекватным» или «рукопожатным» является твой собеседник.

О том, как это происходило в постсоветских странах, хорошо, на мой взгляд, написал в свое время Максим Кантор, живущий на Западе российский художник, писатель и историк искусства:

«Термин “рукопожатный” отделял круг прогрессивных людей от тех, кто не рад демократическим переменам в обществе. Радеть за либерализм естественно для прогрессивного человека, тем более что есть среди нас коммунисты и фашисты — боремся с ними, а они все живут. Казалось бы, неужели не очевидно, что прогресс и рынок

лучше, чем разруха и казарма? Ан нет, находятся такие, кто тоскует по сильной руке. Прогрессивным людям пришлось поставить вопрос так: что хуже — легкое воровство или тоталитаризм? Хотелось бы сохранить репутацию вовсе незамазанной, но подвох состоял в том, что воры тоже придерживались либеральных взглядов. Возможно, воры толковали либерализм превратно, но отказаться от их трактовки не удавалось: иногда у воров просили денег. Как бы так ухитриться оградить интеллигентных людей от воров: деньги у воров брать на нужды прогресса, но непосредственно в грабеже не участвовать?

...

Нынче всякий интеллигент знаком с вором и убийцей всего через одно рукопожатие. Художники дружат с торговцами оружием, устраивающими им выставки. Журналисты обхаживают разбойников, купивших издательский дом. Писателям пришлось смириться с тем, что руки, вручающие им премию за роман, не столь давно вставляли паяльник в зад должнику. Неприятно про паяльник думать, и мир капитала литераторы научились воспринимать, не вдаваясь в унижительные подробности.

Светские люди кормились в редакциях и галереях; былая интеллигенция подалась в обслугу олигархов; сделать карьеру без знакомств было трудно, и, хотя все культурные люди знали, что их влиятельные знакомые — жулики, про это старались не думать. Выработался кодекс пристойного, необременительного поведения; судили действительность избирательно; порицали чиновников-казнокрадов за взятки, а то, что меценатствующий хозяин целлюлозного комбината не ангел, — про это молчали. Статусом «рукопожатного» дорожили — но не вдаваясь в подробности, как далеко цепочка рукопожатий заведет.

...

История — штука коварная, и под прошлым подвели жирную черту. Генетически пороховая гарь не передается, к чему нам знать прошлое? Стараниями журналистов определили необходимый минимум: революция — зло, Сталин — тиран, социализм — тупик. Кому-то покажется маловато, но это хороший рабочий список убеждений. И не надо доискиваться до деталей, кто что брал и кто кого резал, — в конце концов, мы начали новую жизнь, появились иные герои, у них иные судьбы»²⁶.

Даже, казалось бы, вполне начитанные и наделенные здравым смыслом люди не в состоянии выйти «за флажки» доминирующего в обществе дискурса и предпочитают в упор не видеть то, что, согласно упомянутым выше законам дуализма, негатив был, есть и, увы, будет в истории каждой страны и что СССР не был в этом отношении каким-то чудовищно одиозным исключением.

Не сомневаюсь, впрочем, что оксфордский эксперт прекрасно отдает себе отчет в том, что проследивание аналогий в мировой истории помогает видеть события в контексте, а не в отрыве от него, хотя, повторяюсь, формирование у обывателя понимания общей картины происходящего не отвечает интересам тех, кто занимается в наше время психоисторической инженерией и проецированием нужных картинок на стены упомянутой выше пещеры узников.

Если оценивать прошлое с моральных высот сегодняшнего дня и попробовать отказаться от привычного в этом деле применения двойных или даже тройных стандартов, строгой избирательности и фигур умолчания, то тогда, наверное, правомерно регулярно вспоминать и о том, что одни из первых концлагерей были созданы англичанами для буров в ходе англо-бурской войны 1899–1902 годов и что те же англичане в ГУЛАГ превратили в свое время целый континент, когда

---

²⁶ Кантор, Максим. *Красный свет*. — Москва: АСТ, 2013. — С. 5–6.

ссылали своих каторжан в Австралию, где местных аборигенов они людьми не считали.

Почему бы регулярно не вспоминать о том, что бельгийцы под лозунгом «распространения цивилизации» создали трудовой лагерь размером с Конго, где за 20 лет уложили в землю около 10 млн. конголезцев?

Не стоит, наверное, забывать тогда и про французских революционеров конца XVIII века, одержимых идеей социально-политических преобразований под благородным лозунгом «Свобода, равенство, братство». Они так увлеклись массовыми «чистками», что палачи на Гревской площади Парижа перестали физически справляться с приведением в исполнение смертных приговоров. Этот процесс даже пришлось механизировать: изобрели гильотину, которая оставалась главным способом смертной казни во Франции вплоть до отмены этой меры наказания в 1981 году.

Современные обитатели Туманного Альбиона сбились бы со счета в попытке оценить число жертв учиненных их предками репрессий во время колонизации Индии и других уголков мира, силой присоединенных к Британской империи.

К слову, пиратство, опиумный трафик и работорговлю с полным основанием можно, наверное, относить к «драйверам роста» и важным факторам английского «экономического чуда».

Если предъявлять строгий исторический счет не только советским коммунистам, то нужно тогда всем постоянно напоминать и о том, что на совести американцев — геноцид индейцев, институционализация рабства и расовой сегрегации, депортация этнических японцев в концлагеря в Неваде сразу же после атаки на Пёрл-Харбор, истребление гражданского населения японских городов путем их варварской атомной бомбардировки, жестокие пытки врагов американского народа, которые продолжают и по сей день, правда в секретных

тюрьмах на территории третьих стран, чтобы формально не нарушать американские законы.

Предвижу, что как раз в этом месте некоторые как по команде закатят глаза и усмехнутся: дескать, сколько можно говорить о том, что в Америке негров вешали? И это будут те же люди, которые готовы при этом — без всякого намека на когнитивный диссонанс — твердить про ужасы коллективизации, сталинские репрессии, голодомор и прочие зверства от рук коммунистов.

При этом они как будто и не ведают, что, согласно оценкам экспертов ООН, в наше время от реально рукотворного голода в разных частях планеты ежедневно умирает порядка 37 000 человек²⁷. Ежедневно! Во многом как следствие политики тех стран, на которые принято нынче равняться. Но это слишком для них «неактуально» и далеко.

Надо признать, что на приведенные мною выше доводы у профессиональных пропагандистов есть испытанный контраргумент: в их представлении все это — ложные аналогии, типичный *whataboutism*. Последний термин сейчас в ходу. Им обозначают критику в ответ на критику по принципу «сам дурак» или ответную аргументацию в споре в стиле «на себя посмотрите». Но действительно ли эти аналогии ложные?

---

²⁷ URL: <https://www.cadtm.org/Hunger-is-man-made-and-man-can> (дата обращения: 23.04.2021).

VII. Историография как орудие агитации и пропаганды

Возвращаясь к теме реконструкции прошлого, следует отметить, что в своей статье Харун Йылмаз бьет тревогу: в Казахстане этот процесс постепенно приводит к реабилитации видных казахских коммунистов, таких как Жумабай Шаяхметов:

«Согласно современным реконструкциям советского прошлого в Казахстане, Шаяхметов и другие видные коммунисты Казахстана ратовали — в интересах своей нации — за написание национальной истории, которая была издана в 1943 году, и вплоть до 1951 года защищали казахских историков от яростных нападок Москвы. Когда к этому добавляется тезис о том, что он якобы выступал против программы освоения целинных земель, Шаяхметов, который построил свою карьеру в качестве высокопоставленного сотрудника политической полиции (НКВД) в период репрессий, террора и голода 1930-х годов, предстает в образе защитника интересов казахов от «Красной Империи» и лидера, который провел свой народ через годы тяжких испытаний»²⁸.

Эти доводы в пользу реабилитации казахского лидера, к которым профессор вынужден добавить еще и роль Жумабая Шаяхметова в открытии в 1940-е годы новых предприятий,

²⁸ Harun Yilmaz (2012): *History writing as agitation and propaganda: the Kazakh history book of 1943*, Central Asian Survey, 31:4, p. 409. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/02634937.2012.738852>.

учебных заведений, консерватории и Академии наук, его, впрочем, не убеждают.

Пользуясь заранее заготовленными деталями из упомянутого выше семантического «конструктора», он в два-три хода выстраивает логическую цепочку, прочность которой у обывателя никаких сомнений вызывать не должна. Шаяхметов — «выдвиженец» из НКВД, поэтому в соответствии с автоматически применяемым в таком случае принципом «презумпции виновности» он — палач и каратель, хотя никаких прямых доказательств и свидетельств его непосредственной причастности к расправам никто до сих пор не предъявил.

Вывод делается простой, но с далеко идущими последствиями: бывший энкаведешник, остававшийся лояльным советской системе во время коллективизации, Великого голода и Большого террора, не может, по определению, считаться «хорошим парнем», которому пришлось действовать в рамках «плохой системы»

Иными словами, Жумабая Шаяхметова нельзя считать своего рода историческим мостиком между алашардинцами и руководителями современного Казахстана, его нельзя рассматривать в качестве достойного предшественника нового поколения казахских лидеров.

Такое заключение вполне соответствует транслируемой инженерами-психоисториками установке, согласно которой в нашем обществе никакой линейности исторических процессов, никакой преемственности, никакой межпоколенческой солидарности быть не может.

Надо отдать должное авторитетному эксперту: он провел немало времени в архивах Казахстана и хорошо проштудировал соответствующие материалы и документальные свидетельства. О глубине его погружения в тему свидетельствует следующий момент. Сославшись на то, что в сентябре 1941 года партия решила отметить 25-летие восстания казахов 1916 года под началом Амангельды Иманова, профессор при-

водит следующие слова, сказанные Жумабаем Шаяхметовым на торжественном собрании по этому случаю:

«Во всех национально-освободительных войнах сыны казахского народа являли собой примеры храбрости и жертвенности. А по-другому и быть не могло, ведь казахи издревле почитали батыров. Бекет, Кенесары и Наурызбай, Исатай, Махамбет и Амангельды — казахские батыры — бились за свободу и независимость. Они не раз сокрушали своих врагов».

Это выступление на казахском языке было опубликовано 14 сентября 1941 года в номере «Социалистік Қазақстан» (нынешняя «Егемен Қазақстан»), а потом широко ретражировано и распространено в качестве агитационно-пропагандистского материала.

В связи с этим уместно было бы отметить, что Еркегали Рахмадиев, говоря о значении героев народного эпоса для казахов и о том, что имя того же Аблай-хана несколько десятилетий советской власти было под запретом, вспоминал:

«Например, известно, что секретарь ЦК Компартии Казахстана Жумабай Шаяхметов оказался в опале, потому что напутствовал в 1941 году уходящих на фронт солдат-казахов словами: “Да поможет вам в трудную минуту аруах (дух) Аблая!”»²⁹.

Харун Йылмаз вынужден признать, что выступления Жумабая Шаяхметова находили горячий отклик в сердцах казахов, многие из которых, особенно в сельской местности, русским языком не владели. Неслучайно в этих условиях важную роль в оказании патриотического воздействия на коренное население — через казахский язык и героический эпос — играли не только партийные пропагандисты, но и носители устной фольклорной традиции — певцы-жырау и акыны, такие как Джамбул, Нурпеис и Шашубай.

---

²⁹ Людмила Варшавская. *На белой кошке оперного искусства*. Известия Казахстан № 22 от 16 февраля 2005 года.

Специалист из Оксфорда вынужден согласиться и с тем, что Шаяхметов ратовал-таки за написание истории Казахстана и вплоть до 1951 года, действительно, пытался защищать историка Ермухана Бекмаханова и других от доносов коллег и нападков московских идеологов. Свою миссию, однако, эксперт видит в том, чтобы решительно сорвать покровы, скрывающие, по его мнению, истинные причины выхода в свет в 1943 году национальной истории, и открыть читателю страшную тайну.

Оказывается, героическое прошлое казахским коммунистам нужно было только для того, чтобы укреплять боевой дух казахов, воевавших в рядах Красной Армии, выполнять разнарядки по воинскому призыву и наращивать объемы производства в колхозах, на шахтах и заводах Казахстана в трудных условиях военного времени, т. е. они использовали героику чисто как орудие агитации и пропаганды.

Такое умозаключение не может не поражать своим цинизмом и откровенным формализмом. По логике Ыылмаза получается, что, когда на страну с целью истребления «недочеловеков» обрушилась военная мощь фашистской Германии, перед которой многие в Европе предпочли просто капитулировать, «нецивилизованные» казахские коммунисты совершили очередное немыслимое «злодеяние», вероломно подняв с помощью героизации батыров прошлого боевой дух коренного населения.

Выходит, всем в мире было бы лучше, если бы казахи вместе с другими народами СССР Вторую мировую войну проиграли?

Когда я слышу тезисы об агитации и пропаганде из уст профессора Ыылмаза, не могу не задать риторический вопрос: неужели он не понимает, что и его можно обвинить в том, что интерпретация им исторических процессов на территориях постсоветских республик с высоты престижной оксфордской кафедры это, по сути, то же самое?

Неужели не осознает, что и его можно причислить к условным бойцам агитационно-информационного спецназа, вернее «инострannого легиона», в рядах которого плечом к плечу с ним — этническим турком, если судить по имени и фамилии, — бьются Кристиан Аманпур, в жилах которой течет иранская кровь, и Фарид Закария, родившийся и выросший в мусульманской среде в Индии?

Два последних персонажа занимаются чисто пропагандистской деятельностью, сидя в студии CNN. Этот некогда прорывной информационный канал круглосуточного вещания, созданный «внесистемным» Тедом Тернером, уже давно превратился в «Министерство Правды» при Демократической партии США.

Надо отдать должное идеологам Старого и Нового Света: нужные идеи заходят лучше и глубже, когда их озвучивает не какой-то WASP — белый англосаксонский протестант, а человек с двойной или «сдвинутой» идентичностью.

Трудно спорить с тем, что в любой стране историческая наука уязвима для обвинений в политизированности, идеологизированности и конъюнктурности. Того же Йылмаза я по-человечески понимаю: если он напишет что-то поперек «генеральной линии», он лишится грантов. А то и своего места на оксфордской кафедре.

Те же советские идеологи и не пытались скрывать, что реконструируют историю государства и союзных республик так, как от них это ожидалось, т. е. через призму «системообразующего русского народа».

Но и здесь нет ничего нового и характерного только для СССР: большинство учебников истории, по которым сегодня учатся студенты, являются в той или иной степени продуктом и орудием агитации и пропаганды и отражают доминирующую — во многом пока западноцентричную — картину мира.

А какую иную проекцию мироустройства можно ожидать, к примеру, от того же Арнольда-Джозефа Тойнби-младшего,

не только видного историка, но и успешного разведчика (т. е. выходца из органов госбезопасности) и члена закрытых групп английской элиты? Кстати, именно он стал первым директором упоминавшегося выше «Чатем-Хауса». А этот аналитический центр, в числе других аналогичных институций, задает тот идеологический вектор, игнорировать который грантозависимые исследователи на постсоветском пространстве не могут себе позволить при всем желании.

Поистине трагическая эпопея с Бекмахановым и другими казахскими историками служит убедительным подтверждением тезиса об ангажированности исторической науки.

Исследователи давно восстановили хронологию событий и причинно-следственные связи. Бекмаханова помогли «убрать» свои же. Его завистники и идейные оппоненты начали «копать» под него уже на следующий год после опубликования в 1943 году «Истории Казахской ССР».

Молодые и дерзкие казахстанские историки, почувствовавшие изменение в подходах московских идеологов к трактовке тех исторических фигур, которые отличились в борьбе с царизмом, придрались к написанной Бекмахановым главе, где роль хана Кенесары оценивалась положительно. Целых шесть лет они методично били в одну точку, не без оснований, как позже выяснилось, рассчитывая преодолеть противодействие со стороны руководства ЦК КП Казахстана.

Им удалось заручиться не только авторитетным мнением двух маститых академиков из Москвы, но и поддержкой главных цензоров страны в лице идеологического отдела ЦК ВКП(б) и редакции газеты «Правда». Их задача облегчалась тем, что в должности заместителя заведующего, а потом заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК КП Казахстана работал присланный Сусловым еще в 1948 году И. П. Храмков, который, не афишируя, дирижировал на месте процессами, приведшими потом к серьезнейшим последствиям для историографии республики.

Линия защиты Бекмаханова, которую выстраивал Жумабай Шаяхметов и его соратники из идеологического отдела ЦК КПК, была взломана 26 декабря 1950 года, когда «Правда» опубликовала за подписями двух казахстанских историков Х. Г. Айдаровой и Т. Ж. Шоинбаева и московского историка А. Ф. Якунина разгромную статью, озаглавленную «За марксистско-ленинское освещение вопросов истории Казахстана»³⁰.

Ознакомление с некоторыми архивными материалами по «делу Бекмаханова» позволяет убедиться в том, что дед, действительно, до последнего пытался отстоять как талантливого историка, так и самого Кенесары. И делал он это не по причине, на которой настаивает Харун Ыылмаз, а потому, что был патриотом своей земли. В его сознании не укладывалось то, что человек, о котором простые казахи сохранили добрую память как о защитнике своих интересов, не заслуживает упоминания и положительной оценки.

При этом он не мог не знать о том, что среди части казахской творческой интеллигенции в отношении этого хана были распространены и иные точки зрения.

Приведу одно такое мнение:

«Кенесеры воевал с русскими не потому, что хотел защищать казахов, а потому, что хотел удержать свою ханскую власть. Он был убежден в том, что если казахи будут жить в русском подданстве, то ему — Кенесары не быть богом казахской земли. Он никогда не выражал дум и чаяний казахов, а всегда думал о бывшей славе своего деда Аблайхана и о своей славе. Казахи говорят, что Кенесары не только грабил аулы, но и распарывал животы безвинных беременных женщин. Такого зверя может назвать

---

³⁰ Шоинбаев Т., Айдарова Х., Якунин А. *За марксистско-ленинское освещение вопросов истории Казахстана*. «Правда». 26 декабря 1950 г.; «Большевик Казахстана» 1951. № 1. — С. 11–15.

защитником казахов, безвредным, безобидным только тот, который находился в глубоком заблуждении».

А вот другая позиция:

«Известно, что националисты, алаш-ордынцы из всех сил старались показать Кенесары как защитника народа; богачи возводили Кенесары до небес, о нем создавали всевозможные легенды. Задача советского писателя состояла в том, чтобы раскрыть корни этих легенд богачей, помочь молодому поколению Казахстана в правильном понимании прошлого Казахстана, правильно характеризовать положение, разоблачать остатки алаш-ордынского влияния, помочь разоблачить лже-руководителей национально-освободительного движения».

В первом случае речь идет о мнении, выраженном в газете «Енбекши казах» еще в 1923 году Сабитом Мукановым, а в втором — о трактовке, которую дал в 1934 году в газете «Социалистик Казахстан» Габит Мусрепов.

Эти и другие оценки собрал в своей докладной записке заместитель редактора отдела критики и библиографии газеты «Правда» В. Озеров, тщательно готовивший доказательную базу для той статьи, которая ставилась на обсуждение в редколлегии четыре (!) раза.

В. Озеров, в частности, писал:

«В целом ряде стихотворений, например: “Я народу служу” 1938 года, “Моя жизнь” 1938 года Джамбул пишет о Кенесары, как о разбойнике, волке, душителе, враге казахского народа [слова “разбойник”, “волк”, “душитель” в оригинале вычеркнуты, но добавлено “враг”. — В. О.] Стихи Джамбула пригвоздили к позорному столбу Кенесары — они не были основаны на архивных данных и исследовании письменных источников — они целиком основаны на исторической памяти казахского народа.

...

В свое время еще Мухаметжаном Сералиным была написана поэма «Жаурторы» (“Гнедая кляча”), в которой говорится, что вокруг Кенесары собирались конокрады, разбойники и работорговцы, презираемые народом»³¹.

Редколлегия «Правды», прежде чем публиковать свой материал, сочла нужным сначала ознакомить с ним первого секретаря ЦК КП, особая позиция которого ей была известна. В. Озеров просил Жумабая Шаяхметова после двукратного чтения статьи и ряда документов резюмировать состоявшийся между ними разговор и выразить ту позицию, которая будет доложена в Москве.

Дед был реалистом, и его ответ был таким:

«Надо иметь в виду главный вопрос: было ли движение Кенесары Касымова реакционным или прогрессивным? Мы до сих пор считали его прогрессивным. Статья Шарипова выражает мнение ЦК.

Если “Правда” все же сочтет необходимым выступить, если этот вопрос созрел, надо бы подумать об изменении тона статьи, чтобы взять упор на дальнейшее освещение вопроса. Надо отметить проделанную нами работу, ведь ЦК статьей Шарипова и другими документами работал в правильном направлении.

В ответ на вопрос об авторах: лучше бы давать не за подписями тех людей, которые неправильно поймут свою роль в этом деле и подумают, что восторжествовали над ЦК. Лучше дать за псевдонимом, звучащим как русская фамилия. А то будут искать в Казахстане, кто скрылся за казахским псевдонимом, и строить разные догадки»³².

Если бы Жумабай Шаяхметов был послушным лакеем Кремля, каковым его любят изображать его критики, и ему

³¹ РГАСПИ, Ф. 625, Оп. 1, Д. 99, ЛЛ. 569–575.

³² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 342. Л. 89. Подлинник.

были бы безразличны интересы казахского этноса, он взял бы под козырек и не стал бы рисковать своей карьерой, настаивая на том, что вопрос об оценке личности хана — даже после такого «наезда» — требует дальнейшей проработки и что весь тон статьи следует изменить.

Весьма примечательно и показательно то, что десятилетия спустя В. Озеров, ставший впоследствии маститым литературным критиком на страже соцреализма и в течение почти 20 лет руководивший влиятельным журналом «Вопросы литературы», сетовал на склоне лет, что, работая в отделе критики и библиографии «Правды», он, оказывается, «испытал всю силу давления по предписаниям сверху»³³.

---

³³ URL: http://old.lgz.ru/archives/html_arch/lg122002/Polosy/art7_3.htm (дата обращения: 24.04.2021).

VIII. Извечный земельный вопрос

В своей критической статье Харун Йылмаз обещал развенчать в другой работе довод в пользу реабилитации Жумабая Шаяхметова на основании его якобы патриотической позиции против масштабов хрущевской кампании освоения целины, которая стоила деду карьеры. Мне его труд на эту тему, если он его уже издал, в руки пока не попадал. Надеюсь, что в своем анализе профессор сможет выйти «за флажки» политической конъюнктуры и продемонстрировать интеллектуальную добросовестность.

Впрочем, не все западные аналитики демонстрируют явную предвзятость в своем описании событий, происходивших в СССР.

Весьма точная и объективная, на мой взгляд, оценка причин и обстоятельств организованного Хрущевым отстранения от власти Жумабая Шаяхметова дана в книге Джона Дорнберга «Личины власти», которая вышла в США еще в 1974 году.

Я наткнулся на нее еще в 1975 году в библиотеке университета штата Нью-Йорк в Олбани. Это был первый печатный источник, в котором хоть что-то можно было прочитать о деду и о том, что с ним произошло. В СССР в ту пору не было ни одной книги или учебника, где упоминалась бы его фамилия.

Страницы из книги Дорнберга, посвященные первому секретарю ЦК КПК, я законспектировал тогда тайком от других членов нашей группы, потому что ознакомление с такого рода «антисоветской» литературой могло сделать в те времена че-

ловека «невыездным». Абсурд, но так было — слов из песни не выкинуть. Годы спустя я смог выписать ее через Amazon.

Речь идет о второй опубликованной на Западе биографии Леонида Брежнева, которую принято считать относительно полной. Надо иметь в виду, что Дорнберг — не профессиональный историк, а бывший корреспондент влиятельнейшего американского журнала «Ньюсуик», который специализировался на советской/российской тематике. Тогда этот журнал читали серьезные люди, сегодня же он стал своей бледной тенью. При подготовке книги Дорнберг опирался на доступные ему архивные материалы и даже встречался с одноклассниками советского Генсека.

Считаю нужным привести весь текст, касающийся Жумабая Шаяхметова, поскольку он позволяет судить о том, как воспринимались известные события, происходившие в середине 1950-х годов в Казахстане, западными исследователями и какую трактовку — и с какой интонацией — они тогда получили:

«...

В центре внимания оказался Казахстан, вторая по величине из пятнадцати советских республик, на долю которого приходилась половина площади новых земель. С того момента как Хрущев впервые выдвинул свою идею на сентябрьском [1953 года] пленуме ЦК, началась конфронтация с руководителями Компартии Казахстана, в частности с первым секретарем ЦК Жумабаем Шаяхметовым.

В принципе те были согласны с расширением площади пахотных земель, но резко возражали против масштабов предложенной Хрущевым программы, указывая на то, что в ее рамках намечается сделать слишком много и за слишком короткий срок. Они также отдавали себе отчет в том, что реализация хрущевского плана приведет к массовому наплыву славянских переселенцев, разрушит традиционный уклад казахов, основанный на кочевом

животноводстве, а самих казахов превратит — в их же собственной республике — в импотентное меньшинство. С середины сентября и по конец 1953 года, пока Хрущев спорил с Шаяхметовым и старался подорвать его авторитет, напрямую апеллируя к партийным руководителям тех областей, которые образуют потом Целинный край, он подыскивал человека, готового взяться за эту работу. Ему нужен был лично преданный ему партийный аппаратчик, зарекомендовавший себя на руководящих должностях, имевший опыт работы в сфере мелиорации и сельского хозяйства, знакомый с современной техникой, способный ладить с неславянским коренным населением и достаточно энергичный и молодой, чтобы справиться с тем, что наверняка стало было весьма непростым заданием. Среди политических союзников и протекже Хрущева, которых он возвращал на ответственные посты после состоявшегося в сентябре 1953 года пленума ЦК, никто не отвечал этим требованиям лучше, чем Леонид Брежнев. Была, впрочем, одна помеха. К тому моменту, когда Хрущев сделал свой выбор, на рубеже 1953–1954 годов, его собственные позиции не были еще достаточно сильными, чтобы официально сделать главным в республике Брежнева. Формально высший пост достался Пантелеймону К. Пономаренко, сподвижнику Маленкова. Бывший организатор партизанского движения Пономаренко был до войны партийным руководителем Белоруссии, а в 1944–1948 годах — главой правительства этой республики. Когда умер Жданов, Маленков организовал перевод Пономаренко в Москву на место одного из пяти секретарей ЦК. На XIX съезде партии он также был избран членом расширенного Президиума ЦК. После смерти Сталина его статус понизили до кандидата в члены Президиума и освободили от должности

в Секретариате, чтобы назначить министром культуры СССР. Этот пост он и занимал накануне своего назначения в Казахстан.

У Маленкова, по всей видимости, было две причины настаивать на назначении Пономаренко. Во-первых, оно давало ему возможность контролировать то, что делают Хрущев с Брежневым на целине. Во-вторых, если этот проект оказался бы успешным, он мог бы поставить успех себе в заслугу благодаря привлечению к работе Пономаренко. В случае неудачи было бы нетрудно все свалить на Хрущева и Брежнева.

Пономаренко, который был на четыре года старше Брежнева, должен был стать первым секретарем, а Брежнев — всего лишь вторым секретарем ЦК Компартии Казахстана. В действительности же в программе Хрущева движущей силой был Брежнев, которому уже через пятнадцать месяцев перейдет официальный титул руководителя Казахстана после “отставки” Маленкова с поста председателя Совета Министров и внезапно-го перевода Пономаренко в Варшаву в качестве посла СССР в Польше.

Однако, прежде чем Брежнев или Пономаренко могли приступить к исполнению своих новых обязанностей в Алма-Ате, нужно было решить вопрос с законно избранным, но проводившим обструкционистскую линию, руководством Компартии Казахстана. Для этого понадобилось провести — без всяких сантиментов — политическую хирургическую операцию.

30 января 1954 года Шаяхметов и члены бюро ЦК Компартии Казахстана были вызваны в Москву на встречу с Хрущевым, Брежневым, Пономаренко и членами Секретариата ЦК. На ней их подвергли резкой критике за их поведение, и тогда же и там же Шаяхметов и второй секретарь Иван Афионов со своих постов были

сняты. Неделью спустя Брежнев и Пономаренко прибыли в Алма-Ату, чтобы на пленуме ЦК Компартии Казахстана скрепить печатью легитимности решение, принятое в Москве. Пленум завершился “избранием” Пономаренко и Брежнева.

Но чистка на этом отнюдь не закончилась. Она продолжилась десять дней спустя на поспешно созванном VII съезде Компартии Казахстана, где Шаяхметову были предъявлены обвинения в “поверхностности”, “прямом нарушении партийных принципов” путем подбора кадров “по признакам семейственности и приятельских отношений...” и “канцелярских, бюрократических методах руководства”.

Шаяхметов был отправлен в “ссылку” в Чимкент первым секретарем Южно-Казахстанского обкома партии. Но даже там, в этом политическом захолустье, ему предстояло заново пережить позор. В июне 1955 года туда прибыл Брежнев, чтобы лично проследить за устранением Шаяхметова от должности областного руководителя, которое окончательно поставило крест на его политической карьере.

Убрав с пути Шаяхметова и подвергнув унижению остальных руководителей Компартии Казахстана, Брежнев и Пономаренко были готовы взяться теперь за главное дело³⁴.

В своих мемуарах Н. С. Хрущев, анализируя позицию руководства Республики в отношении планов освоения целинных земель, пишет:

«Тогда я поговорил с секретарем Центрального Комитета компартии Казахстана Шаяхметовым. В ЦК он пришел из органов внутренних дел. Сам казах, он, безусловно, знал свой родной край. Я попытывался: какое

---

³⁴ John Dornberg, *Brezhnev: The Masks of Power* (Publisher: Basic Books); 1st edition, May 1974, pp. 132–134.

количество земель находится в распахке? Какие площади пригодны под распахку, но не распахиваются? Какие там снимают урожаи? Каковы перспективные возможности земель, которые могут быть распаханы? Из беседы с ним я понял, что он говорил неискренне, занижал возможности и доказывал, что земель, пригодных к распахке, там очень мало или даже совсем нет: все уже распахано, перспективы отсутствуют. Какие-то площади распахать можно, но не столько, сколько стране нужно. Не помню, на какой цифре он остановился: что-то в пределах трех миллионов гектаров. Конечно, это была большая площадь, но не та, которая нам требовалась.

...

Я больше полагался на мнение секретарей обкомов и критически отнесся к его мнению. Не потому, что знал, что Шаяхметов по существу не прав. Нам позарез требовалось расширить пахотные земли, и я искал к тому возможности. А секретари обкомов именно эту возможность мне подсказали.

...

...Шаяхметов продолжал отстаивать меньшую цифру. Я потом проанализировал его позицию и понял, что он знал о всех возможностях Казахстана. Почему же секретари обкомов заняли другую позицию? У меня сложилось впечатление, что здесь имели место политические, точнее, националистические мотивы. Шаяхметов понимал, что если увеличить площади под зерно, то обработать их казахи сами не смогут. В Казахстане жило много людей других национальностей, главным образом украинцев и русских. Он понимал и никто этого и не скрывал, что придется звать на помощь добровольцев, желающих поехать на освоение целинных земель. Мы-то были уверены, что их найдется нужное количество, а он этого вовсе не хотел, ибо тогда еще

сильнее снизится удельный вес коренного населения в Казахстане. Секретари же обкомов, как коммунисты, смотрели на этот вопрос с более правильных позиций, не отрывая интересов казахского народа от интересов всех советских людей.

Когда началось освоение целины, пришлось Шаяхметова заменить»³⁵.

В 2010 году сын Хрущева Сергей издал целую трилогию о своем отце. В томе, касающемся действий Москвы в Казахстане, есть страницы, читать которые спокойно просто невозможно:

«...Казахстан тогда тифозной сыпью испестрили лагеря, между ними, там, где энкавэдэшники еще не успели нагородить колючую проволоку, местные пастухи-казахи гоняли по степи отары овец. И вот теперь видевший все и всех Шаяхметов, сидел в кабинете отца на Старой площади и размышлял, как ему себя вести. Распахивать пастбища ему совсем не хотелось, на них паслись овечьи отары его предков, переселившиеся в Казахские степи с Алтайских гор еще в VIII веке. Он понимал, что сами казахи этим заниматься не станут — не умеют и не любят они копать в земле. На их земли придут русские, украинцы и кого там еще решат в Кремле переселить в его Казахстан. Вековым кочевьям казахов наступит конец, а вместе с тем наступит конец и его власти, власти Жумабая Шаяхметова. Его кресло займет умеющий возделывать пшеницу русский или украинец. Сидя напротив Хрущева, Шаяхметов привычно хитрил, прикидывал, как бы изловчиться провести Хрущева и при этом не оступиться самому»³⁶.

---

³⁵ Хрущев Н.С., *Время. Люди. Власть.* (Воспоминания в 4-х кн.). М.: Информационно-издательская компания «Московские новости», 1999, книга 4. — С. 73–75.

³⁶ Хрущев С.Н. *Никита Хрущев: Реформатор.* — М: Время, 2010, — 1080 с. (Трилогия об отце). — С. 152.

По этому короткому абзацу видно, насколько пренебрежительно-патерналистски центр — в данном конкретном случае в лице Хрущева и его единомышленников — относился к национальным окраинам, за что ему впоследствии пришлось заплатить их утратой.

Эти несколько предложений во многом дают ответ и на вопрос о том, почему есть немало казахов, которые не хотят больше связывать свое будущее с Россией, особенно в ситуации, когда истинный вектор ее целеполагания, несмотря на всю государственническую риторику, для многих остается загадкой.

Отец Сергея Хрущева, хотя и прослыл реформатором и архитектором «оттепели», в свое время сам принимал непосредственное участие в проведении политики, в результате которой на территории республики было создано так много лагерей. Не казахи были инициаторами их появления на своей земле.

А земли эти были «целинными» только в глазах пришлых носителей мировоззрения землепашцев. Для Жумабая Шаяхметова и его соплеменников-степняков они имели сакральное значение, поскольку традиционно были главным источником средств к существованию казахов, весь уклад которых базировался на отгонном животноводстве.

В изложении автора многостраничной трилогии перед Хрущевым в его цеховском кабинете сидел в тот день какой-то хитроватый туземец, пытавшийся «откосить» от важного поручения хозяина. На самом деле, судьба еще раз испытывала Жумабая Шаяхметова на прочность и принципиальность.

Если бы он был карьеристом и думал только о себе, стал бы он так себя вести с новым советским лидером, который уже приступил к процессу замены руководящих кадров по всей стране?

Пытаюсь смотреть на ту ситуацию с высоты сегодняшних знаний и представить себе, о чем мог думать тогда мой дед.

Может быть, он вспоминал страшный для любого казаха 1931 год, когда они с Майнур похоронили своего двухлетнего сына Сеиля? Может быть, действительно, опасался повторения голода из-за сокращения площади пастбищ?

Может быть, вспоминал эпизод на XIX съезде КПСС в октябре 1952 года, когда в президиуме к нему подсел Сталин и стал обсуждать программу более активного развития животноводства в Казахстане?

Ее обсуждение они продолжили несколько дней спустя в кремлевском кабинете Сталина с участием Г. Маленкова, И. Бенедиктова, занимавшего тогда пост министра сельского хозяйства СССР, А. Козлова, заведующего сельскохозяйственным отделом ЦК ВКП(б), ранее занимавшего пост министра животноводства СССР, и Е. Тайбекова, председателя правительства Казахской ССР. Речь шла о создании в республике животноводческой базы всесоюзного значения и о возвращении казахов к своему исконному занятию — животноводству³⁷.

Кто знает, если бы этой программе суждено было осуществиться, то тогда, наверное, во многих странах можно было бы покупать сейчас ту же баранину, произведенную в товарных количествах не только в Австралии и Новой Зеландии, но и в Казахстане? Каре ягненка в упаковке с надписью *Made in Kazakhstan* смотрелось бы вполне органично в любой продуктовой корзине.

Сергей Хрущев доходчиво описывает и то, как преодолевалось сопротивление со стороны первого секретаря ЦК Компартии Казахстана:

«Конечно, секретари прослышали о беседе отца с Шаяхметовым, знали и о его позиции, но решили, видимо, Жумабая “топить”. Они без колебаний называли отца

---

³⁷ Кабульдинов З., Шаяхметов Р. *Жумабай Шаяхметов. Первый национальный секретарь Казахстана*. Вестник архивной службы. Алматы: Хабаршысы. 2019. № 2. — С. 15.

сотни тысяч, даже миллионы гектаров земель, пригодных к распашке в их областях.

Рассчитанные московскими аграриями 6 миллионов гектаров набрались без труда. Одновременно определилась судьба Шаяхметова — с началом распашки целинных земель ему в секретарях ЦК больше не усидеть»³⁸.

Интересный эпизод, характеризующий процесс принятия Хрущевым такого важного решения, описывается в книге известного американского историка Уильяма Таубмана о Никите Хрущеве, за которую он был удостоен в 2003 году Пулицеровской премии.

Автор обращает особое внимание на то, что партийные руководители республики, с которыми консультировался Хрущев, были против предложенной Москвой идеи, поскольку опасались что исконно казахские земли перейдут в руки русских и украинских крестьян. Однако в 1953 году они, как отмечает американский исследователь, еще не смели возражать открыто, поэтому попытались принизить ценность потенциальных полей. «Казахстан — область скотоводческая, а не земледельческая. Не стоит развивать целину», — заявил первый секретарь ЦК КПК³⁹.

Хрущев рассчитывал распахать хотя бы пятьдесят тысяч гектаров и в разговоре со своим помощником Андреем Шевченко ссылался на авторитетное мнение своих родных. Те полагали, что и сто тысяч гектаров являются вполне достижимой целью.

Не скрывая своего удивления по поводу характера взаимоотношений между центром и руководством республики, Таубман делает следующий вывод: «Своим родственникам, проживавшим в Северном Казахстане, Хрущев доверял боль-

³⁸ Хрущев С.Н. *Никита Хрущев: Реформатор*. — М.: Время, 2010, — 1080 с. (Трилогия об отце). — С. 152.

³⁹ Таубман У. *Хрущев* / Пер. с англ. Н.Л. Холмогоровой. — М.: Молодая гвардия, 2005. — 850[14] с.:ил. — (Жизнь замечат. людей: Сер. биограф.; Вып. 959), — С. 290.

ше, чем лидеру казахской компартии, в выступлении которого он усмотрел “вирус национализма”»⁴⁰.

Последующие события показали, что опасения Жумабая Шаяхметова по поводу масштабов и темпов осуществления объективно нужной и полезной госпрограммы не были лишены основания. Если бы не волюнтаризм Хрущева, из-за которого были проигнорированы экономические расчеты и прогнозы, то многих вызванных отсутствием должной предварительной подготовки проблем, связанных, в частности, с неэффективной затратой колоссальных средств, огромными потерями собранного урожая и серьезнейшей ветровой эрозией почв, можно было бы избежать.

Необходимо отметить, что никакого единодушия в отношении предложенного Хрущевым подхода к скорейшему решению зерновой проблемы страны за счет распашки огромных площадей в зоне рискованного земледелия в Северном Казахстане не было ни в Москве, ни среди секретарей обкомов в нечерноземных регионах СССР. Но Хрущев никого слушать не хотел, считая себя крупным специалистом-аграрием.

Кстати, о личных качествах Хрущева предельно откровенно говорил в узком кругу казахских ученых и писателей Пантелеймон Пономаренко:

«Вам придется работать под началом Хрущева. Учтите, это увлекающаяся натура. Многие вопросы он ставит неглубоко, всесторонне не продумывая. Ваши вопросы, предложения, мнения, если таковые расходятся с его мнением, он не пропустит. Более того, это может привести к нежелательным результатам.

Для него неважно мнение других, он идет напролом. Хрущев органически не выносит людей более способных и более знающих, чем он сам. Он начал планомерно избавляться от людей твердых и могущих до конца отстаивать свои взгляды. Многих руководящих работников на местах

---

⁴⁰ Там же.

и в центре, решительно защищающих свои предложения и взгляды, он постепенно убирает с их постов»⁴¹.

В современных наставлениях по лидерству выносятся немало ценных в теории советов — типа «говори боссу не то, что он хочет услышать, а то, что ему надобно знать в интересах общего дела». Другой совет состоит в том, чтобы помнить о мудрых словах Черчилля, который сказал в свое время: «Мужество нужно не только для того, чтобы встать и сказать, но и для того, чтобы сесть и выслушать».

Будучи цельным и принципиальным человеком, дед ценою своей карьеры последовал первому совету, а Хрущев в свойственной ему нахрапистой манере проигнорировал второй. А секретари обкомов соответствующих областей, которые помогли «снести» неудобного Шаяхметова, держали нос по ветру и Хрущеву просто угодливо поддакивали.

Говоря об упомянутом Дорнбергом «главном деле», за которое взялись Пономаренко и Брежнев после устранения Шаяхметова, следует, наконец, затронуть еще одну важную тему.

Я разделяю мнение некоторых исследователей, считающих, что у амбициозной программы освоения целины было «двойное дно», о котором до сих пор мало что известно, но которое может скрывать истинные мотивы принимавшихся тогда решений.

Вместе с тем в открытом доступе можно найти сведения о том, что практически одновременно с проработкой этой программы в СССР в обстановке строжайшей секретности работала комиссия по выбору места под строительство стартовых столов для пуска баллистических ракет, которые станут будущим космодромом. Решение этой задачи, помимо всего прочего, осложнялось наличием целого ряда технических требований со стороны разработчиков, связанных с обязательным развертыванием на необходимом удалении друг от друга не

---

⁴¹ Огрызко В. В. *Министры советской культуры*. — М.: Литературная Россия, 2019. — С. 43.

менее трех пунктов радиоуправления и отчуждением больших территорий в районах возможного падения разгонных блоков.

Вследствие этого выбор свелся лишь к четырем вариантам: космодром можно было строить в Марийской АССР, в Дагестанской АССР, восточнее города Харабали в Астраханской области и в полупустыне Торетам в Кызыл-Ординской области в Казахстане⁴².

В итоге был выбран четвертый вариант, оформленный закрытым совместным постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 12 февраля 1955 года о создании 5-го научно-исследовательского испытательного полигона (НИИП-5) (в/ч 11284) — объекта «Тайга», Байконур⁴³.

Опубликовано немало материалов, указывающих на то, что освоение целины выполняло дополнительную (возможно, и главную) функцию — «операции прикрытия», когда нужно было до определенного времени скрывать от американских самолетов-разведчиков истинные причины резкой активизации логистической деятельности на территории Казахстана.

В свете этого становится ясным, что среди перечисленных Дорнбергом критериев, по которым было принято решение направить в Казахстан именно Брежнева, был еще один, но о нем американский исследователь тогда не мог и догадываться. Эта версия косвенно подтверждается тем, что спустя два года Брежнев стал в ЦК куратором космической программы.

В своих воспоминаниях сам Брежнев так описывал проблему выбора места расположения сверхсекретного объекта, которая стояла тогда перед центром:

«Специалисты хорошо понимали: быстрее, проще, дешевле было бы обосноваться на Чёрных землях. Здесь и железная дорога, и шоссе, и вода, и электроэнергия, весь район обжитой, да и климат не такой суровый, как

⁴² URL: <http://www.famhist.ru/famhist/chertok/006b1b99.htm> (дата обращения: 25.04.2021).

⁴³ URL: https://rvsn.info/test_range/niip_005.html (дата обращения: 25.04.2021).

в Казахстане. Так что у кавказского варианта было немало сторонников. Много пришлось мне в то время изучить документов, проектов, справок, обсудить всё это с учёными, хозяйственниками, инженерами, специалистами, которым в будущем предстояло запускать ракетную технику в космос. Постепенно обоснованное решение складывалось и у меня самого. Центральный Комитет партии выступил за первый вариант — казахстанский.

...

Жизнь подтвердила целесообразность и правильность такого решения: земли Северного Кавказа сохранены для сельского хозяйства, а Байконур преобразил ещё один район страны. Ракетный полигон требовалось ввести в строй быстро, сроки были жёсткие, а масштабы работ — огромные»⁴⁴.

Уже находясь на пенсии, Жумабай Шаяхметов как-то рассказал своему среднему сыну Ноэлю, что пытался убедить соответствующие инстанции в нецелесообразности строительства НИИП-5 в Кызыл-Ординской области и ложного полигона в Карагандинской области, поскольку у Казахстана и без того уже были отчуждены огромные территории под ядерный полигон и иные нужды.

Для меня всегда было загадкой: почему у такого харизматичного, обаятельного и незабываемого человека, каковым, как правило, предстает Брежнев в воспоминаниях тех, кто с ним работал, не сложились отношения с хладнокровным и выдержанным Жумабаем Шаяхметовым? Не потому ли, что Брежнев видел в человеке, попытавшемся отстоять исконные казахские земли, некое препятствие на пути реализации не только целинной, но и весьма амбициозной военно-космической программы руководства СССР? Не этим ли объ-

---

⁴⁴ Л. И. Брежнев. *Космический Октябрь. Главы из книги «Воспоминания»* // Дуэль. — 2006. — № 51.

ясняется последующая политика его дискредитации в глазах казахского народа?

Примечательную историю в этой связи рассказал один из помощников Кунаева Владислав Владимиров. 21 октября 1966 года в результате мощного направленного взрыва в урочище Медео два с половиной миллиона кубометров скальных пород за несколько секунд образовали основу селезащитной плотины, которая служит для Алматы заслоном. В память о Жумабае Шаяхметове, скончавшемся за четыре дня до этого, «Кунаев предложил назвать плотину Шаяхметовской. “Не надо ворошить прошлое”, — ласково посоветовал ему Брежнев, отменно знавший подоплеку Целинной программы»⁴⁵.

В свете этого становится понятна и позиция самого Кунаева в отношении Жумабая Шаяхметова, о которой вспоминает Василий Ливенцов, десять лет возглавлявший партийную организацию Чимкентской области (1962–1972 годы), а затем тринадцать лет проработавший на посту первого секретаря Актюбинского обкома (1972–1985 годы):

«Уже позже, когда я работал первым секретарем в Чимкенте, в Келесском районе, примыкающем к территории Узбекистана, на новых землях мы создали новый виноградарский совхоз и присвоили ему имя Шаяхметова. Чтобы узаконить это название, требовалось согласие ЦК. Мне пришлось обратиться лично к Д. А. Кунаеву. Он ответил: “Подумаем”. Прошло некоторое время, но ответа мы не получили. Пришлось снова обратиться к Динмухамеду Ахмедовичу. И опять услышали: “Мы пока думаем”. Нам стало ясно, что положительного ответа не будет. Тогда обком и облисполком приняли решение назвать хозяйство “Жузындык” — “Виноградарь”. Оно называется так и поныне. Думаю, что ЦК напрасно по-

---

⁴⁵ Владислав Владимиров. *Что говорил Жумабай Шаяхметов Сталину?* № 11 (66), 17 марта 2006 года. www.camonitor.com

скромничал, не дав согласия присвоить новому совхозу имя Шаяхметова»⁴⁶.

В связи с этой темой следует отметить, что в Британской энциклопедии издания 1967 года в статье, касавшейся Казахской Советской Социалистической Республики, было сказано:

«Во время Второй мировой войны первым секретарем Компартии Казахстана был назначен казах Жумабай Шаяхметов. В 1954 году его заменили русским П. К. Пономаренко из-за его негативного отношения к начатой в том же году кампании по освоению целинных земель. Эта кампания, сопряженная с дальнейшим значительным притоком на территорию Казахстана русских и украинцев, стала значительным событием в казахской истории»⁴⁷.

Примечательно, что от неточностей не застраховано было даже такое авторитетнейшее в мире издание: назначение Шаяхметова на высокий пост состоялось уже после войны, а Пономаренко был белорусом с украинской фамилией⁴⁸.

---

⁴⁶ Ливенцов В. А. *Моё время*. Актобе. ОАО «Полиграфия». 1999. — С. 95.

⁴⁷ 1967 by Encyclopedia Britannica, Inc. Printed in the U.S.A. Library of Congress Catalog Card Number: 67—1—168, p. 260.

⁴⁸ Хрущев С.Н. *Никита Хрущев: Реформатор*. — М: Время, 2010, 1080 с. (Трилогия об отце). — С. 153.

IX. Кремлевские технологии «смены режимов»

В своей книге Сергей Хрущев так описывает отстранение от должности несговорчивого первого секретаря ЦК КПК:

«Проблема Шаяхметова разрешилась сравнительно легко, из первых секретарей ЦК Компартии Казахстана его в феврале 1954 года убрали, перевели секретарем Южно-Казахстанского обкома партии. Воспитанный в нравах сталинских чисток 1930-х годов, он ожидал расправы, не сомневался — новое назначение только ширма, за ним неумолимо последует арест. Так происходило на его памяти всегда.

Ареста не последовало, Шаяхметов, насколько я знаю, первым в послесталинские времена не заплатил своей жизнью за свои убеждения, за противопоставление своего мнения мнению Москвы. Его не объявили националистом, не приклеили еще какой-то привычный в те времена политический ярлык. Отец отзывался о нем критически, но ни в чем не обвинил, сказал, что “товарищ Шаяхметов честный человек, но для такой большой республики, как Казахстан, слаб”»⁴⁹.

Не может не возникнуть логичный вопрос: почему при деспотически требовательном Сталине Шаяхметов слыл эффективным руководителем, а при волюнтаристе Хрущеве вдруг оказался не на уровне предъявляемых требований?

---

⁴⁹ Там же. — С. 152–153.

Профессор Талгат Абдразаков, занимавший в 1953–1954 годах пост первого секретаря ЦК ЛКСМ Казахстана, вспоминал, что 13 июля 1956 года газета «Правда» опубликовала снимок с сессии Верховного Совета СССР с Жумабаем Шаяхметовым на переднем плане. По его мнению, «фотоснимок был своеобразным ответом Западу, откуда раздавались голоса о том, что исчезли бывшие руководители Казахстана. Они либо расстреляны, либо сосланы в Сибирь»⁵⁰.

Сегодня найдется немало людей, которые к этим словам отнесутся скептически и усомнятся в том, что на Западе кого-то могла интересовать тогда судьба советских деятелей уровня союзных республик.

Вместе с тем существует много свидетельств того, что как раз в те годы события на наших просторах мониторились весьма внимательно. В свое время в поле моего зрения попала статья со следующим заголовком «Сообщение о переменах в Казахстане: Шаяхметов, бывший партийный босс республики, лишается еще одного поста»⁵¹. Под такой шапкой в номере «Нью-Йорк таймс» от 27 июня 1955 года, т. е. на следующий день после заседания Южно-Казахстанского обкома партии, был опубликован материал об уходе с политической сцены крупного политика.

Следует напомнить, что 26 мая 1956 года, т. е. менее чем за два месяца до опубликования того снимка, был расстрелян Мир Джафар Багиров, который более 20 лет проработал в должности первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана. Был расстрелян не при Сталине, а уже при Хрущеве.

В этой связи заслуживает внимания трактовка связанных с тем периодом фактов, которая дана исследователем Федором

---

⁵⁰ Талгат Абдразаков. *Оставил яркий след (К 100-летию со дня рождения Ж. Шаяхметова)*. «Правда Казахстана» № 32, 25 сентября – 1 октября 2002 года.

⁵¹ *Kazakh Shift Reported; Shayakhmetov, Ex-State Party Chief, Loses Another Post*. Special to New York Times, June 27, 1955. URL: <https://www.nytimes.com/1955/06/27/archives/kazakh-shift-reported-shayakhmetov-exstate-party-chief-loses.html> (дата обращения 07.05.21).

Раззаковым. В своей книге о проведенной Кремлем операции по дискредитации и устранению лидера Узбекистана Шарафа Рашидова он так описывает известные события 1953 года:

«26 июня 1953 года Хрущев и его сторонники в Президиуме, заручившись поддержкой военных (Г. Жукова и других), арестовали Берию прямо во время заседания в Кремле и спустя полгода (23 декабря) расстреляли (Багирова арестуют тогда же, однако расстреляют спустя три года). С этого момента центр силы в Президиуме переместился к Хрущеву. И он, вооружившись “метлой”, принялся наводить порядок в республиках, прекрасно понимая, что со сталинскими кадрами ему долго в кресле “первого” не усидеть — сбросят.

В южном регионе Хрущев первым делом избавился от хозяина Казахстана, любимчика Сталина Жумабая Шаяхметова, который фактически руководил республикой 15 лет (с 1939 по 1946 годы, когда был 2-м секретарем, и с 1946 по 1954 год, когда был 1-м секретарем). В феврале 1954 года Шаяхметова отправили в отставку, обвинив в сопротивлении освоению целинных земель, которые затеяла Москва. После этого к руководству Казахстаном пришли “варяги”.

...

Там с 1954 года ... в течение шести последующих лет к власти ставились исключительно славяне (русские или украинцы), поскольку казахам Хрущев не доверял (считал их националистами). В 1954–1955 годах Казахстаном правил П. Пономаренко, в 1955–1956 — Леонид Брежнев, в 1956–1960 — И. Беляев»⁵².

При снятии Жумабая Шаяхметова с поста была применена политтехнология, которая не раз потом пускалась в ход. Сюзанна Шаттенберг, профессор Бременского университета

---

⁵² Раззаков Ф.И. *Коррупция в Кремле: дело «красного узбека»*. Эксмо, Алгоритм, 2009. — С. 58–59, 61.

и автор политической биографии Брежнева, рассказывая об обстоятельствах смены караула в Алма-Ате, ссылается на Пономаренко, со слов которого Хрущев не был до конца уверен в том, что казахи выберут Пономаренко и Брежнева, так как они, в отличие от своих предшественников, происходили не из Казахстана. Шаттенберг пишет:

«Чтобы убедить членов ЦК, что отсутствие у него и Брежнева кровной связи с Казахстаном — это преимущество, Пономаренко пообещал им покончить со старой практикой, согласно которой уроженцы Западного Казахстана сотрудничали только с выходцами отсюда же, а происходившие из Восточного Казахстана назначали только своих земляков»⁵³.

Участники пленума, уже смекнувшие, в какую сторону дует ветер, за своего руководителя предпочли не заступаться и встретили слова Пономаренко бурными аплодисментами. Впрочем, к чести Пантелеймона Кондратьевича он потом во всем разобрался и понял, что был неправ. Нашел в себе мужество в этом признаться в ходе встречи с Жумабаем Шаяхметовым в 1956 году:

«Встреча П. Пономаренко с Ж. Шаяхметовым состоялась на сессии Верховного Совета СССР. Ж. Шаяхметов, будучи в Москве, лечился в институте нейрохирургии им. академика Бурденко по случаю опухоли в области головы. Инициатором встречи был Пономаренко, который к тому времени работал уже послом в Польше. После взаимных приветствий он сказал Шаяхметову, что был несправедлив по отношению к нему, что его ввели в заблуждение председатель республиканского комитета госбезопасности и заведующий отделом ЦК КПК Новиков»⁵⁴.

⁵³ Шаттенберг С. *Леонид Брежнев. Величие и трагедия человека и страны* / [пер. с нем. В.А. Брун-Цеховского]. — М.: Политическая энциклопедия, 2018. — С. 193.

⁵⁴ Абдразаков Талгат. *Что мы знаем о руководителях Казахстана донеперестроечного периода*. Правда Казахстана № 16 (40), 28 мая — 3 июня 2002 года.

Своеобразная картина складывается после ознакомления с текстами выступлений на VII съезде КПК, где уже отстраненного от должности Жумабая Шаяхметова новые руководители Казахстана вынудили выступить с отчетным докладом и критиковать самого себя. Обращаясь к участникам конференции по случаю его 100-летия, директор Архива Президента РК Л. Д. Дегитаева сказала, что в своем выступлении на съезде «Жумабай Шаяхметович в соответствии с правилами игры признает действительные и мнимые ошибки» и что его способность не уходить от неудобных тем «как нельзя лучше характеризует этого мужественного и очень смелого человека своего времени»⁵⁵.

Но даже этого унижения товарищам из Москвы было мало.

Главный удар по деду на съезде был нанесен уже упоминавшимся выше «смотрящим» от Суслова И. П. Храмковым, новоиспеченным секретарем Кустанайского обкома партии. Он пересел на этот пост с должности заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК КПК, на которой сыграл роковую роль в сборе «компромата» на Бекмаханова и других представителей национальной интеллигенции и организации их травли.

О том, на кого и как «опирался» в своей работе Храмков, говорится в книге «Ильяс Омаров. Жизнь и философия»:

«В записной книжке Ильяса Омарова есть запись: “Мне сегодня один друг передал тайные переживания одного иезуита, называющего себя казахским интеллигентом. Он поведал о том, что, если за день не напишет хоть одно анонимное заявление на кого-нибудь, не может уснуть. Какая страшная привычка профессионального клеветника. Как беспредельна человеческая низость! К сожалению, мы плохо боремся с ними. Как это досадно!”

Ильяс Омаров, по собственному признанию, лишь раз в жизни посчитал необходимым изолировать человека

---

⁵⁵ Касым Мухаметкалиев. Эр жылдар толғамы — Размышления разных лет. — Алматы: «GAUHAR», 2005. — С. 142.

от общества. Со словами: “Вся Академия наук будет спать спокойно!” и просьбой наказать этого человека он пришел к Шаяхметову. Он убеждал первого секретаря, что именно чувство безнаказанности порождает наглость у подобных иезуиту-“интеллигенту”, потому следует ждать волны “подметных писем”. На Омарова глянули грустные усталые разочарованные глаза. Пожав плечами, Шаяхметов флегматично сказал: “Поздно, Ильяс, поздно. Этот человек угождает кое-кому в Москве. И уже угодил. Если мы его тронем, нам самим не сносить голов. Мне три года назад предлагал наказать его Ахметжан Койшигулов. Но я как-то не очень прислушался. И тогда с ним трудно было справиться. А теперь ничего не сделаешь”. Ильясу показалось, что Шаяхметову нездоровится. Он поспешил забрать документы и покинул кабинет первого секретаря. К тому времени Шаяхметов уже страдал от приступов головной боли»⁵⁶.

В своем выступлении на съезде Храмов заявил, что «...тов. Шаяхметов никогда не осознавал критику по своему адресу, не делал из нее должных выводов. Возьмите его доклад на настоящем съезде. В нем нет даже попытки дать анализ причин, породивших ошибки, а ведь это главное. Этого главного мы не слышали от тов. Шаяхметова»⁵⁷.

Но главные претензии, которые ему поручили озвучить, сводились к следующему:

«В 1951 году ЦК КПСС оказал помощь в исправлении грубейших ошибок в идеологической работе, выразившихся в буржуазно-националистической оценке реакционных движений, имевших место в Казахстане в период добровольного присоединения казахского народа к России. Эти ошибки долгое время не разоблачались

---

⁵⁶ Сулейманов М. Х., Сулейманова Ж., Голубев А. *Ильяс Омаров: Жизнь и философия* – Алматы: Далель-принт, 2002. – С. 135.

⁵⁷ Газета «Казахстанская правда» от 18 февраля 1954 года.

и не исправлялись по вине бюро ЦК КП Казахстана и в частности тов. Шаяхметова. Националистические проповеди нанесли немалый вред делу коммунистического воспитания трудящихся республики.

В настоящий момент одна из главных, основных ошибок в работе бюро ЦК Компартии республики, о которых говорится в постановлении IX пленума ЦК КП Казахстана, заключается в неправильном подборе и расстановке кадров, в пренебрежении партийными принципами при решении этих вопросов. Тов. Шаяхметов не проявлял строгой партийной требовательности к руководящим кадрам республики, допускал вредный либерализм к ошибкам руководящих кадров, и, переставляя провалившихся работников с одного ответственного поста на другой, уводил их от критики.

Чем же объяснить неправильную позицию тов. Шаяхметова в деле исправления идеологических ошибок, отход от партийного принципа при решении вопроса о кадрах? Мне кажется, основной причиной, которая привела тов. Шаяхметова к таким крупным ошибкам, является его недостаточная теоретическая подготовка, слабое знание теории марксизма-ленинизма, без овладения которой невозможно руководить, тем более республиканской парторганизацией⁵⁸.

Посланцам из Москвы «подыграли» все выступившие на съезде местные партийные и советские деятели. Даже Жумабек Ташенев, который, как утверждается, был единственным, кто на состоявшемся накануне IX пленуме ЦК КПК выступил в защиту Жумабая Шаяхметова⁵⁹, на съезде был вынужден по заранее обговоренному сценарию ритуально критиковать бывшего шефа. Об «обстановке благодушия и самоуспокоенности,

---

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Асан Ата К. *Шанжырда өткен жолбарыс. Сказ о закованном тигре*. Алматы: «Уш Қиян», 2004. — С. 327.

царившей в бюро ЦК КП Казахстана», и о том, что Жумабай Шаяхметов и другие секретари ЦК «не создавали должного напряжения в работе бюро, не способствовали развертыванию критики, по существу нарушили коллегиальность в работе, не считались зачастую с мнением членов бюро» говорил и министр сельского хозяйства Казахстана Фазыл Карибжанов, один из немногих земляков деда, которого профессиональный доносчик Шоинбаев причислял к его родственникам.

Я об этом вспоминаю не с осуждением, а для того, чтобы показать: система никому не позволяла выходить из общего строя.

Беру в руки другой материал, где встречаются такие формулировки: «он уводил от ответственности своих приближенных, допускавших злоупотребления, оказывал им тем самым медвежью услугу», «продолжительное время допускались крупные извращения кадровой политики, процветал местный вождизм и коррупция, протекционизм, двуличность и обывательский национализм, идейно-ущербные религиозные проявления, разделение людей по родословным признакам», «руководящему ядру ЦК, его бюро, нам, первым секретарям, не хватало мужества прямо заявить о допускаемых ошибках, развернуть в республике борьбу за перевод программных установок партии в русло практических действий», «мы видели, что машина руководства идет не туда уже не один год, не одну пятилетку, но, к сожалению, обстановка и другие дела не позволили нам найти мужество и прямо сказать об этом»⁶⁰.

Эти слова сказаны уже не про Шаяхметова, а про Кунаева 33 года спустя на VIII пленуме ЦК КП Казахстана 15 марта 1987 года. Горбачев и его команда в самый разгар перестройки сочли возможным прибегнуть в Алма-Ате к той же незамысловатой политехнологии, которая, по их мнению, вполне «прокатилась» в 1954 году. Но вышла осечка, которую некоторые

---

⁶⁰ Газета «Казахстанская правда» от 16 марта 1987 года.

аналитики склонны относить к факторам, предопределившим крушение всего «Советского проекта».

Практически беспрецедентным было озвученное ТАСС официальное признание факта имевших место 17 и 18 декабря 1986 года выступлений против назначения в Казахстан (как утверждает некоторыми историками, по рекомендации Шеварднадзе) Г. В. Колбина. Главное информационное агентство СССР сообщило об акциях протеста «группы учащейся молодежи, подстрекаемой националистическими элементами», чем не преминули воспользоваться «хулиганствующие, паразитические и другие антиобщественные лица, допустившие противоправные действия в отношении представителей правопорядка... оскорбительные действия против граждан города»⁶¹.

На это тут же обратила внимание газета «Нью-Йорк таймс», в которой появилась статья под названием «Горбачев смещает друга Брежнева», где автор предпринимает попытку проанализировать возникшую чрезвычайную ситуацию:

«Назначение этнического русского на руководящую должность в республику с нерусским населением, какой является Казахстан, это необычный шаг, однако в случае Казахстана такой прецедент уже имел место, когда в 1955–1956 годах там работал Брежнев.

Обычно первым секретарем в республике является представитель номинально титульной нации, а русский занимает пост второго секретаря»⁶².

Тот же обозреватель чуть позже писал:

«Центральные власти в Москве применяли такой подход многие годы в качестве наиболее оптимального способа, позволявшего считаться с чувствами местного населения, но сохранять при этом контроль над партийными кадрами и организациями.

---

⁶¹ Сообщение из Алма-Аты. Газета «Правда» от 19 декабря 1986 года.

⁶² *Gorbachev Ousts Brezhnev Friend. Kunayev, Kazakhstan Leader, Loses his Regional Job — Replaced by a Russian. By Philip Taubman. Special to The New York Times, December 16, 1986.*

...

Этнические русские преобладают в правительстве страны и контролируют аппарат ЦК. Очаги напряженности в отношениях между русскими и другими национальностями в Советском Союзе, включая казахов, уже давно тлели где-то там под поверхностью и считаются одной из потенциальных долгосрочных проблем для Советского Союза»⁶³.

История, увы, ничему не учит. Бесцеремонность, с которой отстранялись от руководящей работы национальные кадры, вернулась потом в Кремль бумерангом. А самым этим кадрам, даже если они шли на поводу у центра и не решались ему в принципиально важных вопросах перечить, это не помогло. Как и предполагал наш отец, Кунаев во многом повторил судьбу деда.

Интересную оценку вклада Жумабая Шаяхметова в формирование национальной прослойки в директивных органах республики и событий, связанных с ее демонтажом, можно найти в следующем материале:

«Шаяхметов является родоначальником казахской партийно-советской номенклатуры. Именно ему, а не кому-либо другому принадлежит эта заслуга. Казахская коммунистическая номенклатура зародилась при Байтурсынове и Мендешеве в 1920–1926 годах, но она была большей частью истреблена в 1936–1939 годах, остальные — деморализованы. Казахская коммунистическая номенклатура была воссоздана в годы войны, укрепилась и поднялась во весь рост при Шаяхметове в послевоенные годы.

После ухода Шаяхметова кадры, выросшие под его покровительством, поспешили трижды отречься от него,

---

⁶³ *Soviet Reports Rioting in City in Central Asia. Kazakhstan Strife Has Nationalistic Character.* By Philip Taubman. Special to The New York Times, December 19, 1986.

но немногих это спасло. В годы освоения целинных и залежных земель Москва не нуждалась особо в казахских кадрах, более того она игнорировала, отбрасывала и вновь приучала местные кадры.

Нужна была новая генерация кадров, которая бы стала гонителем национальных ценностей и интересов. И эта работа приносила свои плоды. Так, Пономаренко в 1954–1955 гг. отказался от услуг первого и второго эшелона номенклатуры, выдвиженцев Шаяхметова, произошла люстрация казахских управленцев под предлогом близости или сочувствия казахскому национализму. Вместо скомпрометированных в национализме пришли интернационалисты, эта часть элиты была командирована ЦК партии для работы в Казахстане.

...

Отстранение казахских кадров от власти длилось до второго прихода во власть Д. Кунаева.

...

По всей видимости, Пономаренко имел установку Москвы на полный разгром сторонников Шаяхметова и недопущение казахов на высшие управленческие роли в Казахстане.

Уход Шаяхметова объясняется тем, что со смертью Сталина ушла в небытие целая эпоха, должны были уйти и ее кадры. Новое кремлевское руководство в лице Хрущева формировало вместо сталинистов новую генерацию политиков. Поэтому оно столкнуло между собой Пономаренко и Шаяхметова. Шаяхметов предстал как ответственный за все промахи в Казахстане»⁶⁴.

---

⁶⁴ Азимбай Гали. *Классический продукт своей эпохи. Жумабай Шаяхметов — основатель казахской партийно-советской номенклатуры.* «Мегаполис» № 34 (93), 29 августа 2002 года.

Читая про обвинения Жумабая Шаяхметова в национализме, я задаю себе вопрос: был ли он националистом на самом деле? Какое значение вкладывается в это слово?

Судя по отзывам современников, дед был истинным интернационалистом, который при этом горячо любил свой народ и свою землю и болел за них, т. е. был еще и патриотом. В этом я не нахожу какого-то неразрешимого противоречия.

Я думаю также, что он был реалистом, который хорошо понимал: в XX веке в одиночку развиваться невозможно. С кем выстраивать стратегический альянс? С далекой Японией? С близким Китаем, страной с совершенно иным цивилизационным кодом, где гражданская война закончилась только в 1949 году? Или с северным соседом, на сближение с которым пошли предки за три века до этого?

Дед любил не только свою землю, но и свой язык, на котором думал и видел сны. Этот язык был неотъемлемой частью, как сегодня выражаются, его ДНК. Насколько это было тогда возможно, старался его использовать. Выше было показано, что этот фактор сыграл важнейшую роль в годы войны. Вот как оценивает его роль в продвижении родного языка ветеран журналистики Мадат Аккозин:

«Прежний руководитель Советского Казахстана Жумабай Шаяхметов при тогдашнем русском большинстве иногда позволял себе вести бюро ЦК на казахском языке, подчеркивая уважение и внимание к родному языку на практике. Из воспоминаний известного писателя Азильхана Нуршаихова знаем, что беседу на бюро ЦК, когда Нуршаихова утверждали редактором павлодарской областной газеты «Кызыл ту», Шаяхметов вел на казахском языке и потом сам переводил на русский язык. Анатолия Шалова, утверждавшегося на пленуме ЦК комсомола секретарем ЦК, Шаяхметов попросил рассказать на казахском языке автобиографию участникам

пленума. Шалов впоследствии стал секретарем Джамбульского обкома партии, заведующим административным отделом ЦК КПК, а после выхода на пенсию возглавлял Алма-Атинский городской совет ветеранов»⁶⁵.

---

⁶⁵ Мадат Аккозин. *Динмухамед Кунаев. Как был фальсифицирован его образ еще при жизни*. Радио Азаттык. 30 ноября 2009 года. URL: https://rus.azattyq.org/a/dinmukhamed_kunaev_/1875988.html (дата обращения: 06.05.21).

Х. Сын своего — не нашего — времени

Перехожу, наконец, к наиболее болезненной и трудной теме, связанной с работой деда в НКВД и его причастностью к репрессиям и гонениям на интеллигенцию. Она — минное поле, через которое проходит линия наиболее глубокого разлома. Не могу и не хочу ее обходить, потому что без ее анализа политический портрет Жумабая Шаяхметова не может быть полным.

Недавно довелось ознакомиться с книгой Николая Эппле «Неудобное прошлое: память о государственных преступлениях в России и других странах»⁶⁶. В ней запомнились следующие строки:

«При обсуждении семейной памяти о терроре слишком часто приходится слышать о наследовании вины и статуса жертвы. Предполагается, что “дети палачей”, то есть потомки сотрудников НКВД, с необходимостью должны защищать своих родственников, не верить в политические репрессии, считать всех жертв преступниками и чуть ли не на генетическом уровне обладать теми же качествами, что и их “отцы”. А потомки жертв, в силу родства с пострадавшими, якобы получают право в преимущественном порядке требовать от “детей палачей” покаяния. Но попытки разделять общество по кровному признаку на тех, кто должен каяться, и тех, кто имеет право такое покаяние принимать, попросту

---

⁶⁶ Эппле, Н. *Неудобное прошлое: память о государственных преступлениях в России и других странах* / Николай Эппле. — М.: Новое литературное обозрение, 2020. — 576 с.: ил. (Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»).

абсурдны, потому что само по себе такое разделение невозможно»⁶⁷.

Когда я эти слова прочитал, то подумал: что это мне напоминает? Потом вспомнил обошедшие недавно весь мир кадры, на которых сегодняшние темнокожие заставляли первых попавшихся им на глаза белых публично преклонять колена. Некоторым из «пробудившихся» этого было мало, и они требовали целовать им ноги.

Эппле говорит о том, что сознательное выстраивание непроницаемой перегородки между прошлым и настоящим противостоит естественному и что ее слом является необходимым условием для дальнейшей полноценной жизни, свободной от страха, что из семейного шкафа вывалится скелет. Осуждать и каяться совсем не обязательно, обязательно только одно — не молчать⁶⁸.

Я с ним согласен с одним важным дополнением: проговаривание неудобных тем должно происходить без предварительного наклеивания ярлыков и с опорой на установленные факты, а не на основе чьих-то домыслов.

Неслучайно общество продолжает ставить перед историками задачу добросовестного изучения трагических страниц нашей истории с выверенных научных позиций, без популизма и громких лозунгов. Добросовестность в этом деле, в моем понимании, означает следование целому ряду принципов, которые хорошо известны.

Во-первых, нельзя оценивать исторических деятелей с высоты сегодняшних знаний, представлений и ценностей. Во-вторых, в этой оценке нужно опираться на реалии того исторического периода, в котором им пришлось жить и работать. В-третьих, нельзя вырывать те или иные события из общемирового контекста. Наконец, нельзя выборочно подходить к использованию архивных источников и опускать те

---

⁶⁷ Там же. — С. 375.

⁶⁸ Там же. — С. 379.

материалы, которые не работают на доказательство нужного тебе тезиса.

До сих пор влиятельная «Нью-Йорк таймс» опубликовала недавно призыв к французам отменить запланированные на 2021 год мероприятия, посвященные 200-летию со дня смерти Наполеона⁶⁹, на том основании, что с точки зрения сегодняшней морали ему больше не место в публичном пространстве. На что французы справедливо замечают: «...в конце концов, его обвиняют в том, что он был человеком своего, а не нашего времени»⁷⁰.

Кстати, именно об этом я счел необходимым говорить в 2002 году, когда мне была предоставлена возможность выступить на конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Жумабая Шаяхметова.

До сих пор считаю, что нельзя претендовать на объективность и научность исторических оценок, если не пытаться раздвинуть узкие рамки конкретного исторического пространства и времени, если не рассматривать то или иное явление или ту или иную политическую личность в глобальном контексте.

Действительно, когда читаешь критику сталинского периода, возникает такое впечатление, что в остальных странах мира в тот же период царила полная идиллия. Но ведь те политические процессы, которые затронули в начале XX века казахов вместе с другими народами Центральной Азии, бурно протекали и в других странах мира, и под их натиском были свергнуты германский кайзер, австрийский император, турецкий султан, русский царь.

Посчитал нужным сказать тогда о межгосударственных конфликтах и классовых боях, которые бушевали во многих странах, о существовании в биографии практически любого

---

⁶⁹ *Napoleon Isn't a Hero to Celebrate*. By Marlene L. Daut. The New York Times. March 18, 2021.

⁷⁰ *On reproche à Napoléon d'être un homme de son temps*, par Alain Rebertz, Tribune de Genève, Samedi-dimanche 1er–2 mai 2021.

политического лидера фактов, которые бывает трудно примирить с его сформировавшимся имиджем, о наличии в истории любого государства страниц, которые никому не хочется заново перелистывать.

Эти примеры мною были приведены на конференции не для того, чтобы оправдать своего деда, а для того, чтобы легче было понять, что он действовал тогда в жестко заданных координатах своей эпохи, когда командными методами были мобилизованы внутренние ресурсы, когда была максимально укреплена государственная машина со всеми известными нам экссессами. Выстояли ли бы без этого в 1941 году?

При этом в стране развернулась вакханалия всеобщей подозрительности, когда в общественном сознании утвердился «образ врага», когда окончательно сформировалась психология «окруженца» и когда везде мерещились враги, шпионы и диверсанты.

В 2002 году мне уже виделся исторический парадокс в том, что во многом похожая атмосфера начинала царить к тому времени в США, казалось бы, гораздо более просвещенной, продвинутой и благополучной во всех отношениях стране, после того как она впервые столкнулась в 2001 году с реальной внешней угрозой в лице международного терроризма. Счел нужным обратить внимание присутствовавших на то, что ответная реакция американцев во многом была нам знакома: это и укрепление «вертикали власти», и свертывание гражданских прав и свобод, и создание тайных военных трибуналов, и расширение института «стукачей».

Помню, что в тот момент в Большом зале Академии наук некоторые меня не в полной мере понимали или чувствовали себя не совсем комфортно, поскольку говорить мне пришлось о вещах, о которых 20 лет назад так высказываться было не принято.

Сегодня такая риторика вошла в мейнстрим, поскольку ситуация в этом плане стала, по моим субъективным ощущение-

ниям, только хуже. То же слово «концлагерь» сегодня можно слышать на каждом шагу от самых разных людей в самых разных контекстах, будь то обеспечение авиационной безопасности, присвоение каждому индивиду своего QR-кода в рамках тотальной цифровизации или поголовная «добровольно-принудительная» вакцинация.

В исторической науке, насколько я могу судить, доминирует школа мысли, согласно которой многочисленные репрессии в СССР стали неизбежным следствием неверного теоретического заключения о том, что во время ломки полуфеодалных отношений классовая борьба будет находиться на высоком уровне, и ошибочного тезиса Сталина, согласно которому с развитием общества классовая борьба в СССР будет обостряться.

На первый взгляд, такой сталинский вывод, действительно, выглядит непостижимо абсурдным и ничем не обоснованным. Вместе с тем некоторые внимательные наблюдатели предлагают, прежде чем от него отмахнуться, проверить его справедливость на относительно свежем примере перестройки в СССР.

Они указывают на то, что в ее основе лежали весьма серьезные социальные процессы, которые парадоксальным образом были предугаданы в свое время и Троцким, и Сталиным. Троцкий в конце 1930-х годов, по сути, предсказал вероятность буржуазного перерождения СССР, которую допускал и Сталин, выдвинув тезис об обострении классовой борьбы по мере приближения к социализму.

По этой логике в ходе своего развития при советском строе, который представлял собой не более чем системный антикапитализм, партийная номенклатура постепенно превратилась в квазикласс со своими специфическими интересами.

Для того чтобы советская система отстоялась как позитивная, а не просто как отрицание, т. е. для того чтобы она стала посткапитализмом, нужно было решить три задачи: а) резко повысить производительность труда; б) создать энергетиче-

скую базу, более дешевую, чем нефть и газ; и с) защитить все это военным способом.

По утверждению этих аналитиков, все это в середине 1960-х годов у советского общества было. Был предложенный академиком Глушковым проект Общегосударственной автоматизированной системы учёта и обработки информации (ОГАС) — системы автоматизированного управления экономикой СССР, основанной на принципах кибернетики и включавшей в себя вычислительную сеть, которая связывала расположенные во всех регионах страны центры сбора данных. Эта система была дорогостоящей, но позволяла бы экономить до 40 процентов бюджетных средств за счет обеспечения прозрачности и автоматизации документооборота. Была технология холодного термоядерного синтеза Филимоненко, которая могла произвести революцию в энергетике. Она была признана лженаучной, поскольку затрагивала интересы недродобытчиков.

Глушковская система не могла быть запущена по квазиклассовым соображениям, поскольку партноменклатура не могла допустить, чтобы рядом с партократами появился бы класс технократов.

В итоге был выбран более легкий путь — сбыт нефти, тем более цену на нее, чудесным образом, подняли. К концу 1960-х годов в советской номенклатуре появилась небольшая по численности, но весьма влиятельная группа, которая поставила на интеграцию в капиталистическую систему, полагая, что им позволят сделать это на равных и получать с этого дивиденды. Эта группа, к которой примкнули представители силовиков и теневого капитала, не собиралась разваливать СССР. Было намерение всей страной встроиться в западный рынок, тем более что после взлета в 1974–1975 годы мировых цен на нефть в страну стали приходить гигантские суммы в твердой валюте.

Часть выручки через подставных лиц была вложена на Западе (тут, почему-то, не могу не вспомнить упоминавшегося выше Лисоволика), а значительная часть — в теневой бизнес, объем которого, по некоторым оценкам, к тому времени был равен бюджету страны.

Если взглянуть на перестройку с этого необычного для обывателя ракурса, то получается, что она, на самом деле, была не более чем операцией по легализации теневых капиталов.

Я понимаю, что многое из вышесказанного может вызвать возражения, но какое-то рациональное зерно в таких оценках я лично усматриваю. Ведь эти процессы протекали прямо у нас на глазах. И люди помнят, как приватизировалась общегосударственная собственность.

А классовая борьба и ненависть бушуют сегодня с не меньшей силой, чем 100 лет назад. Ее выплески мы наблюдаем не только на ток-шоу в постсоветских странах, где каждый день все громче кричат о «пятых колоннах» и ищут в своих рядах внутренних врагов, но и на улицах многих городов мира, где «желтые жилеты» бьются с жандармами, где последователи анархистов объявляют целые зоны неподконтрольными государственной власти, где горят полицейские участки. И эти картинки, практически ежедневно выводимые на экраны мониторов, никого уже не шокируют.

Нарастают идеологические, межэтнические, межрасовые и межконфессиональные противоречия.

Только ленивый не говорит сегодня о вероятности «Гражданской войны в США 2.0». Недавно более сотни отставных американских адмиралов и генералов, среди которых немало бывших крупных чинов в администрациях Рейгана и Бушамладшего, написали открытое письмо⁷¹. В нем они выразили мнение, что страна, находящаяся в серьезной опасности, бо-

---

⁷¹ *'Disturbing and reckless': Retired brass spread election lie in attack on Biden, Democrats*. May 11, 2021. Politico. URL: <https://www.politico.com/news/2021/05/11/retired-brass-biden-election-487374> (дата обращения: 15.05.21).

рется сейчас за свое выживание в качестве конституционной республики. Они заявили, что при демократах США «резко повернули налево к социализму и марксистской форме тиранического правления» и что нужно противостоять «прогрессивизму».

Чуть раньше с открытым письмом к французам обратились около одной тысячи французских военных, включая 20 отставных генералов, которые говорят о возможности «смертоносной гражданской войне» во Франции⁷². Администрация президента Макрона их гневно осудила, на что уже действующие военные, прошедшие «горячие точки» (Афганистан, Мали, Центральноафриканскую Республику), ответили своим открытым письмом, в котором поддерживали своих соратников. Резко критикуя все новые и новые уступки исламистам, они задают вопрос касательно своих старших товарищей, подвергшихся за свое письмо гневному порицанию со стороны властей: «Разве они воевали за то, чтобы вы позволили Франции стать несостоявшимся государством?»⁷³.

Говоря о вымывании во многих странах среднего класса, экономисты уже давно обсуждают новый трудовой класс, находящийся в настоящий момент в процессе формирования. Британский экономист Гай Стэндинг дал ему название «прекариат» (от английского слова *precarious* — «нестабильный», «неустойчивый», объединенного со словом «пролетариат») и включил его в одну из семи групп, отражающих, по его мнению, «классовые отношения в глобальной рыночной системе XXI века». При этом автор поставил прекариат на предпоследнюю позицию перед беднотой, живущей и умирающей на улицах.

---

⁷² *Anger as ex-generals warn of 'deadly civil war' in France*. April 27, 2021. BBC News. URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-56899765> (дата обращения: 28.04.2021).

⁷³ *French army chief tells soldiers to quit over civil-war letter*. May 12, 2021. BBC News. URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-57081846> (дата обращения: 12.05.21).

Прекариат — это социально-экономическая группа (в некоторых странах она составляет четверть взрослого населения), характеризующаяся тремя особенностями: ее представители заранее не обеспечены рабочими местами; помимо непосредственной оплаты труда, они не получают дополнительных социальных гарантий в виде пенсий и пособий по безработице; люди, принадлежащие к этому классу, часто лишены определенных гражданских прав, которые есть у других членов общества. Прекариат растет за счет мигрантов, женщин, учащихся.

Среди причин, ведущих к возникновению прекариата, Стэндинг называл переход к гибким трудовым отношениям, возникшим неизбежно в ходе формирования в 1975–2008 годах глобального трудового процесса⁷⁴. Автор описывал эту ситуацию еще до тотальных локдаунов.

После кризиса 2008 года грянул 2020 год с замиранием деловой и гражданской активности практически во всем мире. Последствия этого только предстоит оценить. Но можно с уверенностью утверждать, что ряды прекариата пополняются и будут пополняться во всех странах, что чревато серией социальных взрывов.

Я так долго выписывал весь этот фон, чтобы показать, насколько неоднозначной мне представляется сегодняшняя ситуация. Многие инстинктивно пытаются от нее экранироваться. А на чем мы строим свои представления о той атмосфере, которая царила на территории СССР, включая Казахстан, 100 лет назад? На фактах, которые можно проверить в архивах? Или на тех трактовках, которые предлагают нам продюсеры и сценаристы телесериалов?

Жумабай Шаяхметов пришел на работу в органы госбезопасности из уголовного розыска, где рискуя жизнью, боролся с разгулом бандитизма в 1920-е годы. Это было нелегкое время, сменившее период всеобщего хаоса, анархии и крово-

⁷⁴ URL: <https://garagemca.org/ru/publishing/the-precariat-the-new-dangerous-class-by-guy-standing> (дата обращения: 10.05.21).

пролитной гражданской войны. В условиях относительной слабости органов власти на местах там продолжали орудовать экономически более сильные группировки, которые отнимали скот у более слабых и, по сути, кооперировались с теми, кто занимался его массовым угоном в Китай, не задумываясь о страшных последствиях этого для простых казахов. Население реально страдало не только от конокрадов и скотокрадов, но и просто от душегубов-уголовников. Этих людей некоторые сегодняшние «толкователи истории» готовы тоже причислить к лику мучеников и непримиримых борцов с «кровавым режимом», не желая проводить различие между ними и огромным числом тех, кто пострадал, действительно, невинно.

Ежегодно к 31 мая, когда в Казахстане отмечается День памяти жертв массовых политических репрессий, в СМИ и социальных сетях появляется много материалов, постов и репостов, где люди, в том числе потомки их жертв, приводят конкретные примеры человеческих трагедий, которые никого не могут оставлять равнодушными.

В этой связи не могу не вспомнить, что на упоминавшемся выше приеме в 2014 году по случаю моего выхода в отставку от имени друзей с шуточным напутствием-эпитафамой собственного сочинения выступил Азарий Михайлович Плисецкий, известнейший артист балета, педагог и хореограф из знаменитой династии Плисецких. Он был одним из самых юных узников в системе Карлага: в печально известный «АЛЖИР» (Акмолинский лагерь жен изменников Родины) он попал со своей матерью Рахилью Мессерер, звездой немого кино, в 1938 году в восьмимесячном возрасте.

Этот тонкий, вдумчивый и мудрый человек рассказывает о пережитом с тихой печалью, без надрыва и злобы. Тем страшнее становится, когда пытаешься задумываться над тем, о чем он вспоминает и что тогда творилось.

Но даже в тех страшных условиях не все люди теряли человеческий облик. Рахиль Мессерер рассказывала своему сыну, что, когда колонну зедек гнали в лагерь через поселок,

со стороны местных жителей в них полетели какие-то предметы. Они думали, что это камни, но оказалось — кусочки курта. Многие узники говорили потом, что начальнику лагеря Баринову В. С. многие были обязаны своей жизнью: он все понимал, жалел и нередко спасал их, рискуя собой и своей семьей⁷⁵. Но в современных фильмах энкаведешников так показывать нельзя. Для них есть только одно амплуа — изверга.

Среди известных узниц лагеря была режиссер и театральный деятель Наталья Сац, которая после своего освобождения заручилась поддержкой Жумабая Шаяхметова и смогла открыть во время войны ТЮЗ в Алма-Ате.

Для тех, кто прошел через страшные испытания, и для их потомков проведение Дня памяти жертв репрессий и существование в Казахстане музейно-мемориального комплекса «АЛЖИР» — это способ избавления от разрушающего воздействия сотворенного зла и форма покаяния, без которого процесс заживления ран невозможен.

В своей статье 2002 года я взял на себя смелость попросить прощения за те действия своего деда, которые обернулись для некоторых людей огромными страданиями и которые, как я себе представляю, были совершены под мощным прессом внешнего фактора.

Кое-кто из аксакалов меня за это тогда критиковал, справедливо указывая на то, что дед не был злодеем, каким его пытаются изображать, что на его руках не было крови и что его единственная «вина» — работа в спецслужбе, которая в любом состоявшемся государстве выполняет функцию необходимой для выживания организма иммунной системы.

Соглашаясь с этими доводами, я, тем не менее, счел нужным это сделать, лично зная семьи некоторых из тех, кого

---

⁷⁵ Документальный фильм «Дольше жизни». Авторы: Дарья Виолина и Сергей Павловский. Кинокомпания «РИСК», 2013 год. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=3BhLSMCDXpk&t=523s> (дата обращения: 15.04.21).

то суровое время не пощадило. Я, в частности, мысленно обращался при этом к историку Наиле Бекмахановой, отца которого Жумабай Шаяхметов в свое время отстоять не сумел, хотя пытался до последнего. Она была и остается близким другом нашей семьи.

В этой связи с сожалением приходится констатировать и то, что к упомянутой выше дате в социальных сетях на тему репрессий появляется немало и откровенных фальсификаций, характерные признаки которых не могут не наводить на мысль о том, что к этому процессу могут подключаться уже и боты, причем необязательно находящиеся на территории страны.

Я такую вероятность не исключаю хотя бы потому, что в 2016 году имел возможность самолично убедиться в том, как это может работать. Приехав в Нью-Йорк в гости к внукам, я на детской площадке у дома разговорился с одной весьма энергичной дамой. Она оказалось украинкой из Барселоны, которая, как и я, приехала погостить к дочери. Узнав, что я родом из Казахстана, молодая бабушка не без гордости сообщила мне, что вместе с целой группой единомышленников, образовавших свою сеть, она активно и плодотворно работает в казахстанском сегменте Интернета над созданием нужного фона для митингов против продажи земли иностранцам. Искренне, видимо, думая, что вселяет в меня светлую надежду, она торжествующе пообещала: «Этим летом майдан будет и у вас!».

Используя фиктивные аккаунты, боты занимаются нагнетанием напряженности в обществе, сталкиванием лбами известных фамилий, натравливанием одних групп населения на другие, отвлечением внимания от реальных болевых точек и многим другим.

К слову, в упомянутом докладе «Чатем-Хауса» прямо признается, что некоторые западные консалтинговые фирмы, к которым власти за немалые деньги обращаются за советами, рекомендуют проведение в Казахстане в каких-то случаях кампаний с использованием интернет-клонов, в частности

для переключения внимания обывателя с определенного рода событий⁷⁶.

Очень не хочется, но вынужден привести — без купюр — один пост в социальной сети, просто чтобы показать, как это может работать. Некто «Николай Аксаков» подгружает 30 мая 2020 года на «своем» аккаунте в «Фейсбуке» фото Жумабая Шаяхметова в кителе сталинского образца, в котором тогда ходили партийно-государственные деятели, и под проверенном временем заголовком «Преступления сталинизма» размещает такой текст:

«Вглядитесь в лицо этого «чекиста».

В период с 1928 по 1938 год, занимая руководящие должности в управлении НКВД Северо-Казахстанской области (г. Петропавловск), а затем в УНКВД Алматинской области, он арестовывал, пытал на допросах, а затем расстреливал без суда и следствия тысячи и тысячи людей... Проявив стахановское усердие в Петропавловске, он пошел в 1938 году на повышение. Проявив особое рвение и в Алма-Ате, он был в тот же «кровавый» год награжден знаком «Почетный работник ВЧК-ОГПУ (XV)» приказом от 09.05.1938 Наркома Внутренних Дел СССР Николая Ежова, бывшего 1-го секретаря Восточно-Казахстанского Обкома ВКП(б), палача и патологического убийцы, прославившегося в чекистских кругах своей гомосексуальной наклонностью.

Сталин очень любил и уважал Шаяхметова, называл его «орлом Востока». Сталин также очень любил и ценил Ежова, и, возможно, так же называл его «орлом Востока».

Как мне рассказывал мой близкий друг, имя и подпись лейтенанта Шаяхметова Жумабая стоит на протоколе

---

⁷⁶ Доклад Chatham House/ноябрь 2019. *Казахстан: испытание «транзитом власти»*. — С. 71. URL: <https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/CHNJ8054-RUSSIAN-Kazakhstan-Report-FINAL.pdf> (дата обращения: 25.04.2021).

ареста его деда, арестованного в Петропавловске в ноябре 1937 года.

Шаяхметов Жумабай руководил арестом и затем вел его дело. После нескольких месяцев допросов и пыток деда моего друга конвоировали в Алма-Ату в следственную тюрьму НКВД на ул. Дзержинского.

Приговор о высшей мере наказания был вынесен 9 марта 1938 года и приведен в исполнение в тот же день — он был расстрелян и захоронен в братской могиле на территории Подсобного хозяйства НКВД, там, где сейчас расположен дачный поселок Жаналык под Алматы. Согласно опубликованным данным, из архивов КГБ, в тот же день и в том же месте был расстрелян и захоронен отец народной артистки певицы Бибигуль Тулегеновой. Вот этот заслуженный чекист, у которого руки по локоть в крови, любимец Сталина, и был назначен руководителем нашей республики с 1946 по 1954 год.

Об этом вам никогда не расскажут родственники, а тем более бывшие сослуживцы по партии и НКВД».

После «чистки», проведенной недавно этой социальной сетью, аккаунт «Николай Аксаков» исчез, но вполне допускаю, что к очередной дате под этим или другим ником в блогосферу будут вбрасывать новую порцию материалов, призванных не дать погаснуть фитилию ненависти.

Факты излагаются «Николаем Аксаковым» с применением классического приема, к которому любят прибегать мастера беллетристики, — «как мне рассказывал мой близкий друг». А фраза «арестовывал, пытал на допросах, а затем расстреливал без суда и следствия тысячи и тысячи людей...» вставлена по той же незамысловатой схеме, по которой некоторые модные блогеры приводят сведения о «миллионах», замученных на Колыме. Многие понимают, что цифры эти никак не бьются, но кого это волнует? Кто сейчас в этом будет разбираться в отсутствие достоверных сведений?

Сознательно выстраивается ассоциативная связь между именем Шаяхметова и фигурой Ежова (через сталинское сравнение «орел Востока»), а также между именем Шаяхметова и фактом расправы с отцом великой Бибигуль Тулегеновой.

Кстати, о том, что в последнем случае речь идет о безуспешной попытке спровоцировать конфронтацию между известными в обществе фамилиями, говорит реальный факт из жизни. Бибигуль Ахметовна близко дружила и дружит с нашей семьей, всегда высоко отзывалась и отзывается о деде, а 5 сентября 2002 года сочла своим долгом почтить в качестве почетного гостя его память на конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Жумабая Шаяхметова, где тепло общалась с детьми, внуками и правнуками видного казахстанского коммуниста. Если допустить, что «Николай Аксаков» это реальный человек, говоривший правду, возникает вопрос: стала бы она это делать?

К расстрелам и найденным в Алма-Атинской области захоронениям Жумабай Шаяхметов не причастен. Он был переведен из Петропавловска в Алма-Ату на должность заместителя начальника Алма-Атинского областного управления НКВД в мае 1938 года. К тому времени первый секретарь ЦК Левон Мирзоян был уже арестован (его сменил Николай Скворцов), а репрессии, пик которых пришелся на февраль-апрель 1938 года, были остановлены. Практически это было формальным назначением, так как уже в июне дед находился в Москве на согласовании в ЦК ВКП(б) вопроса о его переводе на партийную работу по рекомендации Скворцова, который этому способствовал. 14 июля 1938 года на II съезде КП(б) Казахстана Жумабай Шаяхметов был избран третьим секретарем ЦК.

В книге «Ильяс Омаров. Жизнь и философия» есть такое место:

«Что касается Казахстана, лично Лаврентий Берия интересовался поведением казахстанской интеллигенции, поскольку республика была стратегически важна для

Советского Союза. Именно Берия возглавлял работу по испытанию первых советских атомных и ядерных бомб на Семипалатинском полигоне. Последствия этих испытаний были непредсказуемыми. Заражение радиоактивными выбросами большой территории Казахстана могло повлечь за собой бунт населения и острую реакцию интеллигенции. К руководству Казахстана Берия доверия не испытывал. Особую антипатию вызывал Шаяхметов.

...

Шаяхметов всегда опасался Берии. Чем могущественнее становился Берия, тем менее решительным становился Шаяхметов. Ильяс заметил, что к началу пятидесятих годов Шаяхметов начал терять былую уверенность в будущем и спокойствие. В 1949 году резко ухудшилось здоровье Сталина после вторично перенесенного инсульта. Вождь уже был не в состоянии управлять внутренней политикой. Остатки сил он сосредоточил на укреплении международных позиций СССР. Во внутренней политике все больше чувствовалось усиление властных полномочий Берии. Это очень беспокоило Шаяхметова. Как бывший чекист он понимал весь ужас последствий прихода на место Сталина Берии, что было весьма вероятно. Ильяс Омаров не знал многого из того, что знал Шаяхметов, потому не мог понять в то время усилившуюся осторожность первого секретаря⁷⁷.

Ложную информацию о Жумабае Шаяхметове иногда «упаковывают» по законам жанра вместе с изложением реальных фактов. Например, в вышедшем в 2016 году двухтомнике воспоминаний Хрущева⁷⁸ можно ознакомиться со следующей ссылкой:

---

⁷⁷ Сулейманов М. Х., Сулейманова Ж., Голубев А. *Ильяс Омаров: Жизнь и философия* — Алматы: Далель-принт, 2002. — С. 134–135.

⁷⁸ Хрушев, Н.С. *Воспоминания. Время, Люди. Власть*. В 2 кн. Кн. 1/Н.С. Хрушев. — М. : Вече, 2016. — 895 с.

«ШАЯХМЕТОВ Жумабай (1902–1966) — из крестьян. В 1919–1921 гг. учитель в ауле. В 1921–1923 гг. — агент угрозыска, затем — на административной работе в Акмолинске. В 1928–1938 гг. в НКВД, прошел путь от оперуполномоченного до **наркома** (выделено нами). С 1938 г. третий, затем — второй, а в 1946–1954 гг. — первый секретарь ЦК Компартии Казахстана. В связи с **саботажем** (выделено нами) освоения целинных земель переведен на должность первого секретаря Южно-Казахстанского обкома, а в 1956 г. отправлен на пенсию»⁷⁹.

В уважающих себя издательствах к справочному аппарату и сносам обычно подходят щепетильно. В такого рода публикациях сноски и комментарии проверяются и несколько раз перепроверяются на предмет исключения любых фактологических неточностей, но, как видим, почему-то не в данном случае. Жумабай Шаяхметов наркомом внутренних дел не был: на партийную работу перешел с должности заместителя начальника областного управления в звании младшего лейтенанта государственной безопасности, что условно соответствовало воинскому званию старший лейтенант в армии. И саботажем он никогда не занимался.

В сноске всего 72 слова, из них 70 слов отражают правду и всего 2 содержат ложь. Но именно на ней потом можно строить умозаключения с целью дискредитации политика.

Еще больше нестыковок встречается в книге «Каныш Сатпаев. Энциклопедия», где про Шаяхметова говорится: «При руководстве Ш. казахстанцы прошли голодомор, годы репрессий, военные годы»⁸⁰.

На самом деле, во время голода дед был студентом Московского института востоковедения (1932–1933 годы), в период репрессий (1937–1938 годы) Казахстан возглавлял Левон Мир-

⁷⁹ Там же. — С. 716.

⁸⁰ *Каныш Сатпаев. Энциклопедия.* Алматы, 2013. — С. 492.

зоян, а во время войны (1941–1945 годы) во главе партийной организации республики стоял Николай Скворцов.

Откуда берется это упорное стремление во что бы то ни стало повысить деда в звании? Чем объясняются эти явные фактологические ошибки? Непрофессионализмом или умыслом?

Кстати, в архиве нашей семьи хранится документ, свидетельствующий о том, что Жумабай Шаяхметов уже в начале 1930-х годов мог числиться в кадровом резерве центрального аппарата партии, поскольку в Москве ему дали закончить только первый курс «ввиду отзыва в распоряжение ЦК ВКП(б)»⁸¹. Почему не в распоряжение ОГПУ?

Тиражируются и утверждения некоторых лиц, которые выступили с обвинениями в адрес Жумабая Шаяхметова уже после его снятия с работы, когда шел процесс его дискредитации в глазах народа. Один из авторов таких жалоб, оперируя не оригиналами документов, а их копиями не совсем понятного происхождения, говорил о роли деда в «истреблении руководящих работников и других честных граждан, особенно казахов», весной и во второй половине 1938 года и договорился о его причастности к аресту одного за другим трех составов Алма-Атинского обкома партии⁸². Как ему удалось это сделать за неполных два месяца нахождения на посту заместителя начальника областного управления внутренних дел?

Историки по крупицам восполняют сегодня имеющиеся в биографии Жумабая Шаяхметова пробелы, связанные с его работой в комиссии по коренизации, союзе «Кошчи» и силовых структурах. Известно, например, что деятельность следственных органов НКВД, в том числе в Северо-Казахстанской области, где несколько лет работал Жумабай Шаяхметов, была

---

⁸¹ Удостоверение Института востоковедения им. Нариманова. 15 апреля 1933 года. Личный архив Шаяхметовых.

⁸² Медеубаев Е.И. *Попытки начала процесса политической реабилитации. Новейшая история России / Modern History of Russia*. 2017. № 4. — С. 18.

предметом тщательного расследования силами присланной из Москвы в январе 1939 года бригады с особыми полномочиями.

По итогам тщательного разбирательства были арестованы и расстреляны наркомы внутренних дел Залин и Реденс, а также Панов, начальник Северо-Казахстанского областного управления НКВД.

Кто-то может допустить, что Шаяхметову не стали ничего предъявлять, поскольку к тому времени он был уже третьим секретарем ЦК КПК. Не думаю, что тогда такой фактор мог остановить карательную машину. Реденса не спасло, например, то, что он был женат на младшей сестре Надежды Аллилуевой, т. е. Сталин был его баба.

В семейном архиве есть несколько рапортов, свидетельствующих о том, что Жумабай Шаяхметов с 1935 года просил о переводе из Северо-Казахстанской области. Последнему из них на имя Реденса в 1938 году был дан ход.

Упомянувшийся выше Владислав Владимиров, говоря о том, что для множества ровесников Жумабая Шаяхметова работа в НКВД стала роковой, отмечает:

«Но звезда Шаяхметова, основательно подковавшегося в Московском институте Востока, оказалась счастливой. И вовсе не за счет чьих-либо бед и горя. Все десять лет на ответственных постах в органах Наркомата внутренних дел СССР... он внушал всем отнюдь не страх, но стойкое уважение к себе и своей службе»⁸³.

Историк и политолог Азимбай Гали, анализируя вклад деда в формирование казахской партийно-советской номенклатуры, писал в канун его 100-летия:

«Шаяхметов сделал в возрасте 28–38 лет блестящую карьеру в НКВД: он был известен своей “принципиальностей и беспощадностью к врагам народа”. Мне представляется, что в нем было больше напускной жестокости, не думаю, что в нем была патологическая склон-

⁸³ Владимиров В. *Рядом с вождем*. Страна и мы. 02.03.2006. № 8. — С. 18.

ность к расстрелам. Если бы это было так, осторожный и мягкий Скворцов не взял бы его в свою команду. И все же должность его обязывала быть если не жестоким, то жестким. Именно таким и был Шаяхметов»⁸⁴.

Кстати, в своей обличительной речи на VII съезде КП Казахстана, выдержки из которой были приведены выше, Храмов предпочел говорить не о мнимой кровожадности Жумабая Шаяхметова, а, наоборот, о том, что тот «не проявлял строгой партийной требовательности к руководящим кадрам республики, допускал вредный либерализм к ошибкам руководящих кадров, и, переставляя провалившихся работников с одного ответственного поста на другой, уводил их от критики»⁸⁵.

В. Н. Шепель, занимавший в 2004–2014 годы должность директора Архива Президента РК, писал в 2012 году:

«Все материалы о деятельности Шаяхметова, которые удалось выявить в Архиве Президента, однозначно говорят, что это был добросовестный партийный функционер, который все свои силы и опыт отдавал идее социализма и коммунизма, служению партийным идеалам и государственной системе. И, наверное, не его вина, что он жил и работал в годы сталинского режима. Сам он этот режим изменить не мог и, подчиняясь партийной дисциплине, честно выполнял (или старался выполнять) установки Политбюро ЦК ВКП(б).

Другое дело, что-то у него получалось хорошо, что-то нет. Но сквозь все его поступки, выступления видна огромная ответственность за порученное дело, болезненное отношение ко всем неудачам.

...

---

⁸⁴ Азимбай Гали. *Классический продукт своей эпохи. Жумабай Шаяхметов — основатель казахской партийно-советской номенклатуры*. «Мегаполис» № 34 (93), 29 августа 2002 года.

⁸⁵ Газета «Казахстанская правда» от 18 февраля 1954 года.

Жестко требовал Жумабай Шаяхметов с кадров за невнимание к простым людям.

...

И еще. Анализируя все имеющиеся в Архиве выступления Ж. Шаяхметова, я нигде не видел, чтобы он обижался на критику, вставал в позу. Наоборот, очень часто признавал свои ошибки»⁸⁶.

В дни юбилея в 2002 году мне довелось беседовать с Закашем Камалиденовым, занимавшим при Динмухамеде Кунаеве пост председателя КГБ Казахстана и имевшим доступ к закрытым архивным папкам. По его словам, порочащих Шаяхметова документов он не видел. Об этом он написал и в своих воспоминаниях:

«Конкретных фактов или документов о причастности Ж. Шаяхметова к политическим репрессиям во время работы на посту председателя Комитета государственной безопасности республики мною не обнаружено. К тому же, каких-либо негативных разговоров о нем со стороны сослуживцев я не слышал. Поэтому я считаю, что для каждого из нас Жумекен был и остается образцом честного и преданного служения своему народу»⁸⁷.

Понимая, что для условных «Аксаковых» это отнюдь не довод, а лишь подтверждение аксиомы «Ворон ворону глаз не выклюет», скажу лишь следующее. Если бы на совести деда были какие-то преступления, которые ему постоянно пытались — бездоказательно — вменить в вину, он, скорее всего, сам попал бы под репрессии, ждавшие впоследствии непосредственных исполнителей кровавых «чисток».

Если бы на Жумабая Шаяхметова был хоть какой-то компромат такого рода, Хрущев и Брежнев не преминули бы

---

⁸⁶ Шепель В.Н. *Жумабай Шаяхметов: штрихи к политическому портрету — часть 1*. Газета «Литер» от 25 октября 2012 года.

⁸⁷ Камалиденов З. *Өнегелі өмір. // Күрделі заманның қайсар қайраткері*. Астана, 2002. 78-б.

пустить его в ход, чтобы техничнее и проще убрать с пути неудобного для них регионального лидера. Такое же мнение выразил в своем выступлении на конференции по случаю 100-летия деда видный историк К. Алдажуманов.

Думаю, что деда ждала бы участь упоминавшегося выше Багирова, который пришел на пост руководителя Азербайджана тоже из органов госбезопасности и, как уже отмечалось выше, за причастность к политическим репрессиям был расстрелян в 1956 году уже при Хрущеве.

Вместо этого Шаяхметова — даже после ухода на пенсию — избрали делегатом проходившего в том же 1956 году XX съезда КПСС, на котором был развенчан культ личности Сталина.

Я ориентируюсь на позицию авторитетного казахстанского историка Манаша Козыбаева, которую тот выразил в 2002 году в письме на имя акима Алматы в связи с приближавшимся 100-летием деда и которую потом озвучил на конференции по этому случаю Мухтар Кул-Мухаммед, тогдашний министр культуры, информации и общественного согласия, сказавший, в частности, следующее:

«Несмотря на жесткие рамки существовавшей тогда партийной идеологии и политических установок, Жумабай Шаяхметов смело вставал на защиту известных деятелей науки и культуры. Ради торжества исторической правды сегодня необходимо сказать о той большой роли, которую сыграл Жумабай Шаяхметов в судьбе Ауэзова и Сатпаева, в том, что они избежали тотальных репрессий 50-х годов. Так, по совету Жумабая Шаяхметова Сатпаев был отправлен в Москву для продолжения научной деятельности. Имеющиеся архивные материалы свидетельствуют о политической смелости и решительности Шаяхметова, благодаря усилиям которого состоялось возвращение Сатпаева на Родину из опалы и забвения.

В воспоминаниях людей, знавших его и работавших с ним в различные периоды, Шаяхметов предстает как дальновидный политик, талантливый организатор и компетентный руководитель»⁸⁸.

К этому следует добавить, что, по мнению Манаша Козыбаева, Ауэзова и Сатпаева удалось спасти во многом благодаря опыту работы Жумабая Шаяхметова в силовых структурах. Понимая, как срабатывают пружины репрессивного механизма, и лучше других зная, что основанием для арестов многих ни в чем не повинных людей были доносы, которые на них писали соседи, сослуживцы и самые близкие родственники, он настоятельно посоветовал обоим уехать от «доброжелателей» в республике не куда-нибудь, а в Москву, что выглядит сейчас не совсем логичным, поскольку, как всегда считалось, маховик карательной машины раскручивали как раз оттуда.

Характерной деталью в этой связи выглядят слова работавшей многие годы на посту министра культуры СССР Екатерины Фурцевой, которая своему казахстанскому визави Ильясу Омарову «сказала полушутливо-полупечально, что скоро в ЦК КПСС пора будет открыть отдельный “казахский отдел жалобных писем”, так их много»⁸⁹.

---

⁸⁸ Письмо М.Козыбаева, директора Института истории и археологии Национальной академии наук Республики Казахстан акиму Алматы. № 80 от 25.03.01. Архив Шаяхметовых. Касым Мухаметкалиев. *Әр жылдар толғамы — Размышления разных лет*. Алматы, «GAUHAR» 2005. — С. 137.

⁸⁹ Сулейманов М. Х., Сулейманова Ж., Голубев А. *Ильяс Омаров: Жизнь и философия* — Алматы: Далель-принт, 2002. — С. 151.

XI. Собирая рассыпанную мозаику

Масштаб личности Жумабая Шаяхметова и значение того, что было сделано в ту пору лично им, его соратниками и всеми казахстанцами, высвечиваются все рельефнее по мере того, как то время отодвигается от нас все дальше и дальше. Это объяснимо: когда слишком близко прильнешь к зеркалу, всего себя увидеть невозможно.

Одновременно с этим появляется возможность сравнивать эпохи по реальным делам и достижениям.

Деду недоброжелатели нередко пеняют на то, что формально у него не было законченного высшего образования, а раз так, то и ожидать от него ничего путного, дескать, было нельзя. Почему-то не обращают внимание на то, что диплома о получении высшего образования нет и у Елизаветы II: ее учили репетиторы и сама жизнь. Заместитель директора ЦРУ генерал Вернон Уолтерс, которого я вспоминал выше, тоже его не имел. К слову сказать, в те годы напряженного труда мало кому из советских руководителей жизнь давала возможность получить полноценный диплом. В лучшем случае их отпускали на учебу в Высшую партийную школу.

Даже те исследователи, у которых немало претензий к советскому периоду в целом и Жумабаю Шаяхметову в частности, были вынуждены признавать способности и отмечали его вклад в укрепление кадрового потенциала республики:

«Да, Шаяхметову не хватало академического образования, но это была исключительно целеустремленная натура, он многого достигает благодаря самообразованию,

поэтому недостаток интеллекта и ораторского дара ему не могли поставить в упрек»⁹⁰.

Известная истина: человек проверяется в конкретном деле, особенно в условиях кризиса.

Если посмотреть на «функционал» второго секретаря ЦК Шаяхметова в годы войны, то он не может не впечатлять. Помимо административно-кадровой работы, он непосредственно курировал сельское хозяйство, в частности животноводство, отвечал за размещение на территории Казахстана людей и предприятий, эвакуированных с западных территорий СССР, занимался вопросами размещения и решения социально-бытовых проблем депортированных народов, осуществлял контроль за мобилизацией в ряды вооруженных сил, функционированием имевшихся и созданием новых учебных центров подготовки командного и сержантского состава, формированием частей и соединений для фронта, наращиванием производства вооружений и боеприпасов.

В 1942 году Жумабая Шаяхметова назначили еще и уполномоченным Государственного комитета обороны (ГКО) по переоборудованию нефтепровода Гурьев — Орск, который приобрел стратегическое значение и для фронта, и для тыла. Вот как отзывался о деде Сафи Утебаев, патриарх нефтяной отрасли Казахстана:

«Жумабай Шаяхметов во время войны месяцами находился в Гурьеве. В те годы остро ощущалась ежедневная потребность в нефти Эмбы. Не оттого ли, днем и ночью велись работы? Для того чтобы нефть из Баку принималась и транспортировалась в российские города, строились железные дороги, резервуары, причалы для танкеров. Работа кипела, не замирая ни на секунду, и всем этим руководил Жумабай Шаяхметов, секретарь

---

⁹⁰ Азимбай Гали. *Классический продукт своей эпохи. Жумабай Шаяхметов — основатель казахской партийно-советской номенклатуры.* «Мегаполис» № 34 (93), 29 августа 2002 года.

Центрального Комитета Компартии Казахстана. Именно поэтому он в основном пребывал в Гурьеве»⁹¹.

Скажу откровенно, что без всякого пиетета отношусь к сегодняшним научным регалиям, тем более к тем, кто коллекционирует звания: один и тот же человек может быть в наше время и доктором юридических наук, и доктором политологических наук, и еще успевает защититься по экономике. Знаю также, что наличие степени магистра делового администрирования, даже от таких бизнес-школ, как Гарвард, Стэнфорд или Уортон, не дает никакой гарантии того, что обладающий ею менеджер не провалит с треском порученное ему дело.

Смотрю на то, как действовали имеющие не одно законченное высшее образование чиновники в 2020 году, когда грянула не война, но реальная беда — санитарно-эпидемиологическая, и вижу перед собой во многих случаях тех, кого англичане метко называют «пустыми пиджаками» (*empty suits*), пусть даже эти пиджаки от Brioni или Zilli. Постоянно давая друг другу поручения на камеру, про которые потом спокойно забывали, они не просто расписывались в своей полной некомпетентности в качестве управленцев: они при этом еще и с дерзким безрассудством воровали все, что плохо лежало. Не сомневаюсь, что у каждого из них за плечами успешная сдача обязательного курса по кодексу честности (*mandatory integrity training*), который является отныне неотъемлемой частью учебной программы этих школ по подготовке «капитанов бизнеса».

Сравниваю с тем, как действовал дед, когда во второй половине 1941 года в Казахстан хлынул поток раненых и больных, а в республике было только два военных госпиталя. Еще одну непростую задачу «недоучка» Шаяхметов вместе с соратниками решил так, что уже к весне 1942 года по всей территории

---

⁹¹ Сафин Н. *Сафи Утебаев. Знатные нефтяники земли казахской*. Биографическая серия. — Алматы: Общественный фонд «Мунайши» им. Н.А. Марабаева, 2009. — С. 121.

республики было развернуто 78 таких госпиталей, позволявших лечить одновременно около 24 тыс. человек⁹².

О личности Жумабая Шаяхметова нередко судят по достаточно вольным реконструкциям драматических эпизодов, связанных с Сатпаевым и Бекмахановым, которые документально ничем не подтверждаются. Эти красочные описания принадлежат перу не историков, а литераторов с весьма богатым воображением. В них дед предстает лодырем, азартным картежником, крайне невыдержанным и недалеким человеком, который не любил брать в руки книгу.

Все эти утверждения так далеки от истины!

Любовь Жумабая Шаяхметова к книгам передалась нашему отцу, а от него — нам. В семье собрали прекрасную библиотеку, которая всегда была и остается центром притяжения. Интересная деталь: дед так любил английского поэта-романтика Байрона, которого в СССР ценили и полное имя которого было Джордж Гордон Ноэль Байрон, что одного из своих сыновей назвал Ноэлем. Этим же именем потом назвали и моего младшего брата.

Не имея диплома об окончании вуза, дед всю жизнь занимался работой над собой и очень много сделал для того, чтобы высшее образование могли получить тысячи и тысячи казахстанцев, в том числе в лучших учебных заведениях страны. Известный партийный и государственный деятель республики Анатолий Шалов вспоминал:

«Доклады, выступления Жумабая Шаяхметовича отличались гениальной простотой: четкий расклад проблем, их причин, задач, конкретных мер. Помнится, в августе 1953 года он выступил с докладом «О состоянии и мерах улучшения народного образования в Республике», который для комсомола стал комплексной программой работы с молодежью. Это Жумабаю Шаяхметовичу принадлежит идея

---

⁹² Ахметова Л.С., Григорьев В.К. *Первые лица Казахстана в сталинскую эпоху*. Учебное пособие. — Алматы, 2010. — С. 170.

и сама работа по направлению молодежи республики на учебу в вузы России — Москву, Ленинград, Новосибирск, аспирантуру, докторантуру. Ежегодно по 2 тысячи юношей и девушек направлялись в престижные вузы Союза»⁹³.

Характерный отзыв о вкладе Жумабая Шаяхметова в повышение уровня образования в республике принадлежит Камалбаю Кетебаеву, бывшему председателю Госплана Казахской ССР:

«Благодаря Шаяхметову в 1948 году я поступил на учебу в Москве. Тогда партия направляла способную молодежь на учебу в крупные города. Эту акцию возглавил сам Жумекен.

...

... то, что Жумекен стремился обучать молодежь в Москве, Ленинграде и широко развивать ее кругозор, я считаю его огромной заслугой. И. Сталин очень уважал Жумабая Шаяхметова»⁹⁴.

В РГНИ есть анонимки на Шаяхметова, датированные 29 января 1954 года, где его по шаблону отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС обвиняют в том, что он везде поставил на руководящие должности в республике своих родственников (которых у него в Казахстане не было), пил, играл в карты (чего он не делал) и т. д. В тот же день на этих анонимках появляются подписи секретарей ЦК КПСС, которые как бы ознакомились с ними, а на следующий день, 30 января 1954 года, на заседании Президиума ЦК КПСС (так тогда называлось Политбюро) его уже снимают с работы. Стенограмма того заседания до сих пор в РГНИ засекречена.

Ниже хочу привести несколько высказываний, разбросанных по самым разным источникам, ко многим из которых не все могут сейчас получить доступ. Этих разрозненных

---

⁹³ А. Шалов. *За далью лет твой светлый образ*. Газета «Доживем до понедельника», № 29 (113), 26 июля — 1 августа 2002 года.

⁹⁴ Газета «Караван» от 25 июля 1997 года.

фрагментов много, но я попробую собрать эту рассыпанную мозаику, чтобы можно было получить более или менее цельное представление о деде.

Анонимщики давно минувших лет и «пробудившиеся» обличители из дня сегодняшнего рисуют негативный портрет Жумабая Шаяхметова, который абсолютно расходится с образом, созданным теми, кто свои имена никогда не скрывал и кто с ним работал плечом к плечу в те трудные годы. Речь идет не о каких-то случайно оказавшихся в Казахстане «варягах», а о настоящих атлантах, на чьих плечах держалось тогда все народное хозяйство республики.

Один из них, Леонид Жуков, почти 50 лет профессионально занимавшийся в Казахстане важнейшими для государства вопросами транспорта, связи и логистики, в том числе в должности министра и заведующего профильным отделом ЦК, вспоминал:

«Это был скромный, большой силы воли и высокой культуры, неумолимый, обладающий большой работоспособностью партийный руководитель, внимательно и заботливо относящийся к кадрам. При поездках по областям и районам в периоды уборки урожая он работал по 18–20 и более часов в сутки, нередко назначал заседания бюро райкомов партии далеко за полночь, оставляя на отдых три-четыре часа. И так бывало по несколько суток. Приходилось удивляться, как он выдерживает такое переутомление»⁹⁵.

Упомянувшийся выше Василий Ливенцов, имевший огромный авторитет в республике, писал в своих воспоминаниях:

---

⁹⁵ Жуков Л. Г. *Незабываемое. Некоторые воспоминания партийного работника, ветерана транспорта Казахстана*. — НПФ ЭКО, Павлодар, 2002, 344 с. Издание второе. — С. 114.

«Много лет прошло с той поры. Но память о Жумабае Шаяхметове все жива. Слишком круто обошлись с ним. Ведь его хорошо знали не только в партийной среде. Он снискал широкую популярность в народе за огромные усилия в преодолении экономической и культурной отсталости республики. Это свое мнение я затем открыто высказал Брежневу, когда ближе познакомился с ним. “А как по-твоему следовало поступить?” – спросил он. “Для пользы дела, – ответил я, – можно было оставить его одним из секретарей ЦК”»⁹⁶.

Мухтар Таиров, прошедший за полвека работы в рыбной отрасли Казахстана путь от рядового инженера до заместителя министра рыбного хозяйства, отзывался о Жумабае Шаяхметове как об исключительно честном, скромном и одаренном человеке:

«Особенно велики его заслуги в подборе и воспитании кадров, в выдвижении их на руководящие посты по деловым качествам. При нем казахи перестали считаться с делением на жузы, племена и роды. До середины 60-х годов мы вообще не вспоминали о своих родословных. Позже, когда начал процветать трайбализм, мы стали вынуждены считаться: кто и откуда происходит. Даже появилось крылатое выражение: “Биография твоя подходит, но география не годится”. В журнале “Партийная жизнь” № 8 за 1947 год была опубликована статья Ж. Шаяхметова, в которой были такие слова: “... Случаи подбора кадров по родовому и племенному признакам приводят к засорению партии и госаппарата нечистыми людьми, что создает атмосферу семейственности и групповщины, тормозит рост и воспитание кадров из местного населения”. Если бы эта линия, проводимая Шаяхметовым, продолжилась, то казахи жили бы более сплоченно и добились более ощутимых успехов»⁹⁷.

⁹⁶ Ливенцов В. А. *Моё время*. — Актобе. ОАО «Полиграфия». 1999. — С. 94.

⁹⁷ Таиров М. Т. *Я родом из Советского Союза*. — Алматы: «Сага», 2003. — С. 243–244.

В памяти личного секретаря Алиби Джангильдина и бывшего заведующего отделом наград Верховного Совета Казахской ССР Изгилика Дабаева дед остался таким:

«В любом деле он не допускал двусмысленности, каких-то закулисных интриг, любил открытость и конкретность, вопросы не тянул, решая все оперативно и в целом объективно. Он в совершенстве владел казахским языком и никогда не пользовался шпаргалкой, при этом обладал хорошей мужской дикцией. Сколько помню визитов руководителей союзного масштаба, ни перед кем из них не заискивал, тем более не угодничал, а держал спину в буквальном смысле прямо. Была в нем какая-то исконная гордость независимого степняка-кочевника»⁹⁸.

О том, как держался дед на проходившем 5–6 февраля 1954 года пленуме вспоминал профессор Мукаш Елеусизов:

«В памяти осталось ужасное впечатление: авторитетный и уважаемый народом руководитель в тоталитарной системе может легко превратиться в беспомощного человека. Те, кто только вчера заискивал перед Шаяхметовым, один за другим поднимались на трибуну и говорили о нем всякие небылицы. На меня произвело впечатление поведение Жумеке: он держался спокойно, не уклонялся от подробных ответов даже на незначительные вопросы»⁹⁹.

А вот другая характеристика:

«Спокойный, терпеливый хладнокровный Шаяхметов с первой встречи показался Ильяссу Омарову подобным буддийскому монаху, отрешенному от мирской суеты. Он казался человеком-загадкой, “вещью в себе”. Его самоблагодание не раз восхищало Ильяса Омарова.

⁹⁸ Дабаев И. XX век: *Портреты выдающихся деятелей: Серия очерков*. — Алматы: «ПринтЭкспресс Издательство и полиграфия». 2012. — С. 64.

⁹⁹ Елеусизов М. *Незабываемые встречи*. Газета «Казахстанская правда» от 28 августа 2002 года.

...

Обычно Шаяхметов был сдержан и суров. Он никогда не кричал, не стучал кулаком по столу, никого не оскорблял, считал это выражением слабости и недозволенными эмоциями. Но и похвалу от него можно было заслужить нечасто. Из всех эмоций он позволял себе только смех, да и то в очень хорошем расположении духа. Сам Ильяс Омаров даже после ухода в 1966 году Шаяхметова из жизни вспоминал о нем сдержанно: с большим уважением, но и без эмоциональных эпитетов»¹⁰⁰.

Для меня важны оценки не каких-то мутных блогеров, шифрующихся по закоулкам анонимных Telegram-каналов, и «инфлюенсеров», иногда погружающихся в сложные темы с одной лишь целью — монетизировать свое присутствие в соцсетях, а таких моральных авторитетов, всегда живших с открытым забралом, как Герольд Бельгер. В своем отзыве на книгу Мадата Аккозина «Вернуть из забвения» известный казахстанский прозаик, публицист и переводчик пишет:

«Жумабай Шаяхметов — колоритная фигура той эпохи, и его деяния не должны зарости травой забвения. Это славная личность в национальной истории, и мое поколение ее хорошо помнит.

О нем и поныне существует немало реальных рассказов и причудливых легенд. Прошло более полувека, как он сошел с политической арены, и память о нем в сознании последних поколений заметно потускнела или вовсе стерлась. Людей такого формата и масштаба забывать грешно.

...

Время другое, и нравы другие. Пышный расцвет нынешней коррупции абсолютно невозможно представить в сталинско-шаяхметовскую пору. Шаяхметов,

---

¹⁰⁰ Сулейманов М. Х., Сулейманова Ж., Голубев А. *Ильяс Омаров: Жизнь и философия* — Алматы: Далель-принт, 2002. — С. 108, 127.

лишенный высокого поста, съехал с казенной квартиры с двумя чемоданами (нет, не золота, а книг и утвари), ибо за долгие годы руководства страной не нажил и копыя. Нынешним “благодетелям” типа Храпунова недостаточно одного гигантского самолета, чтобы вывезти за кордон наворованного у горячо любимого казахского народа барахла»¹⁰¹.

Я склонен больше доверять таким цельным и ярким личностям, как уже упоминавшийся Анатолий Шалов, который свой трудовой путь начинал учителем казахского языка, а в 18 лет ушел на фронт, где был сначала рядовым. Воевать закончил в 1945 году командиром батальона. После этого 40 лет работал на ответственных участках в комсомольских, партийных и государственных органах Казахстана. Он выразил мнение многих своих соратников и современников Жумабая Шаяхметова, написав к его 100-летию следующее:

«Самой большой несправедливостью мы, молодое поколение коммунистов, посчитали недооценку нашего кумира: прежде всего, как глубоко преданного партии, ее идеалам, государству, народу коммуниста, патриота, интернационалиста, умного человека, дальновидного руководителя, кристально чистого гражданина. И сегодня я в этом глубоко убежден. Кто бы мне ответил, много ли таких людей, такого полета, было тогда и есть сегодня? Немало. Но это еще не означает, что много. Под началом Жумабая Шаяхметова продолжительное время работал Димаш Ахметович Кунаев, который всякий раз, когда речь заходила о Шаяхметове, отмечал, что это был талантливый руководитель, это с ним связано развитие высокими темпами экономики послевоенного Казахстана.

---

¹⁰¹ Герольд Бельгер. *Плетенье чепухи (тетрадь пятая)*. Газета «Тас-жарган» № 15, 2009.

Да, он был сторонником сталинских методов работы. Беспрекословно выполнял требования центральных органов партии, которой верил безраздельно. Но стоит ли осуждать его за это и карать беспамятством? Думаю, что нет. Противоречивость оценок его деятельности исходит из того, что само время было непростое, противоречивое. Жумабай Шаяхметович — дитя своей жестокой эпохи. И то, что всю ответственность за промахи республиканской партийной организации сурово возложили на ее руководителя, — это тоже знамение того времени. Но если на чаши весов поставить сделанное этим человеком и его промахи, то, бесспорно, положительная чаша преимущественно перевесит.

Надо уметь быть благодарным за содеянное добро по чистоте помыслов. Именно таковым был Жумабай Шаяхметович Шаяхметов, чье имя заслуживает быть в ряду великих сынов Родины»¹⁰².

Говоря о Жумабае Шаяхметове, видный партийный деятель Казахстана Асанбай Аскарлов задает вопрос и сам же на него отвечает: «Какую же крупную, непоправимую ошибку мог совершить Шаяхметов, чтобы его отлучить от народа? На мой взгляд, не было такой ошибки»¹⁰³.

История знает, увы, немало примеров явной несправедливости, когда откровенные негодяи и глубоко безнравственные типы возвеличивались толпой, а честные и порядочные люди сходили в безвестность растоптанными и оболганными неблагодарными современниками и потомками. Жумабай Шаяхметов, ставший первым этническим казахом на посту руководителя Советского Казахстана в полном расцвете сил, когда ему было всего 43 года, и так много для страны сделавший, ушел из жизни 20 лет спустя тяжело болевшим стариком,

---

¹⁰² А. Шалов. *За далью лет твой светлый образ*. Газета «Доживем до понедельника», № 29 (113), 26 июля — 1 августа 2002 года.

¹⁰³ Аскарлов Асанбай. *Көзқарас* — Алматы: «Жалын», — 1996. — С. 193.

испытывавшим горечь разочарований, но не изменившим своим принципам и сохранившим человеческое достоинство.

В практической психологии есть понятия формального и неформального лидера. В человеческих коллективах нередки ситуации, когда то или иное лицо, официально наделенное властными полномочиями, истинным лидером — из-за своих личных и деловых качеств — не является. В Жумабае Шаяхметове лидерские качества и ответственные посты сошлись органично.

Соратники и современники помнили его энергичным, позитивным и уравновешенным человеком, который, как сейчас выразились бы, обладал «эмоциональным интеллектом», был активным сторонником и популяризатором здорового образа жизни и широко практиковал то, что сейчас называют мудреным словом «тимбилдинг». Делал это не по рекомендациям, выданным за хороший гонорар экспертом из какой-нибудь продвинутой консалтинговой фирмы, а потому, что обладал живым умом и здравым смыслом. Сейчас такие практики уже вошли в хрестоматии государственного пиара, достаточно вспомнить «ночную хоккейную лигу» в России.

Анатолий Шалов о Жумабае Шаяхметове в этом контексте писал:

«Называют его жестким, но он был не жестоким, а справедливым. А я хотел бы еще отметить его чисто человеческие качества, достоинства. В неформальном, неофициальном общении он был прост, доступен, уважителен. Была у него, оказывается, с юности страсть к лыжному спорту. Как-то беседуя с руководством ЦК комсомола, он заметил:

— Вот вы ратуете за массовость физкультуры. А сами-то хоть занимаетесь ею? Знаю, скажите, что некогда, мол. Неправильно это, а точнее — некультурно. Вот давайте — возьмите за правило: каждое воскресенье ходить в горы. Надо уметь стоять не только на “ковре”, но и на лыжах, коньках. Тогда долго не состаритесь.

Так Жумабай Шаяхметович поставил нас, жожаков мо-
лодежи, на лыжи. Более того, всех министров вытащил,
как говорится, в горы, поставил на лыжи. Сам впереди,
мы все — за ним. Устраивал соревнования, гонки. Это
были дни и часы здоровья, полезного общения, что ста-
ло хорошей традицией и весьма полезным для работы
делом. Вспоминаем об этом с удовольствием.

Жумабай Шаяхметович был заслуженно уважаем всеми.

А мы, молодежь, ну просто обожали его, любили»¹⁰⁴.

Сохранились кадры кинохроники тех лет, на которых запе-
чатлены раскрасневшиеся и смеющиеся работники ЦК и члены
правительства в неказистых тулупах и таких немодных куртках
на регулярных лыжных пробежках в горах Заилийского Алатау,
ведомые Жумабаем Шаяхметовым. Первый секретарь часто
привлекал своих коллег и к партиям в волейбол, который был
в числе его любимых видов спорта.

В повседневной работе дед и по должности, и по личным
качествам выступал в качестве дирижера или диспетчера, но
любил и умел играть в команде. Он знал, как ее мотивировать.
Членов этой команды подбирал с умом и ответственно, видя
сильные стороны каждого. И те большие дела, за которые люди
им до сих пор благодарны, никому из них, включая деда, не
удалось бы совершить в одиночку.

Вместе с тем до сих пор наблюдаются попытки изображать
все так, что кто-то из этой команды стоял особняком, словно
обладая каким-то высшим знанием и особыми полномочиями,
и действовал в гордом одиночестве — как бы в безвоздушном
пространстве. Но мифы — пусть уже высеченные в камне ме-
мориальной доски — о том, что, к примеру, тот же председатель
правительства мог единолично принимать и реализовывать
то или иное решение, которое было общественно значимым
и имело последствия для бюджета республики, мгновенно

---

¹⁰⁴ А. Шалов. *За далью лет твой светлый образ*. Газета «Доживем до
понедельника», № 29 (113), 26 июля — 1 августа 2002 года.

разваливаются при столкновении с реальностью — словно сгорают в плотных слоях атмосферы. В те годы поистине коллективного руководства все такие решения, как мы хорошо помним, принимались коллегиально и оформлялись совместным постановлением Верховного Совета, Совета Министров и ЦК Компартии Казахской ССР за подписями их руководителей.

Как и многие тогда, Жумабай Шаяхметов трудился, как говорится, буквально на износ. Обычный рабочий день (9:00–18:00) сменялся коротким заездом домой, чтобы перезарядиться, а потом в 22:30 возобновлялся опять. В своем кабинете он задерживался до 3–4-х часов утра, чтобы в 9:00 опять быть на службе. И так каждый день, кроме воскресенья.

Дав своей супруге зарок не пить спиртного, когда работал еще сотрудником уголовного розыска, он оставался верным своему слову всю свою жизнь. В годы перестройки появилось немало захватывающих дух историй о том, что Сталин якобы любил спаивать и унижать тех, кто входил в «ближний круг», и что того же Хрущева заставлял плясать гопака перед участниками частых застолий. Не мне судить, что из этого является правдой, а что апокрифом «а ля Радзинский». Знаю только, что, по рассказам деда, на обедах и приемах в Кремле по распоряжению Сталина перед первым секретарем Компартии Казахстана ставили графин сока под цвет вина.

Московский период в его жизни после выхода на пенсию не был его выбором. Жестокий недуг в виде опухоли головного мозга вынудил его перенести две сложнейшие операции, связанные с трепанацией черепа, и постоянно находиться под наблюдением специалистов Научно-исследовательского института нейрохирургии им. академика Н. Н. Бурденко.

Головные боли Жумабая Шаяхметова преследовали давно, но неутешительный диагноз был поставлен слишком поздно, когда сигнал бедствия подал уже сам организм: в августе

1955 года во время служебной командировки в связи с проходившей сессией Верховного Совета СССР, депутатом которого он оставался даже после снятия с поста первого секретаря Южно-Казахстанского обкома партии, дед потерял сознание в гостинице «Москва».

Некоторые связывают его болезнь с вероятностью облучения во время первого ядерного испытания на Семипалатинском полигоне в 1949 году. Мне представляется, что мог сработать целый ряд факторов.

Не могли не сказаться колоссальные нагрузки, которые легли на плечи управленцев в 1940–1950-е годы, когда пришлось, ко всему прочему, восстанавливать порядка 1 700 городов страны, разрушенных в ходе войны. Неслучайно Сталин делал тогда ставку на 30-летних Косыгина, Устинова, Зверева, Ломако, считая тех же Молотова, Кагановича, Ворошилова уже стариками, хотя тем было всего за 50. Когда началась война Жумабаю Шаяхметову было 38. Такие темпы работы были по плечу только молодым, но и для них такие перегрузки не проходили бесследно.

Главной причиной стремительно прогрессирующей болезни я считаю, все-таки, перенесенный дедом стресс, когда за беззаветное служение делу, в которое он реально верил, ему так отплатили. От него, действительно, многие отrekliсь. Кто-предал, кто-то оболгал, кто-то счел за благо просто промолчать, кто-то заставил пережить унижение. А общество в целом подвергло его забвению.

Не могу без волнения смотреть на официальный снимок делегатов от Казахстана на XX съезде КПСС, проходившем в феврале 1956 года. Некоторые полагают, что бомба под СССР была заложена не Лениным в тексте Договора об образовании СССР 1922 года, а Хрущевым в его докладе, который в числе других участников съезда заслушали и те, кто на этом снимке запечатлены.

Невысокого роста дед стоит зажатый во втором ряду среди большой группы соратников. Что-то в этом снимке меня всегда смущало. Хотелось понять: что именно. Нет, не его вызывающий сочувствие вид с перевязанной после очередной операции головой. Не выражение его лица, по которому я пытался прочесть переживаемые им в тот момент эмоции.

Потом понял: у меня почему-то возникает чувство неловкости за тех, кто сидит. Может быть и деду в тот момент было за них неудобно? Ведь у казахов принято оказывать элементарные знаки внимания более старшему по возрасту и заслуженному человеку. Тем более раненому командиру. Пусть уже и бывшему.

На его месте я, наверное, вышел бы из кадра, чтобы не портить товарищам картинку... Но дед стоит. Стоит там, куда его определил постановщик этого снимка. И держится мужественно — как стойкий оловянный солдатик. Мне почему-то кажется, что он понимал уже тогда, к чему все происходившее на том съезде может привести...

Еще больше уважаю его за умение так держать удар.

После смерти Жумабая Шаяхметова первой московской государственной нотариальной конторой было составлено свидетельство о праве на наследство и акт описи имущества от 18 апреля 1967 года. Среди вещей: стол обеденный — 10 рублей, тахта старого образца — 5 рублей, кровать двуспальная — 20 рублей, телевизор «Енисей» — 70 рублей, холодильник «Ока» — 70 рублей, стулья, тумбочка, ковер, портьеры, буфет... итого 31 предмет на сумму 294 рубля¹⁰⁵.

Это все, что он нажил с супругой Майнур в Москве, находясь на пенсии и на лечении. Однако вещи и материальные блага их никогда не интересовали. Главным богатством считали своих детей и внуков.

---

¹⁰⁵ Акт описи имущества Ж. Шаяхметова от 17 декабря 1966 года, составленный государственным нотариусом Первой московской государственной конторы. Архив семьи Шаяхметова.

ХП. Точки сборки смыслов

В заключительном абзаце упомянутой выше статьи 2002 года к 100-летию Жумабая Шаяхметова, где я говорил о необходимости устранения «белых пятен» в нашей истории, выпускающий редактор «Казахстанской правды» счел за благо вычеркнуть последнее — ключевое для понимания смысла всего текста — предложение, где было сказано:

«Мне думается, что делать это нужно обязательно, чтобы наши потомки, которые непременно займутся воссозданием истории, но уже с высоты своих знаний, не смогли упрекнуть нас в том, что и мы, оказывается, заблуждались, попав в плен очередных мифов».

Ту статью я решил закончить такими словами именно из-за возникших уже тогда опасений, что, освободившись от одних иллюзий, мы попадаем в ловушку других.

Когда граждане постсоветских стран отринули свои учения и прочие «измы» как абсолютно несостоятельные, к ним тут же пришли другие идеи, в частности либерализма, как самоочевидные, единственно возможные и реально работающие. Как показало развитие событий за эти 30 лет, и они, увы, обернулись мифами, наиболее коварными из которых, на мой взгляд, стали мифы о свободе личности и свободном рынке.

Поставив чисто абстрактную свободу индивида во главу угла, «мыслители», которыми тогда все зачитывались и некоторые из которых — тот же Фрэнсис Фукуяма — в почете до сих пор, сумели убедить людей в отсутствии всякой альтер-

нативы системе общественных отношений, где обязательно есть победители и проигравшие и где растущий из года в год и без того колоссальный имущественный разрыв является нормой бытия.

Согласно этой школе мысли, ответственность за неуспех возлагается на индивида и утверждается, что, если вы живете бедно, то это не потому, что в мироустройстве есть какие-то системные или фатальные дефекты, а из-за того, что вы просто не умеете или еще просто не научились пользоваться своей свободой.

В годы, когда происходил переход к новому экономическому укладу, со всех уровней транслировался и тезис о магической «невидимой руке» рынка, о неэффективности централизованного планирования и государственного вмешательства и о порочности патерналистской модели государственного управления.

Когда после сноса социально-экономического каркаса, построенного на социалистических принципах хозяйствования, улеглась пыль, выяснилась неприятная для бывших строителей коммунизма вещь. Крупный бизнес, оказывается, давно забыл о «свободе» рынка и, когда нужно, на полную мощность включает механизм государственного регулирования — но не на благо большинства, а в собственных интересах. Он выступает против господдержки — для неимущих, но давно построил госкапитализм — для себя.

Как верно подметил известный американский философ и лингвист Ноам Хомский, идеологи монополий критикуют «социализм» и вмешательство государства, но только когда оно происходит в интересах широких масс. «Социализм», как оказалось, построен для богатых, в то время как идеи «свободного рынка» со всеми их минусами работают только для бедных¹⁰⁶.

---

¹⁰⁶ Ноам Хомский. *Оптимизм вопреки отчаянию*. Рипол Классик. 2018 год. 288 с.

Мы, действительно, имеем возможность наблюдать за тем, как действует выявленный Хомским базовый принцип современного госкапитализма: издержки и риски в максимально возможной степени обобществляются, ну а прибыль приватизируется. Примеры этого можно встретить практически в каждой стране, где налогоплательщиков заставляют спасать крупных игроков на рынке, придумав для них теорию «Too Big to Fail». Согласно этой концепции, некоторые корпорации, особенно финансовые учреждения-спекулянты, являются настолько крупными и взаимосвязанными структурами, что их банкротство могло бы обернуться катастрофой для всей экономики.

2020 год показал, что система, при которой на рынок с целью продажи принесли все — политику, культуру, образование, медицину, мораль, желания и наклонности, — ни в одной стране серьезный стресс-тест пройти не в состоянии. И никакие придуманные эвфемизмы типа «оптимизация» (будь то медицины или образования) ситуацию не спасают. В обществе, которому навязан культ индивидуального успеха, частной и личной инициативы, призывы к солидарности повисают в воздухе и в сердцах людей не резонируют.

Все вокруг меняется на глазах. Мы живем в ситуации, когда реальность намеренно утрачивается. Она никого уже не интересует, поскольку людей загоняют по домам и переводят путем ускоренного задействования новых технологий в мир виртуальный. Действительно, изо дня в день происходит виртуализация, т. е. стирание грани между реальным и воображаемым миром.

Сцена из повседневной жизни: начальника привозят на объект, подводят к красивым стендам и указкой показывают на то, что будет построено, отгружено, засеяно, собрано... Потом все уезжают, стенды везут на следующий объект, меняют на них картинки и опять ждут приезда высоких гостей. Парал-

лельно выпускается пресс-релиз. Видеоотчет ушел в эфир. Работа выполнена.

Заговорили и о виртореальности как о единстве социального контроля и социальной «терапии», которая контролирует человека и создает иллюзию счастья, подобно наркотикам.

Мы все являемся свидетелями и того, как тот же либерализм сам себя сейчас и упраздняет.

Это проявляется, прежде всего, в ползучем ограничении фундаментальных свобод, которые не являются больше высшей ценностью. Таковой провозглашена наша безопасность. Люди покорно делегировали государству функцию обеспечения этой безопасности, и государство с готовностью ее на себя возложило.

Что-то мне подсказывает, что, если пандемии, как обещают, станут нормой жизни, то государству просто придется брать на себя и задачу охраны здоровья населения, вместо того чтобы приватизировать эту сферу.

А что делать в этом случае с образованием? Продолжать идти по пути тех стран, где многие семьи давно пришли к выводу о том, что вложенные в его получение астрономические суммы в нынешней экономической конъюнктуре «отбить» не представляется возможным?

Упразднение либерализма выражается и в усилении различных форм контроля. Причем это происходит такими темпами, которые еще пару лет назад казались немыслимыми. Это проявляется в резком увеличении идеологических «красных линий», переступать через которые сегодня себе дороже. Об этом я уже говорил выше.

Наконец, невозможно не видеть очевидное: в XXI веке на уровне национальных государств прямо на наших глазах происходит усиление авторитарных тенденций.

У целого ряда понятий, включая, в частности, «консервативные ценности» и «традиционализм», появился сегодня подтекст, указывающий на то, что немало людей отдают пред-

почтение «третьему пути», сформулированному в тех же США в лозунге «Америка прежде всего!». Но какой истинный смысл в это вкладывается — America First или America Über Alles?

Меня всегда поражает то, что люди, страстно обличающие любые формы автократии и тоталитаризма, особенно в ненавистном им советском исполнении, абсолютно не замечают их существование прямо у них под носом — в мире корпораций, где полный диктат работодателя и абсолютное бесправие наемного работника это норма. Я согласен с теми, кто называет это современной формой рабства. Но в более привлекательной обертке. У меня в этом мире работают многие мои близкие, поэтому за свои слова отвечаю.

И вот на фоне всего происходящего продолжают активничать люди, которые, не имея ни видения, ни мужества, ни сил противостоять явной несправедливости, предпочитают вместо этого реанимировать старые обиды. Отодвинувшись на своем диванчике от сурового времени на безопасное расстояние и пребывая в полной уверенности в том, что «выстрела из прошлого» не последует, они яростно бичуют дела и поступки предшественников, призывая изгнать их из памяти как дурной сон.

Как правило, они оперируют не фактами, а оценочными суждениями, построенными с помощью «конструктора», о котором я говорил выше. Их задача — сыграть на эмоциях людей и усилить эмоциональный накал.

Психологами давно доказано, что, когда человек дает волю своим эмоциям, разум умолкает, а способность объективно оценивать ситуацию притупляется. Не на это ли расчет?

Но вправе ли люди XXI века считать себя лучше своих предшественников и строго их судить? Только по причине того, что они живут сегодня гораздо комфортнее, имеют бóльшую продолжительность жизни и лучше питаются, стали ли они более нравственными, более содержательными, более возвышенными?

Согласен с теми прозорливыми людьми, следящими за протекающими сейчас в мире процессами, которые подмечают, что у людей возникло надменное и ничем не обоснованное чувство превосходства над предыдущими поколениями. Однако парадокс заключается в том, что именно наши предшественники отстроили то пространство, которое, собственно говоря, и делает нас людьми.

Те, кто живут сейчас, в том числе все эти «очнувшиеся» и «пробудившиеся», по сути ничего еще не сделали для того, чтобы поднять человечество на более высокую ступень цивилизации и культуры, кроме быта и массового рынка. Мы, действительно, наблюдаем некоторый откат назад практически во всех сферах — в музыке, в живописи, в литературе, в сфере человеческих и межгосударственных отношений.

Коммунистической цензуры и идеологически мотивированных запретов больше нет. Предоставлена полная свобода проявления своего таланта, своего гения. Но где они выдающиеся или хотя бы значимые произведения?

Появились свои цензоры и гонители. Многие помнят, чему подвергли не так давно Джоан Роулинг, автора культовой серии романов о Гарри Поттере, когда она посмела выйти из шеренги и сказать то, что думает о политкорректности в трактовке трансгендеров. В моем представлении, хорошо, что еще остались люди, которые не готовы отказываться от своих принципов и убеждений. Но сегодня это уже подвиг. Не все на него способны.

Те, кто предлагают стереть из памяти все, что было до них, многих пугают. Новый мир, в котором история начинается только с них и в котором они живут, не совершая якобы никаких ошибок, многих страшит.

По воле случая именно в тот день (4 июля 2020 года), когда Дональд Трамп произносил приведенные ранее слова на митинге у мемориала на горе Рашмор в Южной Дакоте, где высечены барельефы четырёх президентов США — Вашингто-

на, Джефферсона, Линкольна и Теодора Рузвельта, на другом конце планеты Президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев, выступая на церемонии открытия монумента Ел Басы в Национальном университете обороны в Нур-Султане, вспомнил известную поговорку «Страна сильна своими героями» и совершенно правильно сказал: «В истории каждого государства есть уникальные личности, оставившие неизгладимый след. Долг подрастающего поколения — ценить и уважать их заслуги»¹⁰⁷.

Те, кому судьба вверяет штурвал государства, взваливают на свои плечи тяжкое бремя исторической ответственности, которое, как показывает опыт некоторых бывших союзных республик, не для всех оказывается посильным. Им не позавидуешь — их труд часто бывает неблагодарным. От них ждут чуда. Их могут сначала возносить, а потом ниспровергать, забыв про все былые заслуги и припомнив лишь ошибки, свои и общие. Их могут проклясть, а потом канонизировать.

Все они — продукты своего времени. И судить, вернее, оценивать их нужно не из конъюнктурных соображений сегодняшнего дня, а по реальным делам, рассматривая их деятельность и поступки в целом и в исторической перспективе, а не избирательно и в отрыве от глобального контекста.

Не буду оригинальным и выскажу очевидную мысль: исходя из того, что граница между Добром и Злом проходит не по демаркационным линиям между государствами, не по карте генотипов этнических групп или жузов и не по языковому принципу, а через сердце каждого человека, нужно честно ответить себе на вопрос: в чем заключаются наши смыслы, наши ценности и именно наши интересы?

---

¹⁰⁷ URL: https://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/akorda_other_events/glava-gosudarstva-prinyal-uchastie-v-ceremonii-otkrytiya-monumenta-pervomu-prezidentu-elbasy-nanazarbaevu (дата обращения: 22.04.2021).

Хочется опять выразить надежду на то, что проводимая в обществе работа по осмыслению советского прошлого, в том числе на примере жизненного пути Жумабая Шаяхметова и других видных советских деятелей, позволит дать честную и объективную оценку важного для страны исторического периода — без неуместного его приукрашивания, но и без огульного очернения всего, что с ним связано.

Это поможет осуществить своего рода реконструкцию смысла того, ради чего должны ставиться цели развития и устанавливаться национальные приоритеты.

Сегодня все чаще слышишь мнение о том, что пора уже давать ответы на давно назревшие и прямые как стрела вопросы: способны ли мы извлекать уроки из прошлого? По плечу ли нам обеспечение преемственности? Можем ли мы сделать это в одиночку? Если нет, то кто тогда наши попутчики? Наконец, сохранились ли еще точки сборки смыслов, которые могли бы окрылять и, самое главное, не разъединять, а объединять людей и укреплять в них уверенность в завтрашнем дне?

Больше нельзя мириться с провалами в своей истории, повторять не раз допускавшиеся уже ошибки и доводить из-за этого ситуацию до новых потрясений, которые неизбежно станут триггерами очередных разрывов.

После них придется еще раз, образно говоря, возвращаться к чертежной доске, т. е. начинать с нуля, чтобы заново прочерчивать контуры своего нового общежития. И опять изгонять из него прежних кумиров? И вновь переименовывать города и улицы? И в который уже раз переписывать свою историю?

Женева

Май 2021 года

Вместо послесловия

Наш век пройдет. Откроются архивы.
И все, что было скрыто до сих пор,
Все тайные истории извивы
Покажут миру славу и позор.

Богов иных тогда померкнут лики,
И обнажится всякая беда.
Но то, что было истинно великим,
Останется великим навсегда.

Николай Тихонов

Приложение I

Воссоздавая историю ради потомков (полная версия)

В одном из холлов Секретариата ООН в Нью-Йорке, где я работаю вот уже более 20 лет, выставлена небольшая скульптурная композиция известного аргентинского мастера Марты Минухин под названием «Воссоздавая историю ради потомков» (Reassembling History Towards Posterity). Эта глубоко философская тема, волнующая людей с древних времен, раскрыта скульптором, на мой взгляд, очень верно и гениально просто. Головы нескольких человек, олицетворяющих тех, кто жил на нашей планете до нас, изображены рассеченными поперек таким образом, что каждая плоскость, из которых складывается человеческий облик, немного смещена в сторону, поэтому образы имеют незаконченный вид.

Мысль художника, как мне кажется, ясна: в любой данный момент времени воспринимаемая нами картина мира не является цельной. В силу объективных, а нередко субъективных факторов она бывает неполной, искаженной. И каждое новое поколение стремится эту картину переделать на свой лад, догадываясь, наверное, о том, что в свою очередь и их потомкам обязательно захочется внести в нее свои коррективы.

Во всяком случае именно об этом я невольно думаю, когда оказываюсь рядом с этой скульптурой, в очень доступной форме демонстрирующей относительность всего, что нас окружает. С истории человечества мысли непременно переключаются и на историю нашего народа, тем более что в ней так много еще «белых пятен» и смещенных «плоскостей».

О целом пласте нашего недавнего прошлого до последнего времени было принято не вспоминать. Я имею в виду ту пору (1938–1954 годы), когда на высоких постах в Казахстане работал мой дед, Жумабай Шаяхметов, ставший к середине XX века первым казахом-руководителем республики. Между тем выросло уже не одно поколение соотечественников, которым это имя ничего не говорит.

Я не могу не понимать причины почти полувекового официального молчания и полностью отдаю себе отчет в том, что партийно-государственную деятельность моего деда — как, впрочем, и весь советский период — оценить как-то однозначно вряд ли возможно.

Действительно, с одной стороны, за 16 лет своей работы в высших эшелонах власти он внес немалый личный вклад в становление республики, в мобилизацию ее людских и материальных ресурсов на борьбу с фашизмом в годы Второй мировой войны, а также в создание и укрепление того фундамента, на который опирается индустриальный,

аграрный, научно-технический и духовный потенциал современного независимого Казахстана.

С другой стороны, при нем в республике укрепились, как сейчас принято говорить, сталинская административно-командная система с теми негативными явлениями, которые характеризовали общественно-политическую жизнь в СССР в целом.

Справедливости ради нужно вспомнить, наверное, о том, что Жумабай Шаяхметов был сыном своего, на самом деле, крайне сложного и противоречивого времени, когда огромное пространство в Евразии оказалось на историческом изломе. Вместе с другими народами Центральной Азии казахи были вовлечены в водоворот круто менявших жизненный уклад процессов, начало которым положил поистине тектонический сдвиг в России.

Как и миллионы его современников, мой дед поверил в возможность достижения тех идеалов, к которым человек стремился еще в библейские времена и, в принципе, стремится и сегодня, и своей жизнью доказал, что вера эта была искренней. Дед любил свою землю. Он не побоялся пойти на стоивший ему карьеры конфликт с Хрущевым из-за масштабов программы освоения целины, поскольку прекрасно понимал, что целинными эти земли были лишь в глазах Москвы и переселенцев, а для казахов это были пастбища, кормившие их веками.

Он действительно болел за свой народ и немало сделал для того, чтобы улучшить его положение. Многие представители творческой интеллигенции до сих пор с благодарностью вспоминают о том пристальном внимании, которое Жумабай Шаяхметов уделял развитию культуры, — даже в полные драматизма годы войны, когда все силы и средства отдавались фронту. Он был принципиальным и требовательным руководителем, но при этом оставался

скромным и доступным человеком — и когда занимал ответственные должности, и когда сошел с политической арены.

Дед был частью сформировавшейся в тот период на двух континентах системы, построенной по принципу жесткого централизма, системы, при которой провозглашенные высокие идеалы порою просто насаждались, причем нередко несправедливыми методами. Как и казахские правители XVIII–XIX веков, он был зависим от воли Москвы. Ему выпала непростая судьба работать при Сталине, с мнением которого — не стоит забывать — приходилось считаться в то время не только руководителям союзных республик, но и лидерам ведущих держав мира. Сейчас, когда та эпоха отодвинулась от нас на безопасное расстояние, политиков того периода легко судить, легко предъявлять им строгий счет, тем более что за ними немало такого, что их не красит.

Меня, как и всех в нашей семье, не может не волновать, конечно, вопрос о том, какова была реальная роль Жумабая Шаяхметова в тех трагических событиях, которыми отмечено наше недавнее прошлое, в том числе в попытках скорректировать процесс «воссоздания истории ради потомков». Я не эксперт в этом вопросе, а потому буду полагаться на беспристрастность и добросовестность профессиональных историков, имевших возможность проанализировать архивные материалы, мемуарную литературу и другие факты, относящиеся к тому периоду.

Считаю, что, каким бы ни был их вердикт, его надо принять и осмыслить, чтобы идти дальше, усвоив уроки прошлого. Как его внуку, мне остается только верить в то, что добрых дел у Жумабая Шаяхметова было больше, чем прегрешений. И еще. Я лично знаю семьи некоторых из тех, кого то суровое время не пощадило. Понимая, что

для испивших горькую чашу, для их детей и внуков это слабое утешение, я, тем не менее, возьму на себя смелость попросить у них прощения за те действия своего деда, которые обернулись для них страданиями, те его действия, которые, как я себе представляю, были совершены под мощным прессом внешнего фактора.

Период его работы на постах сначала третьего (1938–1939), потом второго (1939–1946 годы) и, наконец, первого (1946–1954 годы) секретаря Компартии Казахстана является неотъемлемой частью драматической истории казахов. Это — один из тех пластов, без которых она будет неполной. Хочется верить в то, что сейчас, когда нашей независимости пошел второй десяток, общество в состоянии взвешенно и трезво проанализировать свое недавнее прошлое и дать объективную оценку своим бывшим лидерам, включая и Жумабая Шаяхметова, 100 лет со дня рождения которого исполняется 30 августа 2002 года.

«Кто не помнит своего прошлого, тот обречен пережить его снова» — предупреждал философ Джордж Сантаяна в начале XX века. Устранение «белых пятен» в истории — процесс крайне болезненный, но необходимый. Этим нужно заниматься ради нас самих, ради наших детей, которым так трудно сейчас находить верные ориентиры, ради укрепления, в конце концов, национального самосознания. Это нужно, чтобы понять, что же с нами происходило в глубине веков и что случилось с нами в не столь уж далеком XX веке. Без этого, как представляется, нельзя добиться согласия в обществе, разобраться с проблемой национальной идеи, о которой сейчас заговорили, понять, куда же мы движемся в новом тысячелетии, и найти свое место в кардинально меняющемся прямо на наших глазах мире.

Мне думается, что делать это нужно обязательно, чтобы наши потомки, которые непременно займутся воссозда-

нием истории, но уже с высоты своих знаний, не смогли упрекнуть нас в том, что и мы, оказывается, заблуждались, попав в плен очередных мифов.

Нью-Йорк

Май 2002 года

Приложение II

Выступление Айдара Шаяхметова, ответственного сотрудника Секретариата ООН, на научно-практической конференции «Жумабай Шаяхметов: жизнь и деятельность» по случаю его 100-летия, проведенной 5 сентября 2002 года в Национальной академии наук Республики Казахстан

Сегодня во время вступительного слова министра культуры, информации и общественного согласия М. Кул-Мухамеда, когда он говорил о возникшей при Жумабае Шаяхметове практике направления казахской молодежи в лучшие учебные заведения СССР, я вдруг осознал, что сам являюсь в определенном смысле продуктом кадровой политики своего деда. Сдав в свое время экзамены в алма-атинский иняз, который он открывал, я уехал по республиканской разнарядке на учебу в Москву. Получив образование, я стал работать в ООН, где, в меру своих возможностей и способностей, стараюсь

служить интересам нашего государства, временно находясь за его пределами.

Я выступаю сегодня от имени детей, внуков и правнуков Жумабая Шаяхметова, его родных и близких. Пользуясь предоставленной мне возможностью, я хотел бы выразить нашу искреннюю признательность всем тем, кто внес свой вклад в трудное, но очень нужное всем нам дело — начало процесса кропотливого восстановления целой главы, которая в свое время была просто вырвана из учебника истории Казахстана. Спасибо вам, друзья, за вашу добрую память, за вашу честность, за вашу государственную мудрость и дальновидность.

Можно по-разному относиться к традиционной атрибутике юбилейных мероприятий: открытию мемориальных досок, выходу в свет сборников воспоминаний, проведению научно-практических конференций. Однако, на мой взгляд, в отношении политического лидера, чье имя на долгие годы было вычеркнуто из общественно-политического лексикона, она может означать только одно — то, что общество не желает более мириться с искусственно созданным провалом в коллективной памяти народа.

Имя Жумабая Шаяхметова вписано в летопись XX века независимо от нашей с вами воли. 15-летний период его работы в высших эшелонах власти в Казахстане — это отдельная глава в драматической истории казахов, без которой она будет неполной.

В прозвучавших сегодня выступлениях, к нашему глубокому удовлетворению, дана справедливая, объективная и взвешенная оценка Жумабая Шаяхметова. Сегодня принята попытка серьезного анализа жизни и деятельности общественно-политического деятеля, руководившего нашим государством в период суровых испытаний. Я уверен, что исследователи еще не раз будут возвращаться к тому периоду,

без осмысления которого трудно сориентироваться в настоящем и правильно спрогнозировать вектор будущего развития.

Я не профессиональный историк, я — международник, который вот уже многие годы работает в штаб-квартире главной межгосударственной организации. Не затрагивая жизнь и деятельность своего деда, я попробую несколькими штрихами нарисовать исторический фон, на котором ему пришлось действовать, и попытаюсь провести некоторые исторические аналогии и параллели, пользуясь существующей у меня возможностью анализировать нашу действительность с учетом международного контекста и оценивать западное общество через призму нашего исторического опыта.

Мне представляется, что нельзя претендовать на объективность и научность исторических оценок, если не пытаться раздвинуть узкие рамки конкретного исторического пространства и времени, если не рассматривать то или иное явление или ту или иную политическую личность в глобальном контексте. Иными словами, серьезный анализ, на мой взгляд, невозможен, если мы будем продолжать вариться в собственном соку.

Когда читаешь нашу критику сталинского периода — с его негативными явлениями, перегибами, репрессиями и другими эксцессами, которым, естественно, никогда не будет оправдания, — возникает такое впечатление, что в остальных странах мира в тот же период царила полная идиллия. Хотя все мы знаем, что это далеко не так. Те политические процессы, которые затронули в начале XX века казахов вместе с другими народами Центральной Азии, бурно протекали и в других странах мира. Достаточно вспомнить, что под их натиском были свергнуты германский кайзер, австрийский император, турецкий султан, русский царь. Результатом внутренних противоречий и межгосударственных конфликтов стали две мировые войны, в промежутке между которыми во многих странах бушевали ожесточенные классовые бои.

Коротко два примера.

30-е годы. Испания. Массовое истребление людей в ходе братоубийственной гражданской войны.

1932 год. Вашингтон. 20-тысячный марш протеста безработных и обнищавших в результате поразившего страну финансового кризиса ветеранов Первой мировой войны, которые требуют выплаты обещанной солдатской надбавки. В результате проведенной по приказу президента Гувера операции по «зачистке» американской столицы с применением танков, армейских подразделений имеются человеческие жертвы, в том числе дети. Командовал той операцией легендарный генерал Дуглас Макартур. Его адъютантом был майор Дуайт Эйзенхауэр, которому этот печальный эпизод не помешал стать впоследствии героем войны, а потом и президентом страны.

К слову сказать, в биографии практически любого политического лидера есть факты, которые бывает трудно примирить с его сформировавшимся имиджем. Сегодня мало кто вспоминает, например, о том, что тот же Томас Джефферсон, у которого сейчас принято учиться премудростям демократии, умирал в окружении сотен рабов, которыми он владел до последней минуты.

В истории любого государства есть страницы, которые никому не хочется заново перелистывать. Не принято вспоминать, к примеру, о том, что в основе экономического процветания тех же США лежит проведенная в свое время беспрецедентная по своим масштабам кампания «этнической чистки» в отношении коренного населения, которая по своей жестокости, по оценке некоторых американских же исследователей, мало чем отличается от сталинских репрессий.

Эти короткие примеры я привел не для того, чтобы оправдать своего деда, а для того, чтобы легче было понять, что он действовал тогда в жестко заданных координатах

своей эпохи. Эпохи, которая стала свидетелем грандиозного социального эксперимента, когда отсталая аграрная страна в условиях враждебного окружения сумела в сжатые сроки осуществить — без значительных иностранных кредитов, инвестиций и иных вливаний — широкомасштабную индустриализацию, апофеозом которой стал исторический космический старт с Байконура в 1957 году.

Да, для этого командными методами были мобилизованы внутренние ресурсы, когда была максимально укреплена государственная машина со всеми известными нам эксцессами. Да, при этом в стране развернулась вакханалия всеобщей подозрительности, когда в общественном сознании утвердился «образ врага». Да, в тот период окончательно сформировалась психология «окруженца», когда везде мерещились враги, шпионы и диверсанты.

Но вот в чем исторический парадокс. Во многом похожая атмосфера, как мы видим, начинает сейчас царить в США, казалось бы, гораздо более просвещенной, продвинутой и благополучной во всех отношениях стране, после того как она впервые столкнулась с реальной внешней угрозой в лице международного терроризма. Примечательно и то, что их ответная реакция нам во многом знакома. Это укрепление «вертикали власти», определенное свертывание гражданских прав и свобод, создание тайных военных трибуналов, расширение института «стукачей».

Кому-то может показаться, что все, о чем я здесь говорил, к теме сегодняшней конференции не имеет никакого отношения. Но, на мой взгляд, это поверхностное суждение. Чтобы понять частное, нужно охватить целое, попытаться сформировать цельную картину воспринимаемого нами мира.

«Кто не помнит своего прошлого, тот обречен пережить его снова» — этим предостережением философа Джорджа Сантаяны я хотел бы завершить свое выступление. Устра-

нение «белых пятен» в истории — процесс крайне болезненный, но необходимый. Этим нужно заниматься ради нас самих, ради наших детей, которым так трудно сейчас находить верные ориентиры, ради укрепления, в конце концов, национального самосознания.

Это нужно, чтобы понять, что же с нами происходило в глубине веков и что случилось с нами в не столь уж далеком XX веке. Без этого, как представляется, нельзя добиться согласия в обществе, разобраться с проблемой национальной идеи, о которой сейчас заговорили, понять, куда же мы движемся в новом тысячелетии, и найти свое место в кардинально меняющемся прямо на наших глазах мире.

Мне думается, что восстанавливать и осмысливать свое прошлое нужно обязательно, чтобы наши потомки, которые непременно займутся переписыванием нашей истории, но уже с высоты своих знаний и исторического опыта, не смогли упрекнуть нас в том, что и мы, оказывается, заблуждались, попав в плен очередных мифов.

Содержание

<i>Об авторе.....</i>	<i>4</i>
<i>Слова благодарности от автора.....</i>	<i>6</i>
<i>Вместо предисловия.....</i>	<i>7</i>
I. С берегов Иртыша к берегам Лемана	13
II. Раскидистое семейное древо	53
III. «Отмененный» Жумабай Шаяхметов	70
IV. Приглашение к квесту	82
V. На фронтах Великой психоисторической.....	93
VI. Ложные аналогии?	105
VII. Историография как орудие агитации и пропаганды.....	114
VIII. Извечный земельный вопрос	124
IX. Кремлевские технологии «смены режимов»	140
X. Сын своего — не нашего — времени	153
XI. Собирая рассыпанную мозаику.....	176
XII. Точки сборки смыслов	192
<i>Вместо послесловия.....</i>	<i>200</i>

Приложения

I. Воссоздавая историю ради потомков (полная версия).....	201
II. Выступление на научно-практической конференции «Жумабай Шаяхметов: жизнь и деятельность» по случаю его 100-летия, проведенной 5 сентября 2002 года в Национальной академии наук РК.....	207

Шаяхметов Айдар Равильевич

Реконструкция смысла

Эссе о Жумабае Шаяхметове

Технический редактор Эльмира Заманбек
Художественный редактор Женис Казанкапов
Дизайнер Жамшидбек Эгамбердиев
Компьютерная верстка Улжан Бердибековой

Подписано к печати 28.06.21.
Формат 84 × 108 $\frac{1}{32}$. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. п. л. 13,02. Заказ № 186. Тираж 1000.

Издательство «Фолиант».
010000, г. Нур-Султан, ул. Ш. Айманова, 13

Отпечатано в типографии «РЕГИС-СТ Полиграф»
010000, г. Нур-Султан, ул. Ш. Айманова, 13

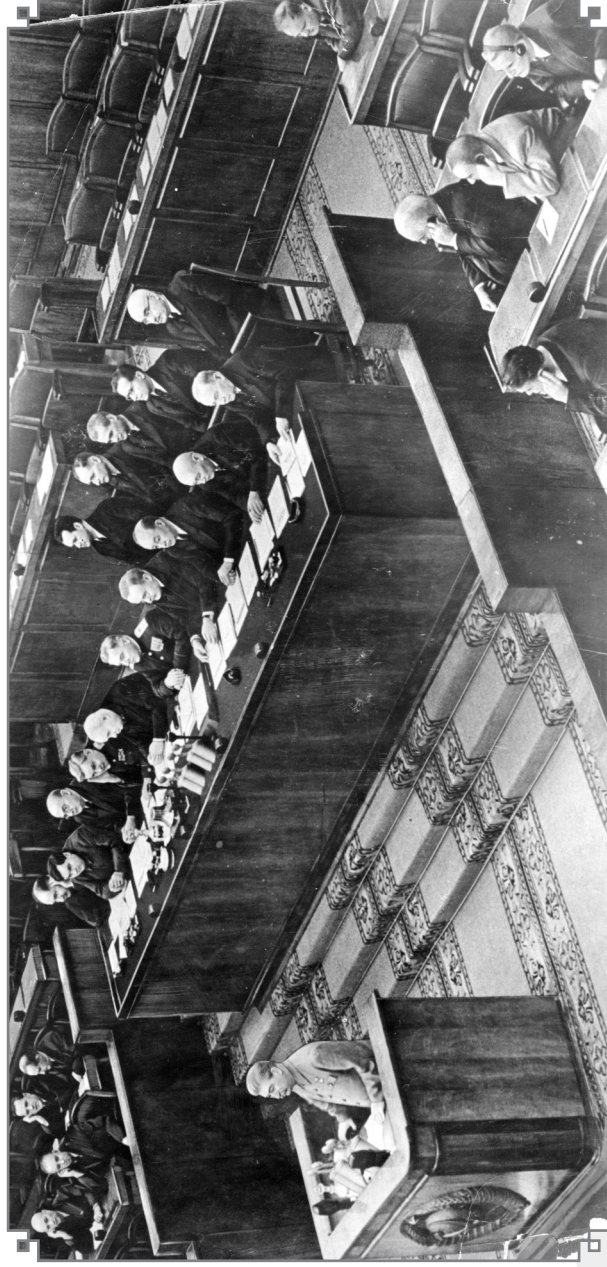
*Ж. Шаяхметов, первый секретарь ЦК
Компартии Казахстана, Председатель
Совета Национальностей Верховного
Совета СССР*

*Ж. Шаяхметов — депутат
Верховного Совета СССР первого
созыва, делегат XVIII Всесоюзной
партийной конференции ВКП(б).
Москва, февраль 1941 года*

*Торжественное заседание, посвященное 70-летию И. Сталина, в Большом театре СССР.
Слева направо: Мао Цзэдун, Ж. Шаяхметов, Н. Булганин, И. Сталин, Д. Ибарури, Н. Хрущев.
Москва, 21 декабря 1949 года*

Ж. Шаяхметов на заключительном заседании XIX съезда КПСС. На снимке (слева направо): в президиуме Л.М. Казанович, Г.М. Маленков, Л.П. Берия, Н.А. Булганин, Н.С. Хрущев, К.Е. Ворошилов, В.М. Молотов, Д.С. Коротченко, Ж.Ш. Шаяхметов, О.В. Куусинен; во втором ряду: Н.С. Патоличев, А.Б. Аристов, А.И. Ниязов, В.М. Андрианов и М.Д. Багиров. На трибуне И.В. Сталин. Москва, Кремль, 14 октября 1952 года

Ж. Шаяхметов ведет заседание второй сессии третьего созыва Верховного Совета СССР, посвященное принятию Закона о мире, который зачитывает поэт Н.С. Тихонов (на трибуне), председатель Советского комитета защиты мира. Слева направо: Н.М. Шверник, Ж.Ш. Шаяхметов, М.А. Яснов, И.В. Сталин,

А.И. Кириченко, А.И. Ниязов, А.Ю. Снечук. Москва, Кремль, 12 марта 1951 года

Делегаты XX съезда КПСР от Казахской ССР. Ж. Шаяхметов (шестой слева во втором ряду) с повязкой на голове после операции в Институте нейрохирургии им. Н. Бурденко.

Москва, Кремль, февраль 1956 года

Снимок делегации КазССР на сессии Верховного Совета СССР, опубликованный газетой «Правда» 13 июля 1956 года. Слева направо Т. Абдразаков, Ж. Шаяхметов (со следами операции, связанной с трепанацией черепа) и М. Сужиков.

Москва, Кремль, 12 июля 1956 года

Торжественное открытие сессии, посвященной первой годовщине со дня основания Академии наук КазССР.

Справа налево: А. Джангильдин, Д. Кунаев, М. Абдыкалыков, Ж. Шаяхметов, М. Ауэзов.

Алма-Ата, 1947 год

Ж. Шаяхметов и Джамбул в президиуме первого республиканского айтыса акынов в Казахском театре оперы и балета. Алма-Ата, 4 декабря 1943 года

Ж. Шаяхметов, маршал С. Буденный и Н. Ундасынов на торжественном заседании в Казахском театре оперы и балета. Алма-Ата, 1948 год

Ж. Шаяхметов и Н. Кузембаев, председатель Алма-Атинского облисполкома, на открытии торжественного митинга, посвященного 100-летию со дня рождения Джамбула Джабаева. Алма-Атинская область, 1947 год

Ж. Шаяхметов на вручении наград передовикам сельского хозяйства. Алма-Ата, 1948 год

*Ж. Шаяхметов выступает на митинге, посвященном запуску
первого гидроагрегата Усть-Каменогорской ГЭС.*

21 декабря 1952 года

*Ж. Шаяхметов с членами правительства Казахской ССР на
открытии высокогорного катка «Медео».*

Алма-Ата, 4 февраля 1951 года

*Ж. Шаяхметов с семьей во время голосования
на избирательном участке.
Алма-Ата, 1950 год*

*Ж. Шаяхметов с супругой Майнур в Постоянном
представительстве Казахстана в Москве.
23 февраля 1959 года*

Старшие дети Ж. Шаяхметова (слева направо): Нозль, судмедэксперт, антрополог, ученик профессора М. Герасимова, дочь Алма, географ, всю жизнь проработавшая в Институте географии АН КазССР, и Равиль, инженер-металлург по цветным и редким металлам, из которых на УМЗ создавали «изделия» для космической и оборонной промышленности СССР. Алма-Ата, 7 ноября 1951 года

Ж. Шаяхметов, первый секретарь Южно-Казахстанского обкома Компартии Казахстана, со старшим внуком Булатом. Чимкент, 1954 год

*Владимир Жумабаевич
Шаяхметов и
его супруга Анна
Афанасьевна. Они
познакомились на
АЗТМ, где он работал
формовщиком, а она
— крановщицей. После
свадьбы уехали на
Всесоюзную ударную
комсомольскую стройку
в Усть-Илимск, где
на Ангаре возводилась
знаменитая ГЭС.*

1960 год

*Таргын Жумабаевич со своими племянниками Ринатом
Хисматулиным, сыном Алмы, Булатом и Таней, дочерью Владимира
Жумабаевича. После смерти родителей уехал на Север, где долго
работал на шахтах Воркуты. Годы спустя он рассказывал:
«Когда умер отец, вспомнил фильм “Прощайте, голуби!”, где
один из персонажей говорит: “Эх, молодость! Сейчас бы в руки
комсомольскую путевку и хоть на край Земли!”. Так и поступил»*

На реконструкции павильона Казахской ССР на ВДНХ СССР. Слева направо: Т. Басенов — начальник Управления по делам архитектуры Совета Министров КазССР, Д. Керимбаев — председатель Президиума Верховного Совета КазССР, Н. Ундасынов — председатель Совета Министров КазССР, Ж. Шаяхметов — первый секретарь ЦК КПК и И. Петров — архитектор. Москва, ВДНХ, лето 1951 года

*А. Шалов, председатель
Алма-Атинского городского
совета ветеранов войны
и труда, Р. Шаяхметов,
внук Ж. Шаяхметова,
открывают мемориальную
доску к 100-летию со дня его
рождения на доме, где он жил
в 1946—1954 годы. Справа
— дочь Алма Жумабаевна.
Алматы, 4 сентября
2002 года*

*Сыновья Равиля Шаяхметова — Булат, Айдар, Ринат и Ноэль на
открытии мемориальной доски у дома, где жил Ж. Шаяхметов.
Алматы, 4 сентября 2002 года*

Бибигуль Тулегенова, народная артистка СССР и Казахстана, Герой Социалистического Труда, с внуками и правнуками Ж. Шаяхметова на конференции посвященной 100-летию со дня его рождения. На снимке (слева направо):

Ринат Равильевич, Ален Ринатович, Тимур Айдарович, Бибигуль Тулегенова, Марат Ринатович, Эльнар Нозльевич и Нозль Равильевич.

Алматы, Академия наук РК, 5 сентября 2002 года

*Мы с Акмарал бережно храним этот снимок с Бибигуль
Тулегеновой и Еркеком Серкебаевым, сделанный после
выступления мастеров искусства Казахстана на концерте в зале
Дага Хаммаршельда в Секретариате ООН.*

Нью-Йорк, 16 ноября 1981 года

*С Алибеком Днишевым на выставке произведений искусства,
ремесел и фотографий «Казахстан в Нью-Йорке» во второй
башне Всемирного торгового центра.*

Нью-Йорк, 16 ноября 1981 года

*Газиз Дугашев (справа), народный артист Казахской ССР,
главный дирижер Театра оперы и балета им. Абая, и Байгали
Досымжанов, народный артист Казахской ССР.*

Алма-Ата, 1958 год

Над письменным столом в моем кабинете на видном месте висит любимая черно-белая фотография улыбающихся мамы и папы в домашнем интерьере. Розалии и Рауля Шаяхметовых, увы, уже давно нет с нами, но они продолжают жить в наших сердцах - и на этом снимке, сделанном другом семьи Посифом Будневичем. Алматы, 1992 год

*Снимок на память. С ровесником или с потенциальным противником?
Военная академия США в Вест-Пойнте, штат Нью-Йорк,
ноябрь 1975 года*

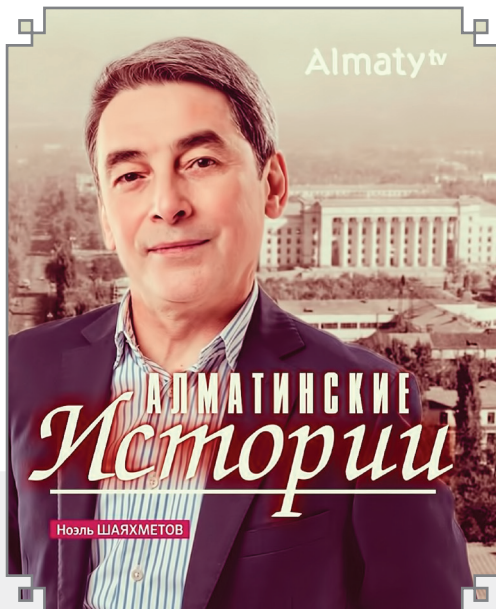
*Из четырех сыновей
Равиля Шаяхметова
только Булат пошел по
стопам отца и нашел себя
в цветной металлургии,
где добился больших
успехов: стал доктором
технических наук и внес
большой вклад в развитие
отрасли.*

*Алма-Ата, Институт
металлургии и обогащения
Академии наук КазССР,
1987 год*

Средний брат Ринат - собиратель документов, материалов и фотографий о нашем городе и семье. На снимке (слева направо): академик С.З. Зиманов, Ринат и академик С.Б. Балмуханов.

Алматы, Академия наук РК, 2006 год

Мой младший брат Ноэль — автор и ведущий популярной телепередачи «Алматинские истории» на телеканале «Алматы». Этот цикл передач стал не только гимном городу и признанием ему в любви, но и данью памяти тем, кто создавал его неповторимую ауру.
Алматы, 2021 год

*Памятная встреча в дни проведения специальной сессии
Генеральной Ассамблеи ООН по окружающей среде ("Рио+5").*

*Постоянное представительство Республики Казахстан
при ООН в Нью-Йорке. Слева направо: Е.Х. Казыханов,
А.Р. Шаяхметов, К.К. Токаев, Н.А. Назарбаев и*

А.Х. Арыстанбекова.

Нью-Йорк, 23 июня 1997 года

*После вручения заместителем Генерального
секретаря ООН и Генеральным директором
Отделения ООН в Женеве К.К. Токаевым медали
«За 30-летнюю безупречную службу на благо
Объединенных Наций».*

Дворец Наций в Женеве, 24 октября 2013 года

Этот снимок с Акмарал мне нравится своим теплым настроением и памятен тем, что сделан Касым-Жомартом Токаевым. Анси, Франция, 7 января 2012 года

Поздравления от Постоянного представителя РК при Отделении ООН в Женеве Жанар Айтжановой по случаю вручения медали «25 лет независимости Республики Казахстан» и ведомственной награды МИД РК — медали им. Назира Тюрякулова «За вклад в развитие внешней политики Республики Казахстан».

Дворец Наций в Женеве, 26 марта 2017 года